Robert J. Sawyer

Volume One of The Neanderthal Parallax

HOMINIDS

"Sawyer is a writer of boundless confidence and solid scientific extrapolation."
—*The New York Times*

Гоминиды
Роберт Сойер

Роберт Сойер. Гоминиды
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47

Приложение
Интервью с автором

Роберт Сойер
Гоминиды

Южные леса дают нам понять, что не обязательно всё должно быть именно так, что на земле есть место для вида, верного моральным аспектам того, что мы, люди, называем «гуманностью»: уважение к другим, самоограничение, неприятие насилия для урегулирования конфликтующих интересов. Появление таких черт у бонобо даёт нам намёк на то, что они могли бы развиться и у Homo sapiens, если бы его эволюционная история была немного другой.

Ричард Рэнгам и Дейл Петерсон «Демонические самцы: человекообразные обезьяны и истоки людской жестокости»

Никакой приватности всё равно нет. Просто смиритесь.

Скотт Макнили Исполнительный директор «Sun Microsystems»

Посвящается Марселю Ганье и Салли Томашевич,
«чуваку» и «чувихе»,
большим людям и большим друзьям

Глава 1

День первый

Пятница, 2 августа

148/118/24

Тьма была абсолютно непроницаема.

За ней присматривала Луиза Бенуа, постдок[1] из Монреаля двадцати восьми лет, с безупречной фигурой и роскошной гривой каштановых волос, в соответствии со здешними правилами забранной под предохранительную сетку. Она несла вахту в тесной пультовой, погребённой в двух километрах — «миля с четвертью», как она иногда поясняла гостям из Америки с акцентом, который они находили очаровательным — под поверхностью земли.

Пультовая находилась сбоку от платформы, расположенной непосредственно над огромной тёмной каверной, в которой помещалась Нейтринная обсерватория Садбери. В центре каверны

---

[1] Примечания: 1

Post doctorate — научный сотрудник, имеющий учёную степень Ph.D. (примерный аналог кандидата наук). *(Прим. перев.)*

была подвешена крупнейшая в мире акриловая сфера двенадцати метров («почти сорок футов») в диаметре. Сфера была заполнена 1100 тоннами тяжёлой воды, взятой в аренду у компании «Канадская атомная энергия, Ltd.».

Прозрачную акриловую сферу охватывал геодезический массив стальных балок, несущих на себе 9600 фотоумножительных трубок; каждая из них направлена в центр сферы и с внешнего конца закрыта параболической отражающей крышкой. Всё это — тяжёлая вода, акриловая сфера и окружающая её геодезическая оболочка — находилось внутри каверны высотой в десять этажей, выдолбленной в окружающей норитовой породе и имеющей форму бочки. И эта гигантская каверна была почти до краёв заполнена обычной водой высокой степени очистки.

Луиза знала, что два километра Канадского щита у неё над головой защищают тяжёлую воду от космических лучей. А оболочка обычной воды поглощает природную фоновую радиацию, испускаемую следовыми количествами урана и тория, содержащимися в окружающих горных породах, не давая ей достичь тяжёлой воды. Таким образом, ничто не могло добраться до тяжёлой воды, кроме нейтрино, тех бесконечно малых

субатомных частиц, что были объектом исследований Луизы. Триллионы нейтрино пронзают Землю каждую секунду; в сущности, нейтрино способно пройти сквозь слой свинца толщиной в световой год со всего пятидесятипроцентной вероятностью столкнуться с чем-нибудь.

И всё же Солнце испускает такое чудовищное количество нейтрино, что столкновения время от времени случаются, и тяжёлая вода — идеальная мишень для таких столкновений. Ядро входящего в состав тяжёлой воды водорода содержит протон — как и любое ядро водорода — а также нейтрон. И когда нейтрино случайно ударяет в нейтрон, тот распадается, испуская ещё один протон, электрон, и вспышку света, которую может зарегистрировать фотоумножительная трубка.

Луизины тёмные изогнутые брови поначалу даже не шелохнулись, когда она услышала гудок, означающий детекцию нейтрино — такой сигнал звучал десяток раз на дню, и хотя это было самое волнующее из того, что может произойти здесь, под землёй, само по себе это событие не стоило того, чтобы отрываться от свежего номера «Космополитэн».

Но потом сигнал прозвучал снова, и снова, а потом загудел непрерывно, словно сигнал с элек-

трокардиографа умирающего.

Луиза поднялась из-за стола и подошла к консоли детектора. На ней красовалась рамка с фотографией Стивена Хокинга — разумеется, неподписанной; Хокинг посетил торжественное открытие Нейтринной обсерватории Садбери в 1998. Луиза постучала пальцем по динамику сигнала на случай, если его перемкнуло, но гудение не прекратилось.

Пол Кирияма, костлявый аспирант, ворвался в пультовую, прибыв из какого-то другого места огромной подземного комплекса. Как было известно Луизе, Пол в её присутствии ужасно смущался, но в этот раз за словом он в карман не полез.

— Что за фигня здесь творится? — спросил он.

На детекторной консоли находилась матрица светодиодов 98 на 98, каждый элемент которой обозначал один из 9600 фотоумножителей; они горели все до единого.

— Может, кто-то случайно включил освежение в каверне? — предположила Луиза. Предположение не показалось правдоподобным даже ей самой.

Непрерывное гудение, наконец, смолкло. Пол нажал несколько кнопок, включив систему

видеонаблюдения внутри каверны. Экраны мониторов были совершенно черны.

— Ну, если свет и включали, — сказал он, — его уже выключили. Интересно, что…

— Сверхновая! — воскликнула Луиза, хлопнув своими изящными ладонями с длинными пальцами. — Мы должны связаться с Центральным бюро астрономических телеграмм и установить наш приоритет. — Хотя Нейтринная обсерватория была построена с целью изучения нейтрино, излучаемых Солнцем, она фиксировала нейтрино из любого источника.

Пол кивнул и бухнулся в кресло перед компьютером, активируя закладку с сайтом Бюро. Луиза знала, что об обнаруженном явлении лучше заявить сразу, даже если уверенности в нём нет.

С детекторной консоли прозвучала ещё одна серия гудков. Луиза взглянула на световую матрицу — по ней было разбросано несколько сотен огоньков. Странно, подумала она. Сверхновая должна фиксироваться как направленный поток…

— Может быть, что-то не в порядке с оборудованием? — сказал Пол, очевидно, подумав о том же самом. — Или соединение с одним из умножителей искрит, а остальные регистрируют свечение.

Воздух разорвал скрипучий стон, идущий от

двери — той, что вела на платформу над гигантской детекторной камерой.

— Может быть, нам стоит самим включить свет в камере, — сказала Луиза.

Стон повторился — словно подземное чудовище рыскало в ночи.

— А если это и правда сверхновая? — сказал Пол. — Если включить свет, детектор станет бесполезен, и…

Раздался резкий звук, как от хоккейного щелчка.

— Включи свет!

Пол убрал предохранительную крышку с кнопки выключения и нажал на неё. Мониторы видеонаблюдения вспыхнули белым, затем на них проступило изображение…

— *Mon dieu!* — воскликнула Луиза.

— Что-то внутри ёмкости с тяжёлой водой! — крикнул Пол. — Но как оно туда…

— Ты это видел? — перебила его Луиза. — Оно шевельнулось, и… о боже, это человек!

Стуки и стоны продолжились, а потом…

Они увидели это на мониторах и услышали сквозь стены.

Гигантская акриловая сфера треснула вдоль нескольких швов, что скрепляли её сегменты.

«Tabernacle» — выругалась Луиза, осознавая, что тяжёлая вода сейчас смешивается с обычной H_2O, заполняющей бочкообразную каверну. Её сердце бешено заколотилось. Какое-то мгновение она не знала, что тревожит её больше — потеря детектора, или судьба человека, который, очевидно, тонул внутри него.

— Пошли! — крикнул Пол, направляясь к двери, ведущей на платформу над детекторной каверной. Камеры наблюдения записывали всё происходящее; ничего не будет упущено.

— *Un moment*, — сказала Луиза. Она метнулась через пультовую, схватила телефонную трубку и набрала внутренний номер из списка, висящего на стене.

Ответили после второго гудка.

— Доктор Монтего? — сказала Луиза, услышав ямайский акцент врача шахты. — Это Луиза Бенуа из нейтринной обсерватории. Вы нужны нам прямо сейчас внизу, в пультовой. Человек тонет в детекторной камере.

— Тонет? — удивился Монтего. — Как он туда попал?

— Мы не знаем. Поторопитесь!

— Уже бегу, — ответил доктор. Луиза вернула трубку на место и бросилась к синей двери, за

которой скрылся Пол; она уже успела закрыться. На двери были надписи, которые Луиза помнила наизусть:

> Держать дверь закрытой
> Осторожно, высоковольтные кабели
> Запрещается вносить несертефицированное электронное оборудование
> Состав атмосферы проверен: вход разрешён

Луиза потянула за ручку, открыла дверь и вошла в большое помещение с металлическими стенами.

Сбоку в полу был люк, ведущий непосредственно в детекторную камеру; когда детектор закончили собирать, последние монтажники вышли через этот люк и задраили его. К удивлению Луизы, люк был по-прежнему задраен на все сорок болтов… то есть, конечно, так и должно быть, но ведь человек никак не мог попасть внутрь камеры, кроме как через этот люк…

Окружающие платформу стены были покрыты тёмно-зелёным пластиковым покрытием, предохраняющим её от каменной пыли. Десятки проводов и полипропиленовых трубопроводов свисали с потолка, контуры помещения очерчи-

вали стальные балки. Одна стена была заставлена компьютерным оборудованием; вдоль остальных тянулись полки. Пол что-то искал на одной из них, скорее всего, клещи, достаточно массивные, чтобы отвернуть закрывающие люк болты.

Металл снова мучительно застонал. Луиза бросилась к люку, хотя и не смогла бы ничего сделать голыми руками. Её сердце ёкнуло, когда со звуком, напоминающим автоматную очередь запорные болты взлетели в воздух. Люк резко распахнулся и с грохотом ударился о металлический пол. Луиза отпрыгнула в сторону, но вырвавшийся из люка фонтан холодной воды окатил её с головы до ног.

Самая верхняя часть детекторной каверны была заполнена азотом, который, как понимала Луиза, и вырвался теперь наружу. Водяной фонтан быстро иссяк. Она подошла к открытому люку и заглянула внутрь, пытаясь не дышать. Внутренность каверны была залита светом прожекторов, которые включил Пол, а вода была абсолютно прозрачна, так что пространство просматривалось до самого дна тридцатью метрами ниже.

Луиза с трудом различала гигантские изогнутые сегменты акриловой сферы — показатель преломления у акрила практически такой же,

как у воды, так что в воде его практически не видно. Сегменты, теперь отделённые друг от друга, крепились к потолку тросами из синтетического волокна, иначе они бы погрузились на дно окружающей их геодезической сферы. Люк давал ограниченный угол обзора, и Луиза нигде не видела тонущего человека.

— *Merde!* — Свет внутри каверны погас. — Пол! — закричала Луиза. — Что ты делаешь?

Голос Пола, теперь доносящийся сзади, из пультовой, был едва слышен за шумом вентиляции и плеском воды в огромной каверне у Луизы под ногами.

— Если он ещё жив, — кричал Пол, — то увидит свет, идущий из люка.

Луиза кивнула. Всё, что человек внизу мог теперь видеть — квадратное пятно света, метр на метр размером, на огромном, с его точки зрения, тёмном потолке.

Мгновения спустя Пол вернулся на платформу. Луиза взглянула на него, потом снова посмотрела в открытый люк. Никого.

— Одному из нас нужно спуститься туда, — сказала она.

Миндалевидные глаза Пола стали почти круглыми.

— Но… тяжёлая вода…

— Делать нечего, — сказала Луиза. — Ты хорошо плаваешь?

Пол смутился; Луиза знала, что последнее, чего бы ему хотелось — уронить себя в её глазах. Однако…

— Не особо, — ответил он, опуская взгляд.

Ей и так-то было неловко находиться внизу наедине с тайно влюблённым в неё Полом, но в воде форменный синий комбинезон будет мешать. Однако под ним у неё, как практически у всех сотрудников обсерватории, было лишь нижнее бельё — температура воздуха на такой глубине держалась на тропическом уровне в 40,6°C. Она скинула туфли и расстегнула молнию на комбинезоне. Слава богу, сегодня она надела лифчик, хотя кружев на нём могло бы быть и поменьше.

— Включи снова внутреннее освещение, — сказала она Полу. Пол, молодчина, кинулся исполнять, не мешкая. Пока он не вернулся, Луиза скользнула через люк в холодную воду — вода охлаждалась до десяти градусов, чтобы подавить в ней биологическую активность и уменьшить уровень шумов в фотоумножителях.

Она почувствовала приступ паники, внезапное осознание того, что оказалась на большой высо-

те без всякой опоры — дно было далеко-далеко внизу. Она поболталась на поверхности, высунув голову и плечи в открытый люк, пока панику не улеглась. После этого она сделала три глубоких вдоха, плотно закрыла рот и нырнула.

Видимость под водой была отличная, и глаза совершенно не щипало. Она огляделась в поисках человека, но вокруг было столько обломков акриловой сферы, и…

Вот он!

Он и правда всплыл, а между поверхностью воды и платформой наверху был небольшой просвет — сантиметров пятнадцать. Обычно он заполнен сверхчистым азотом. Несчастный *определённо* мертв; три вдоха в этой атмосфере — и ты труп. Какая ирония — он, вероятно, изо всех сил стремился вверх, к поверхности, надеясь найти там воздух, лишь для того, чтобы быть убитым непригодным для дыхания газом. Нормальный воздух, поступающий через люк, сейчас смешивался с азотом, но для утопленника, похоже, было уже слишком поздно.

Луиза снова всплыла к люку и высунула голову наружу. Пол, нервничая, ждал, что она скажет хотя бы что-нибудь. Однако на это не было времени. Она сделала такой глубокий вдох, какой смогла,

и нырнула снова. Просвет над поверхностью был слишком низкий, чтобы плыть, держа нос над водой, и не стукаться постоянно макушкой о металлический потолок. Человек оказался метрах в десяти. Луиза заработала ногами, покрывая это расстояние с максимально возможной скоростью, но тут…

Облако в воде. Что-то тёмное.

Mon dieu!

Кровь.

Облако окружало голову человека, скрывая его черты. Он не двигался; если ещё жив, то, несомненно, без сознания.

Луиза извернулась, чтобы выставить нос и рот на воздух. Сделала осторожный вдох — воздух уже был вполне пригоден для дыхания — и ухватила человека за руку. Луиза перевернула его — он плавал лицом вниз — так, чтобы его нос и рот оказались над водой, но ему, похоже, было всё равно. Ни пузырей, ничего — никаких следов дыхания.

Луиза потянула его за собой. Это оказалось нелегко — человек был довольно плотного сложения и полностью одет; одежда насквозь пропиталась водой. У Луизы не было времени его разглядывать, но она отметила, что на мужчине

не было ни комбинезона, ни бахил. Он не мог быть горняком с никелевой шахты, и, хотя Луиза бросила лишь один быстрый взгляд на его лицо — белый, светлобородый — он также не был и из штата нейтринной обсерватории.

Пол тем временем свесился с платформы наверху и разглядывал их приближение, опустив голову в воду. В других обстоятельствах Луиза сначала дала бы поднять из воды раненого, а потом бы вылезла сама, но сквозь люк мог пролезть лишь один человек за раз, а втащить наверх тяжёлого незнакомца Полу одному не под силу.

Луиза отпустила руку мужчины и просунула голову в люк, который Пол к этому времени освободил. Некоторое время ей понадобилось, чтобы отдышаться; буксируя тело, она выбилась из сил. Потом она упёрлась ладонями в платформу и начала подниматься из воды. Пол снова присел на краю и помог ей вылезти, после чего они повернулись к плавающему в воде человеку.

Он начал было дрейфовать в сторону, но Луиза изловчилась ухватить его за рукав и вернуть обратно к люку. После этого соединёнными усилиями они потащили его наверх и, наконец, втянули на край платформы. У него до сих пор шла кровь; рана, очевидно, была где-то в районе

виска.

Пол немедленно склонился над утопленником и начал делать искусственное дыхание «рот в рот»; его щёку пятнала кровь каждый раз, как он поворачивал голову посмотреть, не начала ли подниматься грудь раненого.

Луиза тем временем искала пульс на его правой руке. Пульса не было… хотя нет! Вот, вот он! Есть пульс!

Пол продолжал вдувать воздух в рот незнакомца, и, наконец, мужчина издал слабый хрип. Вода и рвота хлынули у него изо рта. Пол отвернул ему голову в сторону, и извергаемая им жидкость смешалась с натёкшей на платформу кровью, частично смывая её.

Незнакомец, однако, по-прежнему оставался без сознания. Луиза, мокрая с головы до ног, замёрзшая и практически голая, начала чувствовать себя неловко. Она влезла обратно в свой комбинезон и застегнулась; Пол украдкой посматривал на ней, хоть и делал вид, что не смотрит.

До прихода доктора Монтего всё ещё оставалось много времени. Нейтринная обсерватория не просто в двух километрах под землёй, она ещё и в километре с четвертью в стороне от ближайшего

подъёмника в шахте номер девять. Даже если клеть в этот момент находилась наверху, а это вовсе не обязательно было так, даже в этом случае доктору Монтего понадобится минут двадцать с лишним, чтобы добраться сюда.

Луиза подумала, что они могли бы снять с незнакомца его промокшую одежду. Она потянулась к его тёмно-серой рубашке, но…

На ней не было пуговиц. И молнии тоже не было. Она не была похожа на водолазку, хотя и имела воротника, и…

А, вот они где! Ряд скрытых застёжек-кнопок располагался на широких плечах. Луиза попыталась их расстегнуть, но они не шевельнулись. Она осмотрела его штаны. Сейчас они были тёмно-зелёными, хотя в сухом виде, должно быть, гораздо светлее. Однако, пояса не было; вместо него талию опоясывал ряд кнопок и складок.

Луизе внезапно пришло в голову, что мужчина может страдать от кессонной болезни. Детекторная камера была тридцати метров в глубину, а кто знает, на какой глубине он был и как быстро всплыл. Атмосферное давление так глубоко под землёй составляло 130% нормы. В тот момент Луиза не смогла сообразить, как это может повлиять на развитие кессонной болезни, но по

крайней мере означало, что больной получает больше кислорода, чем на поверхности, что было, безусловно, к лучшему.

Ничего не оставалось, кроме как ждать; незнакомец дышал, его пульс стабилизировался. Луизе наконец представился случай рассмотреть лицо мужчины повнимательней. Оно было широкое, но не плоское; скулы были скошены назад. А нос его был поистине гигантским — размером со сжатый кулак. Нижнюю челюсть покрывала густая тёмно-русая борода, прямые светлые волосы облепляли лоб. Его черты казались отдалённо восточноевропейскими, но цветом кожи он скорее напоминал скандинава. Широко расставленные глаза были закрыты.

— Откуда он вообще мог взяться? — спросил Пол, усевшись по-турецки на пол рядом с незнакомцем. — Сюда никто не мог спуститься, и потом…

Луиза кивнула.

— И даже если бы смог, то как бы он пробрался в запечатанную детекторную камеру? — Она замолчала и откинула волосы с глаз, только сейчас обнаружив, что в воде она потеряла сетку для волос. — Тяжёлая вода испорчена. Если он выживет после этого трюка, его засудят так, что

мало не покажется.

Луиза обнаружила, что качает головой. Кем может быть этот человек? Может быть, индейский активист, считающий, что шахта осквернила священные земли его народа? Но он был светловолос — большая редкость среди индейцев. На глупую подростковую авантюру тоже не похоже — на вид мужчине было примерно тридцать пять.

Возможно, это террорист или борец против атомных электростанций. Но хотя «Канадская атомная энергия, Ltd.» и предоставила тяжёлую воду, ничем связанным с атомной энергетикой здесь не занимались.

Кем бы он ни был, думала Луиза, если он всё же умрёт от своих ранений, то станет главным кандидатом на Дарвиновскую премию. Это был классический случай эволюции-в-действии: человек совершил нечто неизмеримо глупое, и это стоило ему жизни.

Глава 2

Луиза Бенуа услышала звук открывающейся двери; кто-то прошёл по помещению над детекторной камерой.

— Эй! — крикнула она доктору Монтего. — Мы здесь!

Рубен Монтего, выходец с Ямайки лет тридцати пяти, поспешил к ним. Он брил голову налысо, и поэтому был единственным, кому позволено входить в нейтринную обсерваторию без сетки для волос, однако, как и все остальные, обязан был носить каску. Доктор присел над раненым, взял его за левую руку, повернул запястьем вверх и…

— Это ещё что такое? — спросил Рубен с легко заметным ямайским акцентом.

Луиза тоже увидела это: что-то, по-видимому, вживлённое прямо в кожу запястья — высококонтрастный матовый прямоугольный экран примерно восемь сантиметров в длину и два в ширину. Он показывал строку символов, самый левый из которых менялся примерно раз в секунду. Шесть крошечных бусинок, все разного цвета, выстроились в линию под экраном, а что-то, воз-

можно, линза, находилось сбоку от экрана выше по руке незнакомца.

— Какие-то супермодные часы? — предположила Луиза.

Рубен, очевидно, решил пока проигнорировать эту загадку; он приложил указательный и средний пальцы к лучевой артерии пострадавшего.

— Пульс хороший, — объявил он. Он несильно хлопнул мужчину по щеке, потом по другой, пытаясь привести его в чувство. — Ну, давай, — сказал он ободряюще. — Давай. Просыпайся.

Наконец, мужчина пошевелился. Он сильно закашлялся, и изо рта вылилось ещё немного воды. Потом его глаза неуверенно открылись. Они оказались поразительного золотисто-карего цвета — Луиза никогда раньше такого не видела. Ему, должно быть, понадобилось какое-то время, чтобы сфокусировать взгляд, потом его глаза округлились. Похоже, вид Рубена поразил незнакомца до глубины души. Он повернул голову и посмотрел на Луизу и Пола. Его лицо по-прежнему выражало глубочайший шок. Он шевельнулся, как будто пытаясь отползти от них.

— Кто вы? — спросила Луиза.

Мужчина смотрел на неё без капли понимания.

— Кто вы? — повторила Луиза. — Что вы пытались сделать?

— *Дар,* — сказал мужчина как будто с вопросительной интонацией.

— Я должен отвезти его в больницу, — сказал Рубен. — Он получил серьёзный удар по голове; надо сделать снимок.

Мужчина оглядывал металлическую платформу с таким видом, словно не мог поверить своим глазам.

— *Дар барта дулб тынта?* — сказал он. — *Дар хулб ка тапар?*

— Что это за язык? — спросил Пол у Луизы. Та пожала плечами.

— Оджибвейский? — предположила она. Недалеко от шахты располагалась резервация индейцев оджибве.

— Нет, — ответил Рубен, качая головой.

— *Монта хас палап ко,* — сказал незнакомец.

— Мы не понимаем вас, — ответила ему Луиза. — Вы говорите по-английски? — Молчание. — *Parlez-vous français?* — Никакой реакции.

— *Нихонго-га дэкимас ка?* — спросил Пол, что, как предположила Луиза, значило «говорите ли вы по-японски?»

Мужчина по очереди смотрел на каждого из

них выпученными глазами, но не делал попыток ответить.

Рубен встал, потому протянул незнакомцу руку. Секунду он непонимающе смотрел на неё, потом взял её в свою. У него была огромная рука с пальцами-сосисками; большой палец был неестественно удлинён. С помощью Рубена он поднялся на ноги. Он весил, должно быть, килограмм на тридцать больше Рубена, но был очень мускулист. Пол подошёл к незнакомцу с другой стороны и обхватил его рукой, поддерживая. Луиза шла впереди них троих, придерживая дверь в пультовую, которая после того, как вошёл Рубен, автоматически закрылась.

В пультовой Луиза надела свои бахилы и каску; Пол сделал то же самое. В касках имелись встроенные фонарики и ушные протекторы, которые опускались вниз в случае необходимости. Все также надели защитные очки. Каска Рубена всё ещё было на нём. Пол нашёл ещё одну, лежащую на металлическом шкафу, и протянул её раненому, но доктор отмахнулся от неё.

— Не хочу, чтобы ему что-то давило на голову, пока мы не сделаем снимки, — сказал он. — Ну что ж, давайте доставим его наверх. Я вызвал скорую перед тем, как спуститься сюда.

Вчетвером они покинули пультовую и по коридору прошли к выходу из обсерватории. Обсерватория поддерживала режим «чистой комнаты» — хотя какое теперь это имеет значение, горько подумала Луиза. Они прошли мимо пылесосной камеры — похожей на душевую кабинку установки, которая удаляла пыль и грязь с одежды всех входящих в обсерваторию. Потом миновали ряд собственно душевых кабинок: каждый входящий обязан был принять душ, но на выходе этого тоже не требовалось. Здесь был пункт первой помощи, и Луиза видела, как Рубен посмотрел в сторону шкафчика с надписью «Носилки». Но раненый передвигался вполне уверенно, так что доктор жестом приказал идти дальше.

Они включили фонарики на касках и начали свой километровый с четвертью путь по сумрачному тоннелю с грязным полом. Грубо обтёсанные стены тоннеля были утыканы стальными прутами и затянуты сверху металлической сеткой; так глубоко под землёй неукреплённая скальная стена под весом двухкилометрового слоя горных пород рухнула бы, заполняя любую полость.

По дороге, особенно когда они пересекали участки, где скапливалась вода, раненый всё

меньше опирался на сопровождающих; он определённо приходил в себя.

Пол и доктор Монтего вели оживлённую дискуссию по поводу того, каким образом этот человек мог попасть внутрь запечатанной камеры. Луиза тем временем погрузилась в невесёлые раздумья о разрушенном нейтринном детекторе — и о том, как это отразится на финансировании её исследований. Всю дорогу им в лицо дул ветер — огромные вентиляторы постоянно засасывали воздух с поверхности.

Наконец они добрались до подъёмника. Рубен по пути сюда заблокировал клеть на этом уровне, 6800 футов — здешние таблички и указатели были изготовлены ещё до перехода Канады на метрическую систему. Клеть до сих пор ожидала их, наверняка к неудовольствию шахтёров, которым требовалось подняться или спуститься.

Они вошли в клеть, и Рубен несколько раз нажал кнопку, сообщая оператору наверху, что можно включать лебёдку. Подъёмник дёрнулся и пошёл вверх. В клети не было внутреннего освещения, и Рубен, Луиза и Пол выключили фонарики на касках, чтобы не слепить друг друга их светом. Свет проникал внутрь через открытую переднюю стену и только тогда, когда клеть через

каждые двести футов проходила мимо освещённых уровней. В этом прерывистом освещении Луиза разглядывала угловатые черты лица незнакомца и его глубоко посаженные глаза.

По мере подъёма у Луизы несколько раз закладывало уши. Скоро они проехали уровень 4600 футов, её любимый. «Инко» выращивало здесь саженцы для проектов по восстановлению лесов вокруг Садбери. Температура здесь постоянно держалась на уровне 20°; добавление искусственного освещения превратило шахту в великолепную теплицу.

В голову Луизы лезли всякие безумные мысли, словно из выползшие из «Секретных материалов»: о том, как можно попасть внутрь детекторной сферы, не тронув болтов, которыми задраен ведущий туда люк. Он она держала их при себе; если что-то подобное и приходило в голову Рубену и Полу, они тоже не торопились это озвучивать. Всему найдётся рациональное объяснение, убеждала себя Луиза. Обязательно найдётся.

Клеть продолжала свой долгий подъём; незнакомец тем временем окончательно пришёл в себя. Его одежда всё ещё была влажной, хотя постоянно дующий в шахте ветер успел её подсушить. Незнакомец попытался отжать свою

рубаху; несколько капель упали на выкрашенный жёлтой краской металлический пол клети. Потом он своей огромной ладонью убрал со лба прилипшие к нему мокрые волосы, открыв взгляду — Луиза даже ахнула, хотя в шуме и бряканье работающего подъемника вряд ли кто её услышал — огромный надбровный валик над глазами, словно сплюснутый логотип «Макдональдс».

Наконец, клеть дёрнулась и остановилась. Пол, Луиза, доктор Монтего и раненый незнакомец вышли из неё, миновав небольшую группу озадаченных и сердитых шахтёров, ожидающих спуска. Вчетвером они поднялись по пандусу в обширное помещение, где шахтёры каждый день оставляют свою городскую одежду и переодеваются в рабочие комбинезоны. Двое санитаров уже ждали их.

— Я Рубен Монтего, — сказал им Рубен, — врач предприятия. Этот человек едва не утонул и получил травму черепа… — Доктор и двое санитаров продолжали обсуждать состояние пациента, выводя его из здания шахты на свет горячего летнего дня.

Пол и Луиза последовали за ними; доктор, раненый и санитары погрузились в «скорую» и умчались прочь по засыпанной гравием дороге.

— И что теперь? — спросил Пол.

Луиза нахмурилась.

— Нужно позвонить доктору Ма, — сказала она. Бонни Джин Ма была директором Нейтринной обсерватории Садбери. Её офис находился в Карлтонском университете в Оттаве, почти в 500 километрах отсюда. В обсерватории её видели редко; всё оперативное управление было переложено на плечи постдоков и аспирантов, таких, как Луиза и Пол.

— И что мы ей скажем? — спросил пол.

Луиза посмотрела в направлении, куда «скорая» увезла своего невозможного пассажира.

— *Je ne sais pas,* — ответила она, медленно качая головой.

Глава 3

Началось всё *гораздо* более спокойно.

— Здравый день, — тихо сказал Понтер Боддет, подпирая голову согнутой рукой и оглядывая Адекора Халда, стоящего перед раковиной умывальника.

— Привет, засоня, — отозвался Адекор, поворачиваясь и прислоняя мускулистую спину к чесательному столбу. Он задвигался влево-вправо. — Здравый день.

Понтер улыбнулся Адекору. Ему нравилось смотреть, как Адекор двигается, как перекатываются его грудные мышцы. Понтер даже не представлял себе, как бы он пережил утрату своей партнёрши Класт без поддержки Адекора, хоть они и не всё время были вместе. Когда Двое становились Одним — последний такой период закончился только что — Адекор уходил к своей партнёрше и ребёнку. А дочери Понтера взрослели, и он в этот раз их почти не видел. Конечно, есть много женщин постарше, чьи мужья умерли, но женщины, настолько умудрённые опытом — настолько, что имеют право голосовать! — вряд

ли заинтересуются мужчиной возраста Понтера, видевшего всего 447 лун.

Но хотя у дочерей нашлось для не слишком много времени, Понтер всё равно был рад с ними повидаться, хотя…

Это зависело от того, как падал свет. Но иногда, когда солнце светило у неё из-за спины, Жасмель казалась точной копией своей матери. И у Понтера перехватывало дыхание: он тосковал по Класт больше, чем мог сказать словами.

На другом краю комнаты Адекор наполнял бассейн. Он перегнулся через край, откручивая вентили, спиной к Понтеру. Понтер опустил голову на дискообразную подушку и просто смотрел на него.

Кое-кто предостерегал Понтера от партнёрства с Адекором, и Понтер был уверен, что некоторые из друзей Адекора и ему высказывали подобные опасения. Это никак не было связано с тем, что случилось в Академии; просто совместная работа с точки зрения многих плохо сочеталась с совместной жизнью. Однако, хотя Салдак и был крупным городом (суммарное население его Окраины и Центра превышало двадцать пять тысяч), здесь жило всего шестеро физиков, и трое из них — женщины. Понтеру и Адекору доставляло

удовольствие говорить о своей работе и обсуждать новые теории, и каждому из них нравилось иметь рядом с собой того, кто по-настоящему понимает то, что говорит другой.

Кроме того, и в других отношениях они были прекрасной парой. Адекор был жаворонком; утро было пиком его активности, и он обожал наполнять ванну. Понтер разгонялся ближе к середине дня и всегда предвкушал удовольствие от приготовления ужина.

Вода продолжала литься из кранов; Понтер любил этот звук, беспорядочный белый шум. Он испустил довольный вздох и выбрался из постели; росший на полу мох защекотал его пятки. Он шагнул к окну, ухватил ручку, прикреплённую к металлической ставне, и оттянул её от намагниченного оконного переплёта. Потом он поднял руки над головой и укрепил ставню в её дневном положении — прилепленной к магнитной металлической панели на потолке.

Сквозь деревья светило восходящее солнце; оно кололо Понтеру глаза, и он наклонил голову вперёд, уперев нижнюю челюсть в грудь и отгородив глаза от солнца надбровным валиком. На улице олень пил из родника в сотне шагов от дома. Понтер иногда охотился, но не в жилых районах;

этот олень знал, что ему ничего не угрожает — не здесь, не от рук людей. Вдалеке Понтер мог различить поблёскивание солнечных панелей, установленных вокруг соседнего дома.

— Хак, — произнёс Понтер в пустоту, обращаясь к своему импланту-компаньону, — какой на сегодня прогноз?

— Хороший, — ответил компаньон. — Максимум днём — шестнадцать градусов; минимум ночью — девять. — Его компаньон разговаривал женским голосом. Понтер недавно перепрограммировал его на использование голоса и манеры речи Класт, позаимствованных в её архиве алиби, и теперь жалел об этом. Он думал, что её голос притупит чувство одиночества, но вместо этого у него начинало болеть сердце каждый раз, кок имплант заговаривал с ним.

— Дождя не ожидается, — продолжал компаньон, — ветер двадцать процентов посолонь, восемнадцать тысяч шагов в децидень.

Понтер кивнул; сканеры импланта фиксировали такие жесты с лёгкостью.

— Ванна готова, — сказал Адекор у него из-за спины. Понтер повернулся и увидел, как Адекор скользнул в круглый бассейн, утопленный в пол. Он включил перемешиватели, и вода вокруг

него вспучилась волнами. Понтер — голый, как и Адекор — подошёл к бассейну и тоже залез в него. Адекору нравилась вода немного теплее, чем находил комфортным Понтер, так что в конце концов они сошлись на компромиссном значении в тридцать семь градусов — температура человеческого тела.

Понтер воспользовался *голбасовой* щёткой и собственными руками, чтобы отскоблить те места, до которых Адекор не мог дотянуться сам или предпочитал, чтобы это делал Понтер. Потом они поменялись ролями, и Адекор помог очиститься Понтеру.

Воздух был пропитан влагой; Понтер глубоко дышал, увлажняя носовые синусы. В комнату вошла Пабо, здоровенная коричнево-рыжая собака Понтера. Она не любила воду, так что остановилась за несколько шагов от бассейна. Однако она совершенно очевидно хотела, чтобы её покормили.

Понтер кинул на Адекора выразительный взгляд — «ну что ж тут поделаешь?» — и вылез из бассейна, капая на покрывающий пол мох.

— Сейчас-сейчас, малышка, — сказал он собаке. — Дай мне только одеться.

Удовлетворённая тем, что её послание принято,

Пабо вышла из спальни. Понтер потянулся над бассейном и выбрал сушильный шнур. Схватив его за обе рукоятки, он прокатил его по спине от одного бока до другого; потом зажал одну из рукояток зубами и высушил руки и ноги. Понтер осмотрел себя в квадратном зеркале, висящем над бассейном, и неуклюжими пальцами расчесал волосы так, чтобы они симметрично спадали по сторонам головы.

В углу комнаты лежала груда чистой одежды. Понтер подошёл к ней и осмотрел ассортимент. Обычно он особо не задумывался о выборе одежды, однако если им с Адекором повезёт, один из эксгибиционистов может сегодня прийти посмотреть на них. Он выбрал тёмно-серую рубаху, натянул её на себя, застегнул кнопки на плечах, запахивая широкие проймы. Эта рубашка — хороший выбор, подумал он. Её подарила Класт.

Он выбрал брюки и надел их, просунув ноги в мешковатые карманы на конце каждой штанины. После этого затянул кожаные ремешки на лодыжках и вокруг стоп, удобно подогнав штанины к ногам.

Адекор тем временем выбирался из бассейна. Понтер взглянул на него, потом посмотрел на экран своего компаньона. Время поджимало;

автобус прибудет уже скоро.

Понтер вышел из спальни в главную комнату дома. Пабо немедленно начала виться вокруг него. Понтер потянулся к ней и почесал её за ухом.

— Не беспокойся, малышка, — сказал он ей. — Я про тебя не забыл.

Он открыл вакуумный шкаф и достал из него большую бизонью кость с остатками мяса, недоеденного вчера за ужином. Он положил кость на пол — мох в этом месте был покрыт стеклом, чтобы было легче потом убираться — и Пабо немедленно вцепилась в неё. Адекор присоединился к Понтеру на кухне и занялся приготовлением завтрака. Он взял два плоских куска лосиного мяса из вакуумного шкафа и засунул их в лазерную печь, которую предварительно заполнил паром, чтобы мясо снова напиталось влагой. Понтер заглянул в печь сквозь прозрачную переднюю стенку: рубиновые лучи образовали на мясе сложный узор, идеально прожаривая каждую его часть. Адекор насыпал в чашу кедровые орешки и выставил кружки с разбавленным кленовым сиропом, а потом достал из печи готовые стейки.

Понтер включил визор; укреплённая на стене квадратная панель ожила. Экран был разделён на

четыре квадратные секции. В одной шла трансляция усовершенствованного компаньона Хавста; во второй — Талока; нижняя правая демонстрировала сцены из жизни Гаулта, нижняя левая — Луласма. Понтер знал, что Адикор — почитатель Хавста, поэтому велел визору расширить эту секцию на весь экран. Понтер признавал, что Хавсту всегда удаётся найти что-то интересное; сегодня утром он направлялся на Окраину Салдака, где пять человек оказались заживо погребены под оползнем. Но всё же, если кто-то из эксгибиционистов придёт сегодня к входу в шахту, Понтер предпочёл бы, чтобы это оказался Луласм: по мнению Понтера, его вопросы обычно более проницательны.

Понтер и Адекор уселись и натянули перчатки для еды. Адекор зачерпнул горсть кедровых орешков из чаши и рассыпал их по поверхности стейка, а потом вдавил их в мясо затянутой в перчатку ладонью. Понтер улыбнулся; это была одна из привычек Адекора, которую он находил милой — он не знал больше никого, кто бы так делал.

Понтер подхватил собственный стейк, всё ещё немного скворчащий, и откусил большой кусок, ощутив резкий привкус, характерный для мяса, которое никогда не замораживали. И как люди

выживали до изобретения вакуумных шкафов?

Через короткое время Понтер заметил в окно, как неподалёку от дома совершил посадку автобус. Он приказал визору отключиться; они побросали перчатки для еды в акустический очиститель, Понтер потрепал Пабо по голове, и они с Адекором покинули дом, не закрывая дверей, чтобы Пабо могла входить и выходить, когда захочет. Они залезли в автобус, поздоровались с семью другими его пассажирами и отправились на работу, как в самый обычный день.

Глава 4

Понтер Боддет вырос в этой части света; про никелевую шахту он знал всю свою жизнь. Несмотря на это, он никогда не встречал никого, кто бы побывал в её глубинах — разработку шахты вели исключительно роботы. Однако когда у Класт диагностировали лейкемию, они с Понтером начали посещать собрания больных раком, чтобы поддерживать и помогать друг другу и делиться информацией. Встречи проходили в здании *кобалант*, которое, разумеется, по вечерам пустовало.

Понтер ожидал, что в группе будут те, кто заболел из-за работы в шахте. В конце концов, спускаясь глубоко в толщу скал, ты подвергаешься воздействию повышенной радиации.

Однако никого, кто спускался в шахту, в группе не оказалось. Понтер стал расспрашивать людей и выяснил, что это была очень необычная никелевая шахта — уровень фоновой радиации окружающих её древних гранитов был чрезвычайно низок.

И вследствие этого у него возникла идея. Он

был физиком и работал с Адекором Халдом над постройкой квантового компьютера. Но квантовые регистры чрезвычайно чувствительны в внешним воздействиям; одной из самых тяжёлых проблем было воздействие космических лучей, приводящее к нарушению когерентности.

Решение, как казалось, лежало прямо у них под ногами. С тысячами саженей скалы над головой космические лучи перестанут создавать проблемы. На такую глубину не сможет проникнуть ничто, кроме нейтрино, а нейтрино не помешает экспериментам, которые собирались проводить Понтер и Адекор.

Главным администратором Салдака был Делаг Боуст; этот пост его заставили занять Серые. Но с администраторами так всегда — тот, кто выбрал бы подобный вклад добровольно, обычно для него не годился.

Понтер представил Боусту свои предложения: позволить им построить лабораторию квантовых вычислений внутри шахты. И Боуст убедил Серых согласиться. В конце концов, технологическая цивилизация не может обходиться без металлов, а шахта не всегда была безвредной для окружающей среды. Так что любая возможность использовать её для чего-то полезного могла

только приветствоваться.

Итак, квантовый компьютер был построен. У Понтера и Адекора появились проблемы с непредвиденным источником декогерентности — пьезоэлектрическими разрядами, вызванными напряжениями, которые испытывают на такой глубине горные породы. Но Адекору казалось, что он нашёл решение проблемы, и сегодня они снова попробуют разложить на множители непредставимо огромное число.

Автобус на воздушной подушке доставил Понтера и Адекора к входу в шахту. Стоял чудесный летний день, небо было голубое и безоблачное, как и предсказывал компаньон Понтера. Понтер чувствовал в воздухе запах пыльцы и слышал печальные крики гагар над озером. Он взял в кладовке головной протектор — две стойки, удерживающие плоскую платформу над головой — и пристроил его к плечам. Адекор тоже надел защиту, и они направились к лифту.

Шахтный подъёмник имел цилиндрическую форму. Двое физиков вошли в кабину; Понтер нажал ногой педаль активации.

Лифт начал спуск.

* * *

Понтер и Адекор вышли из лифта и направились по длинному тоннелю в квантовой лаборатории; разумеется, она была построена в той части шахты, где ценных руд уже не осталось. Они шли молча, в лёгком, дружеском молчании двух мужчин, которые знают друг друга целую вечность.

Наконец они добрались до лаборатории. Она занимала четыре помещения. Первое было крошечной каморкой, предназначенной для еды — подниматься наверх, чтобы пообедать, а потом спускаться обратно отняло бы слишком много времени. Во втором был автономный санузел — в шахте не было канализации, так что все отходы каждый вечер нужно было поднимать наверх. В третьем помещалась пультовая с инструментальными кластерами и рабочими столами. А в четвёртом, самом большом, помещалась гигантская вычислительная камера; по объёму она превышала все комнаты в доме Понтера и Адекора, вместе взятые.

Когда строят компьютер, обычно стараются сделать его как можно меньше: тогда задержки, вызываемые ограниченностью скорости света,

будут минимальны. Но квантовый компьютерный массив Понтера и Адекора использовал в качестве регистров квантово запутанные протоны, и была необходимость отличать реакции, происходящие одновременно вследствие запутанности от реакций, являющихся следствием нормального, «субсветового» взаимодействия протонов. И самым простым способом этого достичь было развести регистры на некоторое расстояние, так, чтобы время, которое нужно свету для того, чтобы дойти от одного регистра до другого, можно было легко измерить. Таким образом, протоны находились в колоннообразных магнитных ловушках, равномерно распределённых по всей площади помещения.

Понтер и Адикор сняли головные протекторы и вошли в пультовую. Адекор был практиком — это он нашёл способ воплотить идеи Понтера в электронику и программное обеспечение. Он устроился за консолью и начал запускать процедуры, необходимые для инициализации квантового вычислительного массива.

— Ещё пол-деци, — сказал Адекор. — У меня до сих пор проблемы со стабилизацией 69-го регистра.

— Думаешь, он заработает? — спросил Понтер.

— Я? — сказал Адекор. — Конечно. — Он улыбнулся. — Разумеется, я говорил это и вчера, и позавчера, позапозавчера.

— Вечный оптимист, — сказал Понтер.

— Эй, — откликнулся Адекор, — когда ты залез так глубоко, то единственный возможный путь — наверх.

Понтер рассмеялся, потом через сводчатый проход зашёл на кухню, чтобы взять тубу с водой. Он надеялся, что сегодня эксперимент наконец завершится успехом. Следующий Серый Совет уже скоро, и им с Адекором надо будет снова объяснять, чем их работа полезна общине. Предложения учёных обычно одобряют — каждый прекрасно видит, как улучшилась жизнь людей благодаря науке, однако всё же при этом было бы приятнее иметь возможность сообщить о положительных результатах.

Понтер зубами сорвал пластиковую крышку с водяной тубы и сделал несколько глотков холодной жидкости. После этого он снова вернулся в пультовую и принялся просматривать веер бледно-зелёных листов, содержащих записи о предыдущих попытках; время от времени он делал глоток воды. Понтер сидел спиной к Адекору, который возился с консолью управлением на

противоположном краю небольшого помещения. Одна из стен была почти полностью прозрачной; окно во всю стену выходило в огромную вычислительную камеру, пол которой находился ниже, а потолок — выше, чем в других помещениях лаборатории.

Они уже достигли определённых успехов в квантовых вычислениях. За последний декамесяц они факторизовали число, которое потребовало бы 10^{73} атомов водорода в качестве регистров — то есть неизмеримо больше, чем есть водорода во всех звёздах всех галактик, на шестьдесят с лишним порядков больше, чем уместилось бы в вычислительной камере, если бы её полностью заполнили водородом. Совершить такую операцию можно лишь одним способом — воспользоваться квантово-вычислительными эффектами, сделать так, чтобы ограниченное количество физически существующих регистров одновременно находилось во множестве состояний, наложенных друг на друга.

Фактически, текущий эксперимент был лишь звеном в цепи — попыткой факторизовать ещё большее число. Но число это было из тех невообразимо больших чисел, которые, согласно теореме Дегандала, должны быть простыми.

Ни один обычный компьютер не способен это проверить, но квантовый компьютер должен справиться.

Понтер просмотрел ещё несколько страниц распечатки, потом перешёл к другому пульту и вытянул несколько управляющих штырьков, регулируя компоненты записывающей системы. Он хотел убедиться, что каждый аспект тестового прогона будет записан, так что сомнений в полученных результатах не возникнет. Если бы можно было…

— Готов, — сказал Адекор.

Понтер почувствовал, как чаще забилось сердце. Он так хотел, чтобы всё заработало — и ради себя, и ради Адекора. Понтеру сопутствовала удача в самом начале его карьеры; в физических кругах он пользовался авторитетом. Даже если он умрёт прямо сейчас, его ещё долго будут помнить. Адекор же был не так успешен, хотя заслуживал большего. Как будет здорово, если они вместе смогут доказать — или опровергнуть; важен будет любой результат — теорему Дегандала.

Эксперимент управлялся с двух пультов, расположенных по краям маленькой комнаты. Понтер остался у того, возле которого стоял, расположенного у прохода, ведущего в кухню;

Адекор перешёл ко второму. Вообще-то следовало оба контрольных кластера расположить в одном месте, но такая планировка позволила сэкономить почти тридцать саженей дорогого квантовопроводящего кабеля, которым соединяются регистры. Пульты были смонтированы на стене. Адекор встал перед своим и вытянул нужные штырьки. Понтер тем временем произвёл необходимые настройки на своём пульте.

— Всё готово? — спросил Адикор.

Понтер оглядел индикаторы на своём пульте: они все были красные, цвета крови, цвета здоровья.

— Да.

Адекор кивнул.

— Десять тактов, — сказал он, начиная отсчёт. — Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Ноль.

Несколько огоньков вспыхнули на панели Понтера, показывая, что регистры работают. Теоретически, все возможные делители должны быть опробованы за долю такта, и результат получен в виде набора интерференционных узоров на фотоплёнке. Обычному компьютеру, который расшифрует интерференционные узоры, понадобится некоторое время на составление списка

делителей, который в случае, если теорема Дегандала неверна, может оказаться очень и очень длинным.

Понтер отошёл от своего пульта и присел. Адекор ходил взад-вперёд, поглядывал в окно на ряды регистровых ёмкостей — запаянных стеклянно-стальных колонн, содержащие точно отмеренное количество водорода.

Наконец, обычный компьютер издал гулкий звон, сигнализируя о завершении работы.

В центре пульта Понтера был экран монитора; результаты появились на нём в виде чёрных знаков на жёлтом фоне. И результатом было…

— *Хрящ!* — выругался Адекор, стоящий позади Потера, положа руку ему на плечо.

На экране светилась надпись: «Ошибка в регистре 69; факторизация прервана».

— Нам *придётся* его заменить, — сказал Понтер. — От него одни проблемы.

— Это не регистр, — ответил Адекор. — Это основание, которым он крепится к полу. Но на изготовление нового уйдёт декадень.

— И нам нечего будет показать на Сером Совете? — сказал Понтер. Перспектива выйти перед собранием старейшин и сообщить им, что со времени последнего заседания Совета им не удалось

ничего добавить в копилку общих знаний, ему совершенно не нравилась.

— Разве что… — сказал Адекор и замолчал.

— Что?

— Ну, проблема с 69-м состоит в том, что он вибрирует в нижней части; соединительные зажимы не были обработаны как следует. Если бы нам удалось его чем-то зафиксировать…

Понтер оглядел помещение. Ничего подходящего.

— А что если я просто пойду в вычислительную и обопрусь на него. Ну, то есть, налягу всем весом. Это предотвратит вибрацию?

Адекор нахмурился.

— Его надо будет держать очень крепко. Конечно, оборудование может выдержать небольшой сдвиг, но…

— Я попробую, — сказал Понтер. — Только… моё присутствие в вычислительной само по себе не создаст декогерентности?

Адекор покачал головой.

— Нет. Регистровые колонны хорошо экранированы. Понадобится что-то гораздо более радиоактивное или электрически шумное, чем человеческое тело, чтобы повлиять на содержимое.

— Ну, тогда…

Адекор снова нахмурился.

— Это не слишком элегантное решение проблемы.

— Но оно может сработать.

Адекор кивнул.

— Думаю, попробовать стоит. Это лучше, чем идти на Совет с пустыми руками.

— Хорошо! — решительно сказал Понтер. — Давай начнём.

Адекор кивнул. Понтер открыл дверь, отделяющую три обитаемых помещения от большой камеры, содержащей регистровые колонны. Он спустился по лестнице на гладкий гранитный пол пещеры, выровненный лучами лазеров. Понтер двигался осторожно — в прошлом он здесь однажды поскользнулся. Дойдя до цилиндра под номером 69, он положил руку на его закругленный верх, накрыл её другой рукой, а затем изо всех сил надавил на него.

— Запускай по готовности, я держу, — крикнул он.

— Десять, — крикнул Адекор в ответ. — Девять. Восемь. Семь.

Пнтер следил, чтобы руки оставались неподвижными. Насколько он мог судить, цилиндр

совершенно не вибрировал.

— Шесть. Пять. Четыре.

Понтер глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Он удержит.

— Три. Два. Один.

«Поехали» — подумал Понтер.

— Ноль!

* * *

Адекор услышал, как задребезжало стекло в окне, выходящем на вычислительную камеру.

— Понтер! — закричал он. Потом бросился к окну. — П-понтер?

Его нигде не было.

Адекор потянул за ручку незапертой двери, и…

Ш-ш-шух-х!

Дверь резко рванулась вперёд и распахнулась, ручка вырвалась у Адекора из пальцев, и воздушная волна из пультовой пронеслась мимо него в вычислительную камеру; Адекора едва не бросило на лестницу лицом вниз. Ветер дул внутрь вычислительной камеры из пультовой и шахты позади неё, словно… словно воздух, который был в ней до этого, куда-то исчез. У Адикора заложило уши.

— Понтер! — снова позвал он, когда ветер утих,

но, хотя помещение было велико, регистровые колонны, заполнявшие его, были лишь тонкими трубками; они не могли загородить от него Понтера.

Что могло случиться? Если где-то в шахте рухнула стена, а за ней была область низкого давления, то…

Но весь шахтный комплекс утыкан сейсмическими сенсорами, и если бы произошло что-то такое, система оповещения в лаборатории начала бы испускать запахи тревоги.

Адекор побежал по гранитному полу.

— Понтер! — кричал он. — Понтер!

На полу не было никаких трещин; его не могла поглотить земля. Адекор видел регистр 69, тот, с которым работал Понтер, на дальнем краю помещения. Понтера рядом с ним определённо не было, но Адекор всё равно до него дошёл, ища какой-нибудь ключ, след…

Хрящ!

Адекор почувствовал, как опора выскальзывает у него из-под ног и грохнулся спиной о гранитный пол. На нём была вода — много воды. Откуда она взялась? Понтер перед этим пил из тубы, но, Адекор был в этом уверен, оставил её наверху. Кроме того, воды было гораздо больше, чем могло

вылиться из тубы; здесь было по меньшей мере несколько вёдер воды, растекшейся обширной лужей.

Вода — если это была вода — выглядела чистой и прозрачной. Адекор набрал немного в ладонь, поднёс к носу. Никакого запаха.

Осторожно лизнул.

Никакого вкуса.

Похоже, вода и правда чистая. Очищенная.

С колотящимся сердцем и кружащейся головой Адекор разыскал несколько ёмкостей и взял образцы. Пока это был единственный след.

Откуда могла взяться вода?

И куда пропал Понтер?

Глава 5

— *Что за…?*

Полная тьма.

И… вода! У Понтера Боддета были мокрые ноги, и…

И он погружается; вода доходит до пояса, до груди, начинает заливать лицо.

Понтер задрыгал ногами.

Его глаза и правда были открыты, но смотреть было не на что. Абсолютно не на что.

Он замолотил по воде руками. Глотнул воздуха.

Что произошло? Где он?

Вот он стоит в лаборатории квантовых вычислений, и в следующую секунду…

Тьма. Тьма настолько непроглядная, что Понтер подумал, что ослеп. Такое мог сделать взрыв; так глубоко под землёй всегда существует вероятность обвала, и…

Прорыв подземных вод также возможен. Он раскинул руки вширь, выпрямил ноги, пытаясь нащупать дно, но…

Но ничего не нащупал, совсем ничего. Только

вода. Он мог быть и в одной сажени от дна, и в тысяче. Он подумал о том, чтобы нырнуть, но в толще воды и в темноте, без малейшего света, он мог потерять направление вверх и не вынырнуть вовремя.

Пытаясь нащупать ногами дно, он случайно глотнул воды. Она была совершенно безвкусна. Он ожидал, что вода в подземной реке будет солоноватой, но эта, похоже, была чистая, словно только что растаявший лёд.

Он продолжал хватать ртом воздух; сердцебиение учащалось, и…

И ему захотелось доплыть до края этого места, что бы это ни…

Стонущий звук, низкий, глубокий, словно идущий со всех направлений сразу.

Словно просыпающийся зверь, словно…

Словно что-то, находящееся под огромным давлением?

Ему наконец удалось набрать в лёгкие достаточно воздуха, чтобы закричать.

— Помогите! — кричал он. — Помогите!

Он услышал странное эхо, как будто находился в замкнутом помещении. Может, он по-прежнему в вычислительной камере? Но если это так, то почему Адекор не отзывается на его голос?

Он не мог просто болтаться здесь. Он ещё не устал, но скоро устанет. Он должен найти поверхность, на которую можно бы было взобраться, или что-нибудь, что поддерживало бы его на плаву, и…

Снова стон, с этот раз громче, требовательнее.

Понтер поплыл по-собачьи. Если бы только был свет — любой свет. Он проплыл вроде бы всего ничего, и…

Боль! Понтер ударился головой обо что-то твёрдое. Он снова заработал руками и ногами, удерживая себя на месте; конечности начинали болеть. Он вытянул руку ладонью вперёд, растопырив пальцы. То, обо что он ударился, было твёрдым и тёплым — так что не металл и не стекло. Оно было совершенно гладкое, возможно, слегка вогнутое, и…

Снова стон, доносящийся от…

Его сердце ёкнуло; он ощутил, как расширились глаза, но по-прежнему ничего не видел.

…доносящийся от твёрдой стены перед ним.

Он поплыл в противоположном направлении; шум усилился, от него заболели уши.

Где он? Где он?

Шум становился всё громче. Он продолжал плыть от него, и…

Ай! Как больно!

Он врезался в ещё одну твёрдую гладкую стену. Это определённо не была стена вычислительной камеры — её стены были покрыты мягким звукопоглощающим материалом.

Ш-ш-шух-х-х-х!

Внезапно вода вокруг Понтера начала двигаться, завертелась, заревела, она подхватила его, словно горная река. Понтер сделал глубокий вдох, заглотив вместе с воздухом немного воды, а потом…

А потом ощутил, как что-то твёрдое ударило его по виску, и впервые за всё время этого безумия он увидел свет — искры из глаз.

И после этого — снова тьма, и тишина, и…

И больше ничего.

* * *

Адекор Халд вернулся в пультовую, тряся головой от удивления и не веря собственным глазам.

Они с Понтером были друзьями целую вечность. Они оба были из 145-го и познакомились, будучи студентами Научной Академии. Но за всё это время он ни разу не замечал за Понтером склонности к розыгрышам. Правила пожарной безопасности требовали, чтобы из любого поме-

щения было несколько выходов, но здесь, под землёй, соблюсти это правило было невозможно. Единственный путь из вычислительной камеры проходил через пультовую. Кабели иногда прячут за фальшивыми дверями, но здесь все кабели и трубопроводы были проложены на виду, а полом служил гладко отполированный древний гранит.

Адекор следил за приборами; он не смотрел в окно на вычислительную камеру. Тем не менее, там не было никаких световых вспышек — он бы заметил их боковым зрением. Если бы Понтер — что? Испарился? Если бы Понтер испарился, то наверняка остался бы запах дыма или, скажем, озона. Но ничего такого не было. Он просто *исчез*.

Адекор бессильно упал в кресло — Понтерово кресло.

Он не знал, что делать дальше; не имел ни малейшего представления. Ему потребовалось несколько тактов, чтобы собраться с мыслями. Он должен сообщить городской администрации, что Понтер пропал; они организуют поиски. Может быть — хотя и трудно в это поверить — что земля разверзлась и Понтер куда-то провалился, возможно, в шахту уровнем ниже. В этом случае

он, возможно, ранен.

Адекор поднялся на ноги.

* * *

Доктор Рубен Монтего, двое санитаров «скорой» и раненый человек вошли через раздвижную стеклянную дверь в приёмный покой Медицинского центра Сент-Джозеф — подразделения Регионального госпиталя Садбери.

Принимающий врач оказался сикхом за пятьдесят в нефритово-зелёном тюрбане.

— Что заболело? — спросил он.

Рубен взглянул на его беджик, на котором значилось «Н. Сингх, врач».

— Доктор Сингх, — сказал он, — я Рубен Монтего, медик с шахты «Крейгтон». Этот человек едва не утонул в ёмкости с тяжёлой водой и, как вы видите, получил травму черепа.

— С тяжёлой водой? — удивился Сингх. — Где он нашёл…

— В нейтринной обсерватории, — ответил Рубен.

— Ах, да, — сказал Сингх. Он отвернулся и вызвал кресло-каталку, потом осмотрел пострадавшего и стал делать пометки в блокноте. — Необычная форма тела, — сказал он. — Ярко

выраженные надбровные дуги. Очень мускулист, очень широкоплеч. Короткие конечности. И… привет! Это ещё что такое?

Рубен покачал головой.

— Я не знаю. Оно, похоже, вживлено ему в кожу.

— Очень странно, — сказал Сингх. Потом посмотрел пациенту прямо в глаза. — Как вы себя чувствуете?

— Он не говорит по-английски, — пояснил Рубен.

— Ах, — сказал Сингх. — Ладно, его кости расскажут нам всё сами. Давайте его на рентген.

* * *

Рубен Монтего ходил взад-вперёд по приёмному покою, иногда заговаривая с проходящими мимо знакомыми врачами. Наконец, Сингху сообщили, что рентгенограммы готовы. Рубен надеялся, что его пригласят, хотя бы из профессиональной вежливости, и Сингх действительно сделал знак следовать за ним.

Пострадавший всё ещё находился в рентген-кабинете, предположительно, на случай, если Сингх решит, что нужны дополнительные снимки. Сейчас он сидел в кресле-каталке и выглядел,

по мнению Рубена, более напуганным, чем маленький ребёнок, впервые попавший в больницу. Рентгенолог развешивал снимки — вид спереди и сбоку — на световой панели, к которой и подошли Сингх с Рубеном.

— Взгляните на это, — тихо сказал Рубен.

— Весьма необычно, — ответил Сингх. — Весьма.

Череп оказался удлинён — в гораздо большей степени, чем это свойственно человеческим черепам, и сзади имел округлую выпуклость, напоминающую шиньон. Надбровные дуги выступали далеко вперёд под низким лбом. Носовая полость была гигантских размеров, со странными треугольными выступами с обоих сторон. Огромная челюстная кость, видимая на нижней границе снимка, открыла то, что скрывала борода — полное отсутствие подбородка. Также бросалась в глаза прореха между последним коренным зубом и краем челюсти.

— Никогда не видел ничего подобного, — признал Рубен.

Карие глаза Сингха были удивлённо расширены.

— Я видел, — сказал он. — Видел. — Он повернулся и посмотрел на пациента, который

по-прежнему сидел в кресле-каталке, бормоча что-то непонятное. Потом Сингх снова изучил рентгеновские снимки. — Это невозможно, — заявил сикх. — Попросту невозможно.

— Что?

— Этого не может быть…

— Чего? Доктор Сингх, ради бога…

Сингх поднял руку.

— Понятия не имею, как это может быть…

— Что? Что?

— Этот ваш пациент, — сказал Сингх с неподдельным изумлением, — похоже, он неандерталец.

Глава 6

— До свидания, профессор Воган.

— До свидания, Дария. Увидимся завтра. — Мэри Воган взглянула на часы — 20:55. — Будьте осторожны.

Молодая аспирантка улыбнулась.

— Обязательно. — И она двинулась к выходу из лаборатории.

Мэри смотрела, как она уходит, и с завистью вспоминала время, когда у неё была фигура, как у Дарии. Мэри было тридцать восемь, у неё не было детей, и с мужем она давно рассталась.

Она вернулась к работе с плёнкой радиоавтограммы — к считыванию нуклеотида за нуклеотидом. ДНК, которую она изучала, была получена из чучела странствующего голубя[2], выставленного в Музее естественной истории Филда; её специально прислали сюда, в Йоркский университет в Торонто, чтобы посмотреть, возможно ли её секвенировать. Такие попытки

---

[2] Примечания: 2

Странствующий голубь — вымершая североамериканская птица, когда-то наиболее многочисленная птица на земле (популяция оценивалась в 3-5 млрд. особей). Полностью истреблена к началу XX века; сохранились лишь несколько чучел. *(Прим. перев.)*

делались и раньше, но ДНК оказывалась слишком повреждённой. Однако лаборатория Мэри достигла беспрецедентных успехов в реконструкции ДНК, которую никому не удавалось прочитать.

К сожалению, последовательность обрывалась; было невозможно определить, какой набор нуклеотидов здесь присутствовал изначально. Мэри потёрла переносицу. Нужно извлечь из образца ещё немного ДНК, но она слишком устала, чтобы заниматься этим сегодня. Она взглянула на стенные часы. 21:25.

Не слишком поздно — летом многие вечерние занятия начинаются в девять вечера, так что должно быть ещё довольно людно. Если она уходила после десяти, то обычно звонила в университетскую службу сопровождения и просила проводить её до машины. Но так рано в этом вряд ли была необходимость. Мэри сняла бледно-зелёный лабораторный халат и повесила его на вешалку возле двери. Был август; в лаборатории работал кондиционер, но снаружи наверняка духота. Наступала ещё одна липкая и неприятная ночь.

Мэри выключила свет; одна из флуоресцентных ламп немного поморгала, прежде чем окончательно угаснуть. Потом она закрыла дверь и

пошла по коридору второго этажа, мимо торгового автомата с пепси-колой («Пепси» платила Йоркскому университету два миллиона долларов в год за то, чтобы быть эксклюзивным поставщиком безалкогольных напитков в кампусе).

Стены коридора были увешаны обычными досками объявлений, заполненными сообщениями о вакансиях, о резервировании аудиторий, о собраниях клубов, о выпуске дешёвых кредиток, о подписке на журналы и о продаже всякой всячины как студентами, так и преподавателями, включая одного чудака, который надеялся, что кто-то заплатит ему деньги за старую электрическую пишущую машинку.

Мэри шла дальше, цокая каблуками по плиткам пола. В коридоре не было ни души. Проходя мимо мужского туалета, она услышала шум спускаемой воды, но это происходило автоматически, по таймеру.

В двери на лестницу были окна из безопасного стекла, с вплавленной в него металлической сеткой. Мэри распахнула дверь и направилась вниз. Четыре лестничных пролёта с бетонными ступенями, каждый опускает её на половину этажа. На цокольном этаже она сошла с лестницы и прошла короткое расстояние по ещё одному

коридору. Этот тоже был пуст, за исключением работающего на дальнем краю уборщика. Она дошла до парадного входа, миновала стойки со стопками «Экскалибура» — университетской газеты и, наконец, через двойные двери выбралась на тёплый вечерний воздух.

Луна ещё не взошла. Мария зашагала по дорожке, миновав несколько незнакомых студентов. Она прихлопнула комара, и тут…

Чья-то рука зажала ей рот, и она ощутила у горла что-то острое и холодное.

— Ни звука, — произнёс низкий хриплый голос, и рука увлекла её за собой.

— Прошу вас… — сказала Мэри.

— Тихо, — сказал мужчина. Он продолжал тянуть ей за собой, прижимая нож к горлу. Сердце Мэри выскакивало из груди. Рука, зажимающая рот, исчезла, и мгновением позже она ощутила её на левой груди; она сжалась, грубо и болезненно.

Он затащил её в какой-то закуток: две бетонные стены смыкаются под прямым углом, большая сосна полностью закрывает обзор. Он развернул её лицом к себе, прижал её руки к стене — левая рука по-прежнему держит нож, даже обхватывая её запястье. Теперь она могла его рассмотреть. На нём была чёрная балаклава, но это был, безуслов-

но, белый, судя по видимому из-под балаклавы участку кожи вокруг голубых глаз. Мари попыталась ударить его коленом в пах, но он выгнулся назад, и удара не получилось.

— Не сопротивляйся, — сказал он. В его дыхании чувствовался запах табака, а ладони, сжимающие руки Мэри, потели. Мужчина отнял руку от стены, не переставая сжимать её запястье, а потом снова прижал его к бетону так, чтобы нож оказался ближе к её лицу. Другой рукой он потянулся к штанам, и Мэри услышала звук расстёгиваемой молнии. Она почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Я… у меня СПИД, — сказала она, зажмуриваясь, словно пытаясь выключить всё происходящее.

Мужчина рассмеялся наждачным злобным смехом.

— Значит, нас теперь двое, — сказал он. У Мэри ёкнуло сердце, но он, вероятно, тоже врал. Со сколькими женщинами он уже делал это? Сколько из них в отчаянии пробовали эту уловку?

Его рука теперь была на поясе её брюк, стягивая их вниз. Мэри ощутила, как разошлась молния, как брюки скользнули по её бёдрам, и как его таз и твёрдый как камень напряжённый член при-

жались к ней. Она вскрикнула, и его рука вдруг оказалась на её горле, сжалась, ногти впились в кожу.

— Тихо ты, сука!

Почему никто не пройдёт мимо? Почему вокруг никого нет? Боже, ну почему…

Она почувствовала, как рука сдирает с неё трусики, а член упирается в промежность. Он вогнал его ей в вагину. Боль была невыносимой; её будто раздирали изнутри.

Это никакой не секс, — думала Мэри, даже когда слёзы брызнули из уголков зажмуренных глаз. — *Это насильственное преступление.* Её поясница стукалась о бетон каждый раз, как насильник налегал на неё, проникал глубоко в неё, снова и снова и снова, и его животные стоны становились громче с каждым разом.

А потом всё, наконец, кончилось. Он вышел из неё. Мэри знала, что сейчас она должна посмотреть вниз, попытаться запомнить характерные приметы, увидеть хотя бы, обрезан он или нет, всё что угодно, что помогло бы осудить ублюдка, но она не могла на него смотреть. Она вскинула лицо к тёмному небу; всё расплылось в пелене жгучих слёз.

— Теперь ты останешься здесь, — сказал на-

сильник, похлопав её по щеке плоским лезвием ножа. — Ты не издашь ни звука и останешься здесь в течение пятнадцати минут. — А потом она услышала звук застёгиваемой молнии и его шаги — он бежал через поросший травой газон.

Мэри оперлась спиной о бетонную стену и скользнула по ней вниз; колени упёрлись в подбородок. Она ненавидела себя за вырывающиеся из груди мучительные всхлипы.

Через некоторое время она просунула ладонь между ног, потом вытащила и осмотрела её, чтобы узнать, не идёт ли кровь; слава Богу, нет.

Она подождала, пока не выровняется дыхание, а желудок не уляжется достаточно, чтобы она смогла встать, и её бы не вывернуло. И тогда она встала, медленно и мучительно. Она слышала голоса — женские голоса — в отдалении: две студентки болтали и смеялись на ходу. Часть её хотела их позвать, но она не смогла выдавить из горла ни звука.

Она знала, что температура воздуха никак не ниже двадцати пяти градусов, но ей было холодно, холоднее, чем когда-либо в жизни. Она начала растирать руки, чтобы согреться.

Непонятно, сколько времени ей потребовалось на то, чтобы прийти в себя. Пять минут? Пять

часов? Она должна найти телефон, набрать 911, позвонить в полицию Торонто… или в полицию кампуса, или — она знала о таком, читала в справочнике для студентов — в центр помощи жертвам изнасилований Йоркского университета, но…

Но она не хотела ни с кем говорить, не хотела никого видеть… не хотела, чтобы кто-то увидел её такой, как сейчас.

Мэри застегнула брюки, сделала глубокий вдох и зашагала. Лишь через несколько секунд она осознала, что направляется не к машине, а возвращается в Фаркуарсон-билдинг, к себе на факультет биологии.

Войдя в здание, она поднялась на четыре лестничных пролёта вверх, всё время держась за перила, боясь потерять равновесие, если их отпустит. К счастью, коридор был по-прежнему пуст. Она добралась до своей лаборатории, никем не замеченная. Замерцали и зажглись флуоресцентные лампы.

Она не беспокоилась насчёт беременности — она глотала таблетки (не грех в её глазах, хотя несомненный грех в глазах её матери) с тех пор, как вышла замуж за Кольма, и просто продолжила их принимать после того, как они разошлись,

хотя, как скоро стало ясно, потребности в этом никакой не было. Но ей совершенно точно надо будет найти клинику и провериться на СПИД, просто для душевного спокойствия.

Мэри не собиралась сообщать о преступлении; она уже определилась на этот счёт. Сколько раз она проклинала тех, о ком читала, что они не стали заявлять в полицию об изнасиловании? Они предают других женщин, дают чудовищу уйти, дают ему шанс сделать это снова с кем-то ещё, *со мной, сейчас*, но…

Но легко проклинать кого-то, когда это случилось не с тобой, когда не ты была там.

Она знала, что случается с женщинами, которые обвиняют мужчин в изнасиловании; она видела это по телевизору множество раз. Они пытаются доказать, что в этом была *её* вина, что её показаниям нельзя верить, что она каким-то образом согласилась с тем, что её моральные устои не слишком крепки.

> — Так вы говорите, что вы — добрая католичка, миссис О'Кейси… о, простите, вы больше не носите это фамилию, правда ведь? С тех пор, как разошлись с вашим мужем Кольмом. Теперь вы мисс

Воган, так? Но вы и профессор О'Кейси юридически до сих пор состоите в браке, не так ли? Пожалуйста, расскажите суду, спали ли вы с другими мужчинами с тех пор, как ушли от мужа?

Она знала, что справедливость редко можно найти в зале суда. Там её разорвут на части и соберут из них такое, что она сама не узнает.

А в результате ничего, по сути, не изменится. Монстру всё сойдёт с рук.

Мэри сделала глубокий вдох. Возможно, потом она передумает. Но прямо сейчас самым важным делом был сбор вещественных доказательств, и она, профессор Мэри Воган, была в этом не менее компетентна, чем женщина-полицейский с чемоданчиком для сбора улик.

В двери в её лабораторию было окно; она встала так, чтобы её было невозможно увидеть из коридора. Она сняла брюки, едва не подпрыгнув от звука расстёгиваемой молнии. Потом взяла стеклянный контейнер для образцов и несколько ватных тампонов и, смаргивая выступившие слёзы, промокнула оставшуюся внутри неё гадость.

Закончив, она запечатала контейнер для образцов, написала на нём дату красным маркером,

и пометила как «Воган 666»: её фамилия и номер образца, как нельзя лучше подходящий для маньяка. Потом она запечатала свои трусики в непрозрачный пластиковый контейнер и пометила его той же датой и обозначением. И то, и другое она поместила в холодильник для хранений биологических образцов, рядом с ДНК странствующего голубя, египетской мумии и шерстистого носорога.

Глава 7

— Где я?

Понтер знал, что в его голосе слышна паника, но ничего не мог с собой поделать. Он всё ещё сидел в странном кресле, катающемся на двух обручах, что было хорошо, поскольку он сомневался, что сможет устоять на ногах.

— Успокойся, Понтер, — сказал имплант-компаньон. — У тебя пульс подскочил до…

— Успокойся! — огрызнулся Понтер, будто Хак предложила что-то до смешного невозможное. — *Где я?*

— Я не уверена, — ответил компаньон. — Я не принимаю сигналов от башен системы позиционирования. Вдобавок, я отрезана от планетарной инфосети и не получаю подтверждений от архивов алиби.

— Ты не повреждена?

— Нет.

— Значит… значит, мы не на Земле? Иначе ты принимала бы сигналы от…

— Я уверена, что мы на Земле, — ответила Хак. — Ты обратил внимание на солнце, когда они

вели нас к экипажу?

— А что с солнцем?

— Его цветовая температура 5200 градусов, а угловой размер — одна семитысячная большого круга, как и должно быть у Солнца, видимого с орбиты Земли. К тому же, я опознал породу большей части деревьев, которые успел рассмотреть. Нет, это вне всякого сомнения Земля.

— Но эта вонь! Откуда такой поганый воздух?

— Могу лишь поверить тебе на слово, — ответила Хак.

— А мы не могли… скажем, переместиться во времени?

— Маловероятно, — ответил компаньон. — Но если сегодня ночью мне удастся взглянуть на звёзды, я смогу сказать, сдвинулись ли они вперёд или назад на заметное расстояние. А если я смогу зафиксировать положение других планет и фазу луны, то, возможно, мне даже удастся точно определить дату.

— Но как нам вернуться домой? Как мы…

— Понтер, я снова должна повторить свой совет: успокойся. Ты близок к гипервентиляции. Сделай глубокий вдох. Вот так. Теперь медленно выдыхай. Правильно. Расслабься. Ещё один вдох…

— Кто эти *существа*? — спросил Понтер, делая рукой жест в сторону костлявой фигуры с тёмной кожей и без волос и другой фигуры, с кожей посветлее и обмотанной тканью головой.

— Хочешь знать, что я думаю? — сказала Хак. — Это глексены.

— *Глексены!* — воскликнул Понтер достаточно громко, чтобы две странных фигуры повернулись в его сторону. Он понизил голос. — Глексены? Не говори ерунды…

— Взгляни на вон те изображения черепов. — Хак разговаривала с Понтером через посредство пары кохлеарных имплантов, но изменяя звуковой баланс между правым и левым имплантом она могла указывать направление так же точно, как если бы тыкала пальцем. Понтер поднялся с кресла и нетвёрдой походкой проковылял через комнату, прочь от странных существ, к одной из освещённых панелей, такой же, какую изучали они, с прикреплёнными к ней рентгенограммами головы.

— Зелёное мясо! — выругался Понтер, разглядывая странные черепа. — Они и правда глексены. Точно ведь?

— Я бы сказал, очень похоже. Из всех приматов только у них отсутствует надбровный валик и

есть такой вот выступ на передней части нижней челюсти.

— Глексены! Но они ведь вымерли… э-э… как давно они вымерли?

— Вероятно, около 400000 месяцев назад, — ответил Хак.

— Это не может быть Земля той эпохи, — сказал Понтер. — То есть, я имею в виду, если бы тогда существовала развитая цивилизация, она обязательно оставила бы какие-то следы. Глексены максимум умели обрабатывать камень, ведь так?

— Да.

Понтер попытался подавить в своём голосе истерические нотки.

— Так *где же* мы тогда?

* * *

Рубен Монтего смотрел на врача скорой помощи, раскрыв от удивления рот.

— Что значит «похоже, он неандерталец»?

— Особенности строения черепа говорят сами за себя, — сказал Сингх. — Уж поверьте мне — у меня учёная степень в краниологии.

— Но как это может быть, доктор Сингх? Неандертальцы вымерли миллионы лет назад.

— На самом деле лишь двадцать семь тысяч, — сказал Сингх, — если предположить, что датировка последних находок верна. Если же нет, тогда 35000 лет назад.

— Но как тогда…

— Этого я не знаю. — Сингх указал на рентгенограммы, прикреплённые к световой панели. — Но набор наблюдаемых характеристик не оставляет места для сомнений. Одна или две могут появиться на черепе Homo sapiens. Но все сразу? Невозможно.

— Каких характеристик? — спросил Рубен.

— Во-первых, разумеется, надбровный валик, — ответил Сингх. — Заметьте, что в отличие от такового у других приматов он имеет двойной изгиб и борозду позади. Потом прогнатизм — выдвинутость лицевой части вперёд: посмотрите как выпирают челюсти. Отсутствие подбородка. Ретромолярный пробел, — он указал на пустое пространство позади последнего зуба. — А эти треугольные выступы в носовой полости? Таких нет ни у какого другого млекопитающего, тем более примата. — Он постучал пальцем по изображению задней части черепа. — И видите вот этот закруглённый выступ на затылке? Он также характерен именно для неандертальцев.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Рубен.

— Никогда не занимался ничем подобным, — ответил Сингх.

Рубен оглянулся на незнакомца, который встал с кресла-каталки и изумлённо рассматривал пару рентгенограмм на другом краю кабинета. Потом Рубен ещё раз посмотрел на рентгенограммы, висящие перед ним. Ни он, ни Сингх не присутствовали, когда рентгенограф делал снимки, так что теоретически возможно, что их с какой-то целью подменили, хотя…

Хотя это были реальные рентгенограммы реальной живой головы, не ископаемого: носовые хрящи и контуры мягких тканей хорошо просматривались. И всё-таки что-то было не так с нижней челюстью. Часть её на ренгенограмме получилась значительно светлее, словно была сделана из менее плотного материала. И цвет этот был сплошным, без вариаций, словно материал был абсолютно однороден.

— Это подделка, — сказал Рубен, указывая на странный фрагмент челюсти. — Я хочу сказать, *он* — подделка. Он сделал себе пластику, чтобы быть похожим на неандертальца.

Сингх вгляделся в рентгенограмму.

— Да, это следы операции — но только на челю-

сти. Особенности черепа подлинные.

Рубен снова взглянул на раненого, который по-прежнему разглядывал рентгенограммы и что-то бормотал себе под нос. Он попытался представить себе череп этого человека под кожей и тканями. Будет он выглядеть похоже на то, что он видит на рентгенограмме?

— У него несколько зубов вставные, — сказал Сингх, вглядываясь в снимок. — Но они находятся на реконструированной секции челюсти. Что же до остальных зубов, они выглядят натуральными, только корни укороченные, как при тауродонтизме[3]. Это тоже неандертальская особенность.

Рубен снова повернулся к снимкам.

— И ни единого дупла, — в раздумье отметил он.

— Похоже на то, — сказал Сингх. Потом он снова вгляделся в снимок. — Как бы то ни было, я не вижу ни трещины в черепе, ни субдуральной гематомы. Держать его в больнице нет причин.

Рубен посмотрел на пришельца. Да кто же он такой, чёрт возьми? Он болтал на незнакомом языке, он подвергался обширной восстановительной хирургии. Может быть, приверженец

---

[3] Примечания: 3

Состояние, при котором зуб и зубная полость увеличены за счёт уменьшения длины корней. *(Прим. перев.)*

какого-нибудь извращённого культа? Может, поэтому он вломился в нейтринную обсерваторию? В принципе, такая версия имела смысл, но…

Но доктор Сингх был прав: за исключением восстановленной нижней челюсти, на снимках перед ними был натуральный, естественный череп. Рубен Монтего медленно, с опаской пересёк кабинет и лишь через несколько секунд осознал, что делает: он приближался к незнакомцу не так, как подходят к другому человеческому существу, а, скорее, как подходил бы к дикому животному. Хотя до сих пор он вёл себя исключительно мирно.

Незнакомец определённо услышал шаги Рубена. Он оторвался от созерцания снимков, которые приковали его внимание, и повернулся к доктору.

Рубен уставился на него. Он ещё раньше заметил, что лицо выглядит странно. Надбровные валик, изгибающийся над каждым глазом, был хорошо заметен. Волосы разделялись пробором ровно посередине, не сбоку, и было видно, что таково их естественное состояние, а не прихоть парикмахера. И нос: нос был просто огромный, но ни в малейшей степени не орлиный. В сущности, он не был похож ни на один нос, что Рубену при-

ходилось видеть до сих пор — у него совершенно отсутствовала переносица.

Рубен медленно поднял руку с немного растопыренными пальцами, чтобы его жест не был воспринят как угроза.

— Вы позволите? — спросил он, приближая руку к лицу незнакомца.

Он не мог понять слов, но намерение было очевидно. Он слегка склонил голову вперёд, словно предлагая её для исследования. Рубен пробежал пальцами по надбровным дугам, по лбу, вдоль всей длины черепа, ощупал затылочный выступ — под кожей твёрдая кость. Сомнений не оставалось: череп, изображённый на рентгенограмме, принадлежал этому человеку.

— Рубен, — сказал доктор Монтего, коснувшись своей груди. — Ру-бен. — Потом он указал на незнакомца рукой с повёрнутой вверх ладонью.

— Понтер, — произнёс незнакомец низким звучным голосом.

Конечно, пришелец мог воспринять «Рубен» как название той разновидности людей, к которой принадлежал доктор Монтего, так что «Понтер» могло означать «неандерталец» на его языке.

К ним подошёл Сингх.

— Наонигал, — сказал он; вот что, оказывается, означало «Н» на его беджике. — Меня зовут Наонигал.

— Понтер, — повторил незнакомец. Другие интерпретации всё ещё возможны, подумал Рубен, но вероятнее всего, это всё же его имя.

Рубен кивнул доктору Сингху.

— Спасибо вам за помощь, — сказал он. Потом повернулся к Понтеру и жестом позвал его за собой. — Пойдёмте.

Понтер двинулся к креслу-каталке.

— Нет, — сказал Рубен. — Нет, с вами всё в порядке.

Он снова жестом позвал незнакомца за собой, и в этот раз тот последовал за ним, пешком. Сингх снял рентгенограммы со световой панели, уложил их в большой конверт и вышел вместе с ними, направляясь обратно в приёмный покой.

Коридор перегораживала раздвижная дверь матового стекла. Когда Сингх наступил на резиновый коврик перед ней, створки разъехались в стороны, и…

Вспышки десятков блицев ослепили их.

— Это тот парень, который взорвал нейтринную обсерваторию? — выкрикнул мужской голос.

— Какие обвинения собирается выдвинуть

«Инко»? — вторил ему женский.

— Он ранен? — спросил ещё один мужской голос.

Рубену потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться в ситуации. Одного мужчину он опознал как корреспондента местной станции «Си-Би-Си», второго — как репортёра «Садбери Стар», пишущего про горнодобывающую промышленность. Там было ещё с десяток незнакомых людей, но они все потрясали микрофонами с логотипами «Глобал Телевижн», «Си-Ти-Ви», «Ньюсуорлд» и местных радиостанций. Рубен посмотрел на Сингха и вздохнул; похоже, что встречи с журналистами не избежать никак.

— Как зовут подозреваемого? — спросил какой-то репортёр.

— У него есть судимости?

Репортёры непрерывно фотографировали Понтера, который не сделал ни малейшей попытки закрыть лицо. В этот момент с улицы вошли двое офицеров RCMP[4] в тёмно-синих униформах.

— Где террорист?

---

[4] Примечания: 4

Канадская королевская конная полиция — Royal Canadian Mounted Police, RCMP — федеральное полицейская служба в Канаде, выполняющая примерно те же функции, что Федеральное Бюро Расследований в США. *(Прим. перев.)*

— Террорист? — удивился Рубен. — С чего вы взяли?

— Вы медик с шахты, не так ли? — спросил один из полицейских.

Рубен кивнул.

— Рубен Монтего. Но я не верю, что этот человек — террорист.

— Но ведь он взорвал нейтринную обсерваторию! — заявил один из репортёров.

— Обсерватория была повреждена, это так, — сказал Рубен, — я он был там, когда это случилось, но я не верю, что это было сделано намеренно. В конце концов, он чуть не утонул.

— Согласно приказа, — сказал полицейский, сразу уронив себя в глазах Рубена, — он должен пройти с нами.

Рубен посмотрел на Понтера, на репортёров, на Сингха.

— Вы знаете, как оно бывает в таких случаях, — тихо сказал он Сингху. — Если власти заберут Понтера, мы его никогда больше не увидим.

Сингх медленно кивнул.

— Надо полагать.

Рубен закусил губу, соображая. Потом сделал глубокий вход и заговорил во весь голос.

— Я не знаю, откуда он пришёл, — сказал Рубен,

кладя руку на массивное плечо Понтера, — и не знаю, как попал сюда, но этого человека зовут Понтер, и…

Рубен замолчал. Сингх смотрел на него. Рубен знал, что мог бы на этом остановиться: да, имя этого человека известно. Он не обязан говорить ничего сверх этого. Он мог остановиться сейчас, и никто не подумает, что он спятил. Если же он продолжит говорить…

Если он продолжит говорить, то разверзнется ад.

— Продиктуйте по буквам, пожалуйста, — попросил репортёр.

Рубен прикрыл глаза, собирая все внутренние резервы.

— Только фонетически, — сказал он, глядя на журналиста. — П-О-Н-Т-Е-Р. Но тот, кто первым успеет накорябать это на бумаге, станет первым в мире человеком, записавшим его имя буквами английского алфавита. — Он снова сделал паузу, ещё раз взглянул на Сингха в поисках ободрения, и продолжил: — Этот джентльмен, как мы начинаем подозревать, не относится к виду Homo sapiens. Вероятно, он относится к виду… хотя среди антропологов по сей день нет согласия относительно таксономии данной разновидности

гоминид. Так вот, он, по-видимому, относится к тому, что мы называем либо Homo neanderthalensis, либо Homo sapiens neanderthalensis — в любом случае, он, по-видимому, неандерталец.

— Что? — переспросил один из репортёров.

Другой лишь насмешливо фыркнул.

Третий — кажется, это был как раз репортёр-горник из «Садбери Стар» оттопырил губу. Рубен знал, что он по образованию геолог; наверняка у него был курс палеонтологии, а то и не один.

— Что заставляет вас так думать? — со скепсисом в голосе спросил он.

— Я видел рентгеновские снимки его черепа. Присутствующий здесь доктор Сингх совершенно уверен в правильности такой идентификации.

— Что общего у неандертальца и нейтринной обсерватории? — спросил репортёр.

Рубен пожал плечами, признавая, что это очень хороший вопрос.

— Мы не знаем.

— Это наверняка какая-то мистификация, — сказал репортёр-горник. — Это не может быть ничем иным.

— Если так, то меня обвели вокруг пальца, и доктора Сингха тоже.

— Доктор Сингх, — крикнул репортёр, — этот…

этот субъект действительно пещерный человек?

— Прошу прощения, — ответил Сингх, — но я не могу обсуждать пациента с кем-либо, кроме участвующих в его лечении врачей.

Рубен уставился на Сингха, не веря своим ушам.

— Доктор Сингх, пожалуйста…

— Нет, — сказал Сингх. — Есть правила…

Рубен на секунду задумался. Потом с жалобным выражением лица повернулся к Понтеру.

— Дело за вами, — сказал он.

Понтер, разумеется, не понимал ни слова, но, по-видимому, сознавал, что происходит что-то серьёзное. На самом деле, подумал Рубен, Понтер сейчас вполне мог бы сбежать, если бы захотел; хоть и не особенно высокий, он был гораздо массивнее и сильнее любого из полицейских. Но глаза Понтера были направлены на доктора Сингха, точнее, как понял Рубен, проследив его взгляд, на манильский конверт, который Сингх крепко сжимал в руках.

Понтер шагнул к Сингху. Рубен увидел, как один из полицейских положил руку на кобуру; по-видимому, предположил, что Понтер собирается напасть на доктора. Однако Понтер остановился прямо перед Сингхом и протянул к нему руку

мясистой ладонью вверх, в жесте, универсальном для всех культур.

Сингх на секунду заколебался, но потом отдал конверт. Здесь не было панели с подсветкой, а на улице уже стемнело. Но огромные окна выходили на стоянку, залитую светом фонарей. Понтер подошёл к окну; он как будто догадался, что полицейкие попытаются его задержать, если он направится к стеклянным дверям, ведущим наружу. Он приложил один из снимков — вид сбоку — к оконному стеклу так, чтобы его было видно всем. Камеры были немедленно направлены на снимок, засверкали вспышки. Понтер жестом подозвал Сингха. Сикх подошёл, Рубен последовал за ним. Понтер постучал пальцем по снимку, затем указал на Сингха. Он повторил этот жест два или три раза, потом несколько раз сжал и разжал пальцы на поднятой руке: «Говори» — ещё один, по-видимому, универсальный жест.

Доктор Сингх откашлялся, оглядел обращённые к нему лица заполнивших вестибюль людей, и слегка пожал плечами.

— Э-э… похоже, я получил разрешение пациента на обсуждение его рентгенограмм. — Он вытащил из нагрудного кармана халата ручку и воспользовался ею, как указкой. — Вы видите

округлую выпуклость на задней части черепа? Палеоантропологи называют её затылочным бугром…

Глава 8

Мэри медленно проехала десять километров до своей квартиры на Ричмонд-Хилл. Она жила в Обсерваторном переулке, рядом с обсерваторией Дэвида Данлапа, когда-то — хотя и очень давно и недолго — владевшей самым большим в мире оптическим телескопом, а сейчас из-за огней Торонто низведённой до положения астрономического кружка.

Мэри купила здесь кондоминиум из соображений безопасности. Когда она выезжала на подъездную дорожку, охранник у ворот помахал ей, хотя Мэри и не хотела встречаться с ним взглядом — с ним или кем-либо ещё. Она проехала мимо подстриженных газонов и огромных сосен, объехала вокруг и спустилась в подземный гараж. Её парковочное место было вдалеке от лифта, но она никогда не боялась идти через гараж, даже глубокой ночью. Камеры свисали с потолка, между трубами водопровода и канализации и пожарными разбрызгивателями, торчащими вниз словно носы кротов-звездоносов. Каждый шаг её пути от парковки до лифта находился под

наблюдением, хотя сегодня, этим жутким вечером, она не хотела, чтобы её кто-нибудь видел.

Можно ли догадаться о том, что случилось, по её походке? По её склонённой голове, по тому, как она запахивает жакет, словно даже застёгнутый на все пуговицы он недостаточно надёжен, недостаточно закрыт.

Похоже, уже никогда в жизни она не будет чувствовать себя достаточно закрытой.

Она вошла в вестибюль лифта P2, открыв сначала одну, потом вторую дверь. Потом нажала единственную кнопку вызова — отсюда можно было уехать только наверх — и стала ждать, пока приедет одна из трёх кабин. Обычно, дожидаясь лифта, она просматривала объявления, оставленные жильцами либо администрацией. Но сегодня Мэри упёрлась глазами в пол, покрытый обшарпанной выщербленной плиткой. Здесь не было цифрового индикатора, по которому можно бы было следить за приближением кабины, как двумя этажами выше в главном холле, и хотя за пару секунд до открытия дверей кнопка вызова гасла, Мэри решила не следить и за ней. О, ей не терпелось попасть домой, но после первого взгляда вскользь она уже не смогла заставить себя посмотреть на светящуюся стрелку.

Наконец, двери дальнего от неё лифта разверзлись. Она вошла и ткнула кнопку четырнадцатого этажа — на самом деле то был тринадцатый, но этот номер считался несчастливым. Над панелью с кнопками этажей поблёскивала стеклянная рамка с отпечатанным на лазерном принтере объявлением: «Удачного дня. Ваш Совет Директоров».

Лифт начал подъём. Когда он остановился, дверь судорожно откатилась в сторону, и Мэри вышла в коридор, недавно застеленный по распоряжению того самого Совета Директоров ковровой дорожкой жуткого томатного цвета, и подошла к двери своей квартиры. Она пошарила в сумочке, нашла ключ, вытащила его…

…и уставилась на него сквозь застилающую глаза пелену слёз; сердце снова тревожно затрепыхалось.

У неё была цепочка для ключей, на конце которой, подаренный двенадцать лет назад тогдашней свекровью, очень практичной дамой, висел SOS-свисток[5] из жёлтой пластмассы.

У неё не было возможности им воспользоваться, пока не стало слишком поздно. О, она могла

[5] Примечания: 5

Rape whistle — специальный свисток, с помощью которого, как предполагается, женщина может отпугнуть насильника, позвав на помощь.

бы свиснуть в него после нападения, но…

…но изнасилование — это насильственное преступление, и она осталась жива. У её горла держали нож, но её не ранили, не изуродовали. Однако если бы она свистнула в свисток, насильник мог вернуться, мог убить её.

Послышался тихий звон — прибыл ещё один лифт. Один из её соседей через секунду появится в коридоре. Мэри вставила ключ в замок — свисток закачалася на цепочке — и быстро вошла в тёмную квартиру.

Она стукнула по выключателю и включила свет, потом повернулась и заперла замок на все обороты.

Мэри сбросила туфли и прошла в гостиную с её персиковыми стенами, заметив, но не обратив внимания на подмигивающий ей красный глазок автоответчика. Она прошла в спальню и сняла с себя всю одежду — одежду, которую, она знала, придётся выбросить, потому что она никогда не сможет носить её снова, которая никогда снова не станет чистой, сколько её не стирай. Потом пошла в ванную, смежную со спальней, но не стала включать свет — хватало того, что проникал из спальни от лампы с витражным абажуром на ночном столике. Она забралась в душевую

кабинку и в полумраке скребла и тёрла, пока кожа не начала саднить, а потом достала тяжёлую фланелевую пижаму, которая так выручала её в особо холодные зимние ночи, которая закрывала всё её тело целиком, и надела её на себя, заползла в постель, свернулась клубком, трясясь и снова плача, и наконец, наконец, наконец, промучившись несколько часов, провалилась в тревожный сон. Ей снилось, что её преследуют, что она сопротивляется, и что её режут ножом.

* * *

Рубен Монтего никогда не видел своего самого главного босса, президента «Инко», и очень удивился, обнаружив, что его номер есть в телефонном справочнике. С ощутимым трепетом Рубен набрал его.

Рубен гордился своим работодателем. «Инко» начинала, как и многие канадские компании, в качестве дочернего подразделения американской фирмы: в 1916 было создано канадское отделение Международной Никелевой Компании, горнодобывающего концерна со штаб-квартирой в Нью-Джерси. Но двенадцать лет спустя, в 1928, канадское отделение стало головной компанией путём обмена акций.

Основным местом деятельности «Инко» был метеоритный кратер здесь, в Садбери, где 1,8 миллиардов лет назад астероид размером от одного до трёх километров врезался в Землю на скорости пятнадцать километров в секунду.

Богатство «Инко» росло и падало в соответствии с колебаниями мирового спроса на никель; компания обеспечивала треть его мирового производства. Но всё это время «Инко» старалась быть добросовестным корпоративным гражданином[6]. И когда в 1984 Герберт Чен из Калифорнийского университета заявил, что глубина принадлежащей компании шахты «Крейгтон», её низкая природная радиоактивность и близость к хранилищам тяжёлой воды, производимой для использования в канадских реакторах CANDU, делают её идеальным местом для размещения самого большого в мире нейтринного детектора, «Инко» с готовностью согласилась бесплатно предоставить учёным место, а также, за отдельную плату, провести работы по подготовке детекторной камеры размером с десятиэтажный

[6] Примечания: 6

Корпоративное гражданство — концепция деловой этики, предполагающая, что корпорация должна ощущать ответственность за свои действия перед всем обществом, а не только перед акционерами или каким-либо узким кругом лиц. *(Прим. перев.)*

дом и прокладке ведущего к ней 1200-метрового штрека.

И хотя Нейтринная обсерватория Садбери была совместным проектом пяти американских и двух канадских университетов, Оксфорда, а также американских Лос-Аламосской, Брукхейвенской и Лоуренсовской национальных лабораторий, обвинения в незаконном проникновении против неандертальца мог выдвинуть только владелец шахты. То есть, «Инко».

— Здравствуйте, сэр, — сказал Рубен, когда президент снял трубку. — Прошу простить за то, что беспокою вас дома. Это Рубен Монтего, я врач на шахте…

— Я знаю, кто вы, — прервал его приятный низкий голос.

Рубен на мгновение смешался, потом продолжил:

— Сэр, я звоню вам, чтобы попросить позвонить в RCMP и сказать им, что вы не собираетесь выдвигать никаких обвинений против человека, найденного внутри Нейтринной обсерватории Садбери.

— Я слушаю.

— Мне удалось убедить госпиталь не выписывать пока этого человека из больницы. Поглоще-

ние большого количества тяжёлой воды, согласно «Перечню опасных материалов», может привести к смерти. Она влияет на осмотическое давление в клеточных стенках. Конечно, он не мог выпить её столько, чтобы нанести себе ощутимый вред, но мы воспользовались этим в качестве предлога для того, чтобы оставить его в больнице. Иначе его бы уже упекли в каталажку.

— В каталажку, — повторил президент с явным удовольствием.

Рубен смешался ещё больше.

— В любом случае, как я сказал, я не думаю, что ему место в тюрьме.

— Расскажите мне, почему вы так думаете, — потребовал голос.

И Рубен рассказал.

Президент компании «Инко» был решительным человеком.

— Я позвоню им, — сказал он.

* * *

Понтер лежал на… предположительно, это была кровать, но она не была утоплена в пол, чтобы лежащий находился на одном с ним уровне; наоборот, она была приподнята над полом на неприятного вида металлической раме. А подуш-

ка была бесформенным мешком, наполненным непонятно чем, но уж точно не высушенными кедровым орешками, как подушки у него дома.

Лысый человек — Понтер заметил, что на голове у него пробивается щетина, так что отсутствие волос не было врождённой особенностью, а достигалось искусственно — покинул комнату. Понтер лежал, закинув руки за голову — это создавало черепу более привычную опору, чем здешние подушки. Хак это не мешало: её сканеры воспринимали всё в радиусе нескольких шагов, а оптический объектив ей был нужен только для того, чтобы рассмотреть что-то за пределами этого радиуса.

— Сейчас, очевидно, ночь, — произнёс он в пространство.

— Да, — ответила Хак. Понтер почувствовал слабую вибрацию кохлеарных имплантов прижатым к ладоням затылком.

— Но снаружи светло. В этой комнате есть окно; похоже, у них искусственное освещение и внутри, и снаружи.

— Интересно знать, зачем? — сказала Хак.

Понтер поднялся — так странно было свешивать ноги с края кровати и нащупывать пол где-то внизу — и заспешил к окну. Было слишком

светло, чтобы разглядеть звёзды, но…

— Вон там, — сказал Понтер, поворачивая запястье к окну, чтобы Хак могла видеть.

— Да, это земная луна, — сказала Хак. — Её фаза — примерно последняя четверть — в точности соответствует сегодняшней дате: 148/118/24.

Понтер покачал головой и вернулся на странную приподнятую кровать. Он сел на её край; без опоры для спины сидеть было неудобно. Потом дотронулся до левой стороны головы, которую забинтовал человек с замотанной тканью головой — возможно, подумал Понтер, этот человек тоже серьёзно ранен.

— Голова болит, — сказал он в пустоту.

— Да, — согласилась Хак. — Но ты же сам видел нутрограммы, которые они сделали; серьёзных повреждений нет.

— Но я чуть не утонул.

— Это так.

— Так что… возможно, у меня повреждён мозг. Аноксия и всё такое…

— Думаешь, у тебя галлюцинации? — спросила Хак.

— Ну, — сказал Понтер, обводя рукой комнату, — как ещё объяснить всё это?

— Если у тебя галлюцинации, — ответил ком-

паньон после короткой паузы, — то мои слова о том, что это не так, могут быть их частью. Так что нет никакого смысла пытаться тебя разубедить, не правда ли?

Понтер снова улёгся на кровать и уставился в потолок, на котором не было ни хрономеров, ни украшений.

— Тебе обязательно нужно поспать, — сказал Хак. — Возможно, утром ситуация прояснится.

Понтер едва заметно кивнул.

— Белый шум, — сказал он. Хак повиновалась и начала проигрывать через кохлеарные импланты тихое, успокаивающее шипение. Но несмотря на это Понтер ещё долго не мог заснуть.

Глава 9

День второй

Суббота, 3 августа

148/118/25

Адекор больше не мог сидеть дома. Дома всё напоминало о несчастном пропавшем Понтере. Понтеров любимый стул, его планшет, статуэтки, которые выбирал он — да вообще всё. Так что он снова вышел на улицу — сидеть на веранде и грустно пялиться на природу. Потом вышла Пабо и какое-то время смотрела на Адекора. Пабо была собакой Понтера, он завёл её задолго до того, как они с Адекором стали жить вместе. Адекор оставит её — хотя бы для того, чтобы в доме не было так одиноко. Пабо ушла обратно в дом. Адекор знал, что она приходила к входной двери, чтобы посмотреть, не возвращается ли Понтер. Она курсировала так между передней и задней дверьми с тех самых пор, как Адекор вернулся вчера вечером один. Никогда прежде Адекор не возвращался с работы без Понтера; бедная Пабо

была озадачена и очень расстроена.

Адекор тоже был очень расстроен. Несколько раз за утро он начинал плакать. Не стенать, не причитать — просто плакать, иногда даже не осознавая этого, пока горячая капля не упадёт на руку.

Спасательные команды обшарили всю шахту, но не нашли никаких следов Понтера. С помощью портативного оборудования пытались поймать сигнал его компаньона, но никаких сигналов не было. Люди с собаками обошли всю шахту штольню за штольней, пытаясь уловить запах человека, который, возможно лежал без сознания в каком-нибудь неприметном закутке.

Это тоже ничего не дало. Понтер исчез полностью и бесследно.

Адекор поёрзал в своём кресле. Оно были сделано из сосновых досок; спинка расширялась кверху, подлокотники широкие и плоские, на них очень удобно ставить питьевую тубу. Несомненно, это была очень полезная вещь. Его создательница — имя Адекор забыл, но оно было выжжено на задней стороне спинки — наверняка считала, что вносит достаточный вклад в жизнь сообщества. Людям нужна мебель; у Адекора был стол и два шкафа, сделанные той же самой

мебельщицей.

Но каков будет вклад Адекора, если Понтера не станет? В их паре главным был Понтер; Адекор это признавал и принимал. Какой вклад он сможет внести без Понтера, дорогого, милого Понтера?

Их проект квантового компьютера мёртв, это Адекору было ясно. Без Понтера у него одного ничего не получится. Другие подобные проекты — женская группа на континенте Эвсой, и ещё одна, мужская, на западном побережье этого континента — продолжат работы по своим планам. Он пожелает им удачи, но, хотя и будет с интересом читать их отчёты, какая-то его часть будет всё время жалеть, что не они с Понтером достигли того или иного прорыва.

Осины и берёзы образовывали над верандой тенистый полог; среди мха у подножия деревьев цвели белые триллиумы. Мимо пробежал бурундук; откуда-то донеслась дробь дятла. Адекор дышал полной грудью, вдыхая пыльцу вместе с запахами земли и природы.

Послушался звук чьих-то шагов. Иногда крупные животные подходили близко к дому даже среди бела дня, хотя…

Внезапно из задней двери выскочила Пабо. Значит, она тоже заметила визитёра. Адекор раздул

ноздри. Это был человек. Мужчина.

Неужели это…?

Пабо жалобно заскулила. Человек вышел из-за угла.

Не Понтер. Конечно, не он.

Сердце Адекора сжалось. Пабо ушла обратно в дом, снова к передней двери, продолжать своё бдение.

— Здравый день, — поздоровался Адекор в мужчиной, взошедшим на веранду. Он его не знал: коренастый, с рыжеватыми волосами. Он был одет в свободную синюю рубаху и зелёные штаны.

— Ваше имя Адекор Халд, и вы проживаете здесь, на Окраине Салдака?

— Первое верно, — ответил Адекор, — второе очевидно.

Визитёр поднял левую руку, обратив внутреннюю часть запястья к Адекору: по-видимому, хотел что-то передать на его компаньон.

Адекор кивнул и выдвинул штырёк на своём компаньоне. Увидел, как его экран вспыхнул, принимая данные. Он ожидал, что это будет рекомендательное письмо, что мужчина — приехавший в город дальний родственник или ремесленник, ищущий работу и предъявляющий

рекомендации. Адекор мог легко стереть эту информацию, если она не представляет интереса.

— Адекор Халд, — произнёс визитёр, — в мои обязанности входит проинформировать вас о том, что Даклар Болбай, действуя в качестве *табанта* несовершеннолетних Жасмель Кет и Мегамег Бек, обвиняет вас в убийстве их отца, Понтера Боддета.

— Что? — вскинулся Адекор. — Вы шутите?

— Нет, не шучу.

— Но Даклар — партнёрша Класт. В смысле, была. Она знает меня целую вечность.

— Тем не менее, — сказал мужчина. — Пожалуйста, обратите ко мне моё запястье, чтобы я мог убедиться в том, что все нужные документы были приняты.

Ошеломлённый Адекор подчинился. Мужчина лишь скользнул взглядом по дисплею, на котором светилась надпись «Болбай обвиняет Халда, передача завершена», потом снова посмотрел на Адекора. — Будет *доосларм басадларм*, — старинное понятие, буквально означающее «малый спрос перед большим спросом», — в ходе которого выяснится, предстанете ли вы за это преступление перед трибуналом.

— Преступления не было! — сказал Адекор;

внутри него вскипала ярость. — Понтер пропал. Он может быть мёртв, я это допускаю — но в результате несчастного случая.

Мужчина пропустил его слова мимо ушей.

— Вы вольны выбрать лицо, которое будет говорить от вашего имени. *Доосларм бадасларм* состоится завтра утром.

— Завтра! — Адикор ощутил, как сжимаются его кулаки. — Это смешно!

— Медлящее правосудие — не правосудие вовсе, — изрёк мужчина и ушёл.

Глава 10

Мэри хотелось кофе. Она соскользнула со своей односпальной кровати, доковыляла до кухни и запустила кофеварку. Потом вошла в гостиную и нажала кнопку воспроизведения на автоответчике, старом, надёжном, серебряном-с-чёрным «Панасонике», в котором всегда что-то громко брякало, когда он начинал и завершал перемотку ленты.

— Четыре новых сообщения, — объявил холодный, лишённый всякого выражения мужской голос; включилось воспроизведение.

— Привет, сестрёнка, это Кристина. Я просто *обязана* рассказать тебе о новом парне, с которым встречаюсь — на работе познакомилась. Да я знаю, знаю, ты всегда говоришь, что нельзя ни с кем заводить шашни на работе, но он правда такой здоровский и такой весёлый. Клянусь, сестрёнка, это настоящая находка!

Настоящая находка, — подумала Мэри. — *Боже ж ты мой, ещё одна.*

Механический голос произнёс: «Пятница, 21:04». В Сакраменто это седьмой час вечера;

Кристина, должно быть, позвонила сразу же, как только ушла с работы.

— Привет, Мэри, это Роз. Целую вечность тебя не видела. Давай поужинаем, а? У вас в Йорке нет «Блюбери-Хилл»? А то тот, что рядом со мной, закрылся. Сейчас я тут всё разгребу, и пойдём, хорошо? Сейчас тебя всё равно нет дома — надеюсь, хорошо проводишь время, что бы там ни делала.

Механический голос: «Пятница, 21:33».

Господи, подумала Мэри. Это же как раз тогда, когда… когда…

Она закрыла глаза.

Началось следующее сообщение.

— Профессор Воган? — произнёс голос с ямайским акцентом. — Это квартира профессора генетики Мэри Воган? Я прошу прощения, если звоню не туда, и за то, что звоню так поздно; я пытался звонить в кампус Йоркского на случай, если вы ещё на работе, но попал на голосовую почту. Я заставил справочное дать мне телефоны всех М. Воган в Ричмонд-Хилле — в статье, которую я нашёл в интернете, было сказано, что вы там живёте. — Сообщение на её автоответчике говорило лишь «Это Мэри», но звонящего, похоже, вдохновило и это. — Так вот. Я надеюсь, меня не разъединят прямо сейчас. Меня зовут Рубен

Монтего, я врач, работаю на компанию «Инко» на шахте «Крейгтон» в Садбери. Я не знаю, видели ли вы уже новости, но мы нашли… — он сделал паузу, и Мэри это показалось странным — до этого места он тараторил непрерывно. — В общем, если вы не видели новостей, то скажем так: мы нашли нечто, что посчитали неандертальцем в, так сказать, прекрасном состоянии.

Мери покачала головой. В Северной Америке не могло быть ископаемых неандертальцев; этот тип, должно быть, принял старый индейский череп за…

— Ну и я запустил в интернете поиск со словами «неандерталец» и «ДНК», и получил кучу ссылок с вашим именем. Не могли бы вы…

Би-и-п. Звонящий исчерпал максимальную длительность сообщения.

«Пятница, 22:20» — доложил голос аппарата.

— Чёрт, ненавижу эти штуки, — снова зазвучал голос доктора Монтего. — Так вот, я пытался сказать, что нам бы очень хотелось, чтобы вы провели экспертизу нашей находки. Перезвоните мне в любое время дня и ночи, номер моего сотового…

У неё нет для этого времени. Ни сегодня, ни в обозримом будущем. Однако неандертальцы

не были единственным её интересом; если это хорошо сохранившиеся древние индейские кости, то это тоже весьма интересно, хотя условия хранения должны быть поистине уникальными для того, чтобы ДНК не разрушилась…

Садбери. Это в Северном Онтарио. А вдруг у них там…

Это было бы просто сказочно. Ещё один человек изо льда, замороженный целиком, возможно, найденный глубоко под землёй при проходке шахты.

Но нет, она и думать сейчас об этом не хочет. Сейчас она вообще ни о чём не хочет думать.

Мэри вернулась на кухню и наполнила кружку свежесваренным кофе, в который добавила немного шоколадного молока из поллитровой упаковки — она не знала никого, кто бы так делал, и давно перестала пытаться заказывать такой кофе в ресторанах. Потом она вернулась в гостиную и включила телевизор, четырнадцатидюймовый агрегат, который она редко когда смотрела: вечерами она предпочитала свернуться калачиком с романом Джона Гришема или, изредка, с любовным романом от «Арлекина»[7].

---

[7] Примечания: 7

«Harlequin» — торонтское издательство, специализирующееся на издании женских романов. *(Прим. перев.)*

Она взяла пульт и выбрала «Кейбл-Плюс 24», круглосуточный новостной канал, посвящавший новостям лишь часть экрана: правая часть показывала прогноз погоды, а внизу мелькали заголовки из «Нэшнл Пост». Мэри хотела узнать сегодняшнюю температуру, и пойдёт ли, наконец, дождь, забрав с собой накопившуюся в воздухе влажность, и…

— …вчерашнее разрушение Нейтринной обсерватории Садбери, — произнесла Женщина-Скунс; Мэри никогда не могла вспомнить её фамилию, но узнавала по нелепой светлой пряди на её темноволосой голове. — Подробностей известно пока немного, но в обсерватории, которая находится на глубине более чем двух километров, по-видимому, произошла серьёзная авария примерно в 15:30. Пострадавших нет, но лаборатория стоимостью 73 миллиона долларов в данный момент закрыта. Детектор, попавший в заголовки мировых новостей в прошлом году после разрешения так называемой «загадки солнечных нейтрино», испытывает на прочность тайны Вселенной. Он был торжественно открыт в 1998; на церемонии открытия присутствовал знаменитый физик Стивен Хокинг. — Лицо Женщины-Скунса сменилось архивными кадрами с Хокингом в инвалидном

кресле, спускающимся вниз в шахтёрской клети.

— Кстати, о тайнах. Из больницы Садбери поступили сообщения о том, что в шахте был обнаружен живой неандерталец. С подробностями из Садбери Дон Райт. Дон?

Мэри в абсолютном изумлении смотрела, как журналист-индеец сообщает подробности. У парня, которого они показывали, действительно были надбровные дуги, и…

Боже, череп, мелькнувший на рентгеновском снимке, который чья-то рука прижимала к оконному стеклу.

Он действительно выглядел как неандертальский, но…

Но как это может быть? Как это вообще возможно? И ведь этот парень явно не дикарь, вон какая модная причёска. Мэри смотрела «Кейбл-Плюс 24» довольно регулярно; она знала, что там иногда показывают репортажи, которые на поверку оказываются слегка замаскированной рекламой нового фильма, однако…

Но Мэри была подписана на посвящённый гоминидам лист рассылки и участвовала в тамошних обсуждениях достаточно часто, чтобы быть уверенной: она не могла не слышать о снимающемся здесь, в Онтарио, фильме про

неандертальцев.

Садбери… Она никогда не бывала в Садбери, и…

И, чёрт возьми, да, ей сейчас пойдёт на пользу на какое-то время уехать куда-нибудь к чёрту на кулички. Она нажала на автоответчике кнопку просмотра номеров; первым высветился номер с кодом региона 705. Она ткнула в кнопку вызова и устроилась на своём любимом «троне Мортисии»[8], плетёном кресле с высокой спинкой. После трёх гудков ответил голос, который она только что слышала.

— Монтего.

— Доктор Монтего, это Мэри Воган.

— Профессор Воган! Спасибо, что перезвонили. У нас тут…

— Доктор Монтего, видите ли… вы не представляете себе, какой у меня тут сейчас завал. Если это шутка или какая-то…

— Это не шутка, профессор, но мы не хотим пока Понтера никуда отправлять. Вы не могли бы приехать в Садбери?

— Вы абсолютно уверены, что это что-то настоящее?

---

[8] Примечания: 8
Мортисия — персонаж сериала «Семейка Адамс». *(Прим. перев.)*

— Я не знаю; это мы и хотели узнать от вас. Я ещё пытаюсь разыскать Норманна Тьерри из UCLA, но в Калифорнии нет и восьми утра…

Чёрт, не хотелось бы, чтобы это досталось Тьерри; если всё это взаправду — хотя, чёрт возьми, как такое может быть? — то шум поднимется до небес.

— Почему вы хотите, чтобы я приехала?

— Я хочу, чтобы вы собственноручно взяли образцы ДНК; я хочу, чтобы не было никаких вопросов по поводу их происхождения и подлинности.

— Отсюда до Садбери… я даже не знаю, не меньше четырёх часов на машине.

— Не беспокойтесь на этот счёт, — сказал Монтего. — В Пирсоне[9] со вчерашнего вечера стоит принадлежащий компании самолёт, на случай, если вы перезвоните. Так что садитесь на такси и езжайте в аэропорт, будете у нас ещё до полудня. И не беспокойтесь о расходах, «Инко» всё возместит.

Мэри осмотрела свою квартиру: белые стеллажи для книг, плетёная мебель, её коллекция фигурок от «Ройал Даултон», репродукции Ренуа-

---

[9] Примечания: 9
Международный аэропорт Торонто. *(Прим. перев.)*

ра в рамках. Она могла бы заехать в университет на распределение первокурсников, а потом…

Нет. Нет, она не хочет туда возвращаться. Ещё нет, не сегодня — может быть, до самого сентября, когда она должна будет снова выйти на работу.

Но ей нужны первокурсники. И сегодня как раз день, когда их распределяют по профессорам. И она могла бы оставить машину на парковке DD и подойти к Фаркуарсон-билдинг с совершенно другого направления, даже близко не подходя к месту, где…

Где…

Она закрыла глаза.

— Мне надо заехать в университет по одному делу, но потом… да, договорились, я приеду.

Глава 11

Оставалось двадцать четыре дня до того, как Двое в следующий раз станут Одним, этого сказочного четырёхдневного праздника, которого Адекор с нетерпением ждал каждый месяц. Но вопреки правилам приличия он не мог ждать так долго для встречи с той, кого хотел попросить говорить от его имени на *доосларм басадларм*. Он мог поговорить с ней по голосовому коммуникатору, но когда общаешься одними словами, без жестов и феромонов, так многое теряется. Нет, это дело слишком деликатное; ему придётся посетить Центр.

Адекор воспользовался компаньоном, чтобы вызвать транспортный куб с водителем. Община владела примерно тремя тысячами машин; ему не придётся ждать долго, пока до него дойдёт очередь.

Компаньон обратился к нему.

— Ты же помнишь, что сейчас Последние Пять?

Хрящ! Он и забыл об этом. В это время эффект сильнее всего. Он лишь дважды бывал в Центре

во время Последних Пяти; он знал тех, кто этого не делал вообще никогда, и дразнил их, рассказывая, как едва ушёл живым.

Тем не менее будет нелишним окунуться лишний раз в бассейн и смыть с себя собственные феромоны.

Сказано — сделано.

Потом он просушился шнуром и оделся в тёмно-коричневую рубаху и светло-коричневые штаны. Только он успел закончить, как рядом с домом на землю опустился транспортный куб. Пабо, всё ещё ожидающая Понтера, выскочила из дома посмотреть, кто явился. Следом за ней чинно вышел Адекор.

Куб был последней модели, почти полностью прозрачный, с двумя моторами под днищем и сиденьями в четырёх углах; одно из них занимал водитель. Адекор влез в куб и устроился на мягком седлокресле рядом с водителем.

— Едете в Центр? — спросил водитель, сто сорок третий с залысиной, тянущейся вдоль всей головы.

— Да.

— Знаете, что сейчас Последние Пять?

— Да.

Водитель хихикнул.

— Учтите, ждать я вас там не буду.

— Я в курсе, — сказал Адекор. — Поехали.

Водитель кивнул и запустил мотор. У куба была хорошая звукоизоляция: Адекор едва различал шум винтов. Он поудобнее устроился на сиденье. Они обогнали пару других кубов, каждый — с пассажиром-мужчиной. Адекор подумал, что водители, наверное, чувствуют себя весьма полезными. Раньше он никогда не управлял транспортным кубом, но может быть, *эта* работа пришлась бы ему по душе?

— Каков ваш вклад? — спросил водитель, просто чтобы завязать разговор.

Адекор продолжал смотреть сквозь стену куба на окружающий пейзаж.

— Я физик, — ответил он.

— Здесь? — удивился водитель.

— У нас лаборатория под землёй, в выработанной шахте.

— Ах, да, — ответил водитель. — Что-то слышал. Новомодные компьютеры, да?

Наверху пролетел гусь; его белоснежные щёки резко контрастировали с чёрной головой и шеей. Адекор проследил за ним взглядом.

— Точно.

— И как продвигается?

Обвинение в убийстве меняет твой взгляд буквально на всё, осознал Адекор. При обычных обстоятельствах он просто ответил бы «Нормально», не вдаваясь в подробности произошедшего несчастья. Однако в какой-то момент могут задать вопросы и водителю. «Да, арбитр, я вёз Адекора Халда, и когда я спросил его, как идут дела с его компьютерным проектом, он сказал “нормально”. Понтер Боддет погиб, но он не выказал по этому поводу никакого сожаления.»

Адекор сделал глубокий вдох, потом ответил, взвешивая каждое слово:

— Вчера у нас был несчастный случай. Мой партнёр погиб.

— Ох, — сказал водитель. — Очень печально это слышать.

Местность, через которую они двигались, была скучна и невыразительна: древние гранитные обнажения и низкий кустарник.

— Мне тоже, — ответил Адекор.

Они продолжили путь в молчании.

Конечно, его не могли признать виновным в убийстве; арбитр наверняка постановит, что коль скоро нет тела, то нет доказательств того, что Понтер мёртв, не говоря уж о том, что он пал от его руки.

Но если…

Если его всё-таки осудят за убийство, то…

То что? Разумеется, у него отнимут всю его собственность, которую отдадут партнёрше Понтера и его детям, но… но нет, нет, Класт ведь умерла двадцать месяцев назад.

Помимо конфискации имущества, что ещё?

Конечно… конечно, не *это*.

Но с другой стороны, а какое ещё наказание может быть за убийство? Оно казалось бесчеловечным, но в случае необходимости к нему прибегают с самого первого поколения.

Конечно, он беспокоится попусту. Даклар Болбай, очевидно, скорбит по Понтеру, ведь Понтер — партнёр Класт, которая была партнёршей Болбай; и он, и она были связаны с Класт, и её смерть потрясла Болбай не меньше, чем Понтера. А теперь она потеряла и Понтера тоже. Да, Адекору теперь было ясно, что двойная потеря на время вывела её из душевного равновесия. Нет сомнений, что через день или два Болбай придёт в себя, отзовёт обвинение против Адекора и извинится.

И Адекор, конечно, примет её извинения; а что ещё ему остаётся.

Но если она *не отзовёт* иск? Если Адекор пройдёт через этот смехотворный процесс и

предстанет перед трибуналом? Что тогда? Ну, тога ему придётся…

Водитель снова заговорил, прервав размышления Адекора.

— Мы почти в Центре. Вы знаете точный адрес?

— Северная сторона, площадь Мелбон.

Адекор увидел, как голова водителя наклонилась и выпрямилась в знак подтверждения.

Они и правда уже въезжали в Центр; открытые пространства уступали место рощам осин и берёз и группам зданий, построенных из культивированных деревьев и серого кирпича. Был почти полдень, и утренние облака исчезли без следа.

По мере их продвижения Адекор заметил сначала одну женщину, потом другую, потом ещё несколько, идущих вдоль дороги. Самые прекрасные существа на свете.

Одна из них заметила машину и указала другой на Адекора. Появление мужчины в Центре не в дни, когда Двое становятся Одним, не было такой уж редкостью, но в Последние Пять дней месяца на мужчину в Центре обращали внимание.

Адекор пытался не обращать внимания на направленные на него взгляды женщин; машина тем временем углублялась в город.

Нет, думал он. Нет, они не признают его виновным. Ведь тела нет!

И всё же, если они признают…

Куб летел дальше, неся в себе Адекора, сжавшегося на своём сиденье. Он чувствовал, как сжимается его мошонка, вдавливая содержимое внутрь тела, подальше от грозящей опасности.

Глава 12

Рубен Монтего пришёл в восторг, узнав, что Мэри Воган уже на пути в Садбери. Часть его страстно желала, чтобы она генетически доказала, что Понтер не является неандертальцем, что он обычный заурядный человек. Это вернуло бы ситуации некоторую рациональность; он плохо спал в ту ночь, а наутро обнаружил, что ему было бы гораздо легче проглотить историю про чудака, специально изменившего себя так, чтобы походить на неандертальца, чем про настоящего неандертальца. Возможно, Понтер и правда был членом какого-то странного культа, как Рубен сразу и предположил. Если бы его в детстве заставляли носить специальные шлемы в форме неандертальского черепа, постепенно увеличивая их размер по мере роста, то и его череп приобрёл бы такую форму. А в какой-то момент он, очевидно, перенёс операцию на нижней челюсти, в результате которой она и приобрела свои доисторические очертания…

Да, так вполне могло бы быть, думал Рубен.

Ехать прямо в аэропорт смысла пока не было;

профессор Воган прибудет только через пару часов. Поэтому Рубен отправился в медицинский центр Сент-Джозеф проведать Понтера.

Первое, что он заметил, войдя в палату, были тёмные полукружья у Понтера под глазами. Рубен был рад, что на его собственной лице не могут появиться подобные признаки усталости. Его родители, ещё когда они жили в Кингстоне (в том, что на Ямайке, а не в Онтарио, хотя и в этом втором Кингстоне ему довелось немного пожить), никогда не могли определить по его виду, спал он, или полночи читал комиксы.

Возможно, подумал Рубен, доктору Сингху стоит прописать Понтеру седативное. Даже если он и правда неандерталец, то, что действует на людей, наверняка подействует и на него. Впрочем, если бы решения принимал он, то тоже, вероятно, предпочёл бы перебдеть.

В любом случае, Понтер сейчас сидел на кровати за принесённым медсестрой поздним завтраком. Он смотрел на поднос так, словно на нём чего-то не хватало. В конце концов он обернул руку белой льняной салфетку и начал есть этой обёрнутой рукой, подцепляя ломтики бекона по одному за раз. Столовыми принадлежностями он воспользовался лишь раз, когда ел яичницу,

причём для этой цели он взял ложку, а не вилку.

Тост он, обнюхав, вернул обратно на поднос. Он также проигнорировал содержимое маленькой упаковки кукурузных хлопьев «Келлог», хотя и с видимым удовольствием возился с замысловатой перфорацией, чтобы открыть пакетик и высыпать хлопья в плошку. Сперва осторожно попробовав, одним глотком осушил маленькую пластиковую чашку апельсинового сока, но отказался и от кофе, и от четвертьлитровой упаковки молока пониженной жирности.

Рубен пошёл в ванную, чтобы набрать ему чашку воды из-под крана — и застыл на пороге.

Понтер на самом деле был откуда-то не отсюда. В этом не осталось сомнений. О, не смыть за собой унитаз — это не так уж необычно, но…

Но Понтер не только не смыл — он ещё и подтёрся лентой с надписью «Продезинфицировано для вашей защиты» вместо висящей тут же туалетной бумаги. Никто, даже житель самой отсталой страны третьего мира не сделает такой ошибки. А ведь Понтер явно был из технически развитого общества; об этом свидетельствовал загадочный имплант у него на левом запястье.

Ладно, подумал Рубен, лучший способ побольше узнать об этом человеке — поговорить с ним.

Он определённо не может — или не хочет — говорить по-английски, но, как говаривала бабушка Рубена, есть шестьдесят и девять способов освежевать кошку.

— Понтер, — сказал Рубен, произнеся единственное слово, которое выучил прошлым вечером.

Пришелец довольно долго молчал, его голова булла немного наклонена в сторону. Потом он кивнул, будто соглашаясь с кем-то, но не с Рубеном.

— Рубен, — произнёс он.

Рубен улыбнулся.

— Правильно. Меня зовут Рубен. — Он говорил очень медленно. — А тебя зовут Понтер.

— Понтер, *ка*, — сказал Понтер.

Рубен указал на имплант на левом запястье Понтера.

— Что это? — спросил он.

Понтер поднял левую руку.

— *Пасалаб*, — сказал он. Потом произнёс это слово снова, медленно, по слогам, должно быть, догадавшись, что начался урок языка. — *Па-салаб*.

И тут Рубен осознал свою ошибку: соответствующего английского слова попросту не существо-

вало. Ну, может быть, «имплант», но это слишком общий термин. Он решил попробовать что-нибудь попроще. Он поднял вверх один палец.

— Один, — сказал он.

— *Колб*, — отозвался Понтер.

Он показал два пальца, как знак победы.

— Два.

— *Дак*, — сказал Понтер.

Три пальца.

— Три.

— *Нарб.*

Четыре пальца.

— Четыре.

— *Дост.*

Полная рука, пять растопыренных пальцев.

— Пять.

— *Айм.*

Рубен продолжил, добавляя по пальцу уже левой руки, пока не выучил числительные от одного до десяти. Потом попробовал их вразброс, чтобы посмотреть, будет Понтер называть их одинаково, или он их придумывает на ходу. Насколько Рубен мог судить — он и сам не очень хорошо помнил эти незнакомые слова — Понтер в показаниях не путался. Это была не хохма; это был настоящий язык.

Потом Рубен стал указывать на части тела. Он ткнул пальцем в свою бритую голову.

— Голова, — сказал он.

Понтер указал на собственную голову.

— *Кадун*.

Рубен указал на глаз.

— Глаз.

И тут Понтер сделал нечто поразительное. Он поднял правую руку ладонью наружу, словно прося Рубена подождать минутку, и потом начал быстро говорить на своём языке, слегка пригнув голову и снова склонив её набок, словно разговаривая с кем-то по невидимому телефону.

— Душераздирающее зрелище! — сказала Хак Понтеру через кохлеарные импланты.

— Да ты что! — ответил Понтер. — Мы, знаешь ли, не такие, как ты; информацию в нас нельзя просто *записать*.

— Достойно сожаления, — сказал Хак. — Но правда, Понтер, если бы ты с самого начала следил за тем, что они говорят друг другу, то сейчас бы уже знал гораздо больше слов, чем этот куцый список существительных. Я с большой долей достоверности распознала 116 слов их языка и по контексту использования примерно догадываюсь о значении ещё 240.

— Хорошо, — сказал Понтер с некоторым раздражением, — если ты считаешь, что у тебя получится, лучше, чем у меня…

— При всём уважении, в деле изучения языка даже у шимпанзе получится лучше, чем у тебя.

— Ладно, ладно! — сказал Понтер. Он потянулся к запястью и вытянул на компаньоне штырёк, включающий его внешний динамик. — Давай, работай!

— С удовольствием, — ответила Хак через кохлеарные импланты и переключилась на внешний динамик.

— Превет, — сказал женский голос. Сердце у Рубена подпрыгнуло. — Эй, я здесь!

Рубен посмотрел вниз. Голос исходил от странного импланта на левом запястье Понтера.

— Сказать руке, — произнёс имплант.

— Гмм, — сказал Рубен. Потом: — Привет.

— Превет, Рубен, — повторил голос женский голос. — Меня зовут Хак.

— Хак, — повторил Рубен, слегка качнув головой. — Где вы?

— Я здесь.

— Нет, в смысле *где* вы? Я так понимаю, эта штуковина — что-то вроде сотового телефона — кстати, в больнице ими пользоваться вообще-то

нельзя, они могут создавать помехи контрольной аппаратуре. Мы не можем вам перезвонить…

Би-и-ип!

Рубен замолчал. Сигнал исходил от импланта.

— Учим язык, — сказала Хак. — Следуйте.

— Учим? Но…

— *Следуйте*, — повторил Хак.

— Э-э… да, хорошо. О-кей.

Внезапно Понтер кивнул, будто услышал что-то неслышное для Рубена. Он указал на дверь палаты.

— Это? — сказал Рубен. — О, это дверь.

— Много слова, — сказал Хак.

Рубен кивнул.

— Дверь, — сказал он. — Дверь.

Понтер встал и подошёл к двери. Он положил свою огромную ладонь на ручку и, потянув за неё, открыл дверь.

— Гмм, — сказал Рубен. Потом: — О! Открыть. Открыть.

Понтер закрыл дверь.

— Закрыть.

Понтер несколько раз открыл и закрыл дверь.

Рубен нахмурился, но потом догадался:

— Открывает. Понтер открывает дверь. Или закрывает. Открывает. Закрывает. Открывает.

Закрывает.

Понтер подошёл к окну. Он сделал руками жест, будто охватывая его.

— Окно, — сказал Рубен.

Он постучал по стеклу.

— Стекло, — сказал Рубен.

Понтер распахнул окно, и снова зазвучал женский голос:

— Я открывает окно.

— Нет, — поправил Рубен. — Я открываю. Понтер открывает. Я открываю.

Понтер захлопнул створки.

— Я закрываю окно, — сказал женский голос.

— Да! — сказал Рубен. — Всё верно!

Глава 13

Адекор Халд уже забыл, на что похожи Последние Пять. Он чуял их, чуял всех женщин. Менструация ещё не наступила — осталась самая малость. Её начало, которое совпадёт с новолунием, будет означать окончание Последних Пяти, окончание текущей луны и начало следующей. Но менструация будет у всех; он знал это, ощущая запах витающих в воздухе феромонов.

Ну, не у всех до единой, конечно. У подростков — девочек из поколения 148 — не будет, равно как у тех женщин поколения 144, у которых наступила менопауза, и также практически у всех представительниц более ранних поколений. И если бы какая-то из женщин была беременна или кормила грудью, у неё бы тоже не было менструации. Но до поколения 149 оставалось ещё много месяцев, а поколение 148 отлучено от груди давным-давно. Также было небольшое количество женщин, которые, обычно не по своей вине, были бесплодны. Но остальные, живущие вместе в Центре, постоянно обоняющие феромоны друг друга, давно синхронизовали свои циклы, и у них у всех

вот-вот должен был начаться новый период.

Адекор прекрасно знал, что эти гормональные изменения делают женщин раздражительными в конце каждого месяца, и что именно поэтому пращуры-мужчины задолго до того, как начался отсчёт поколений, в эти дни собирались и уходили в лес.

Водитель высадил Адекора возле дома, который он искал — простого прямоугольного строения, наполовину выращенного, наполовину построенного из кирпича и раствора, с солнечными панелями на крыше. Адикор глубоко вдохнул через рот — успокаивающий вдох, минующий носовые синусы и обонятельные рецепторы. Он медленно выпустил воздух и пошёл по узкой тропинке мимо цветочных клумб, травяных газонов, кустов и живописно расставленных камней, заполняющих пространство перед домом. Добравшись до двери, которая оказалась приоткрыта, он громко позвал:

— Эй! Есть кто дома?

Мгновение спустя из-за двери появилась Жасмель Кет. Она была высокая, гибкая, и ей только-только исполнилось 250 лун — возраст совершеннолетия. Адекор различал в её лице черты и Понтера, и Класт; Жасмель повезло, что она

унаследовала его глаза и её скулы, а не наоборот.

— Чт… Что… — Жасмель запнулась. Она замолчала, с заметным усилием овладела собой, и заговорила снова: — Что ты тут делаешь?

— Здравый день, Жасмель, — сказал Адикор. — Давно не виделись.

— Тебе хватает нахальства заявляться сюда, да ещё в Последние Пять.

— Я не убивал твоего отца, — сказал Адекор. — Честное слово, не убивал.

— Но его нет. Если он жив, то где он?

— Если он мёртв, то где тело? — спросил Адекор.

— Не знаю. Даклар говорит, что ты избавился от него.

— Даклар здесь?

— Нет, она ушла на курсы обмена мастерства.

— Я могу войти?

Жасмель взглянула на свой имплант, будто хотела удостовериться, что он по-прежнему функционирует.

— Ну… думаю, да, — сказала она.

— Спасибо.

Она отступила в сторону, и Адекор вошёл в дом. Внутри было прохладно — большое облегчение в летнюю жару. В углу возился домашний робот,

поднимая с пола разные мелочи и удаляя с них пыль маленьким пылесосом.

— Где твоя сестра? — спросил Адекор.

— *Мегамег*, — Жасмель произнесла имя сестры с нажимом, словно упрекая Адекора за то, что он, по-видимому, забыл его, — Мегамег играет в *барсталк* с друзьями.

Адекор раздумывал, стоит ли ему показать, что он прекрасно осведомлён о жизни Мегамег — ведь Понтер постоянно рассказывал о ней и Жасмель. Будь это просто визит вежливости, он не стал бы развивать эту тему. Но от этого визита многое зависело.

— Мегамег, — повторил Адекор. — Да, Мегамег Бек. Из 148-го, да? Для своего возраста маловата, но драчлива. Хочет стать хирургом, когда вырастет.

Жасмель молчала.

— А ты, — продолжал напирать Адекор, — Жасмель Кет, учишься на историка. Особо интересуешься Эвсоем до начала отсчёта поколений, но тебе также нравится эпоха тридцатых поколений на этом континенте…

— Хватит, — сказала Жасмель, оборвав его на полуслове.

— Ваш отец часто о вас рассказывал. Он вас

очень любил и гордился вами.

Жасмель приподняла бровь, явно удивлённая и польщённая.

— Я его не убивал, — снова сказал Адекор. — Поверь, я тоскую по нему так, что не выразить словами. С того… — Он оборвал себя; он едва не сказал, что со дня исчезновения Понтера Двое ещё не становились Одним, так что у Жасмель ещё не было шанса ощутить его отсутствие. Действительно, при нормальных обстоятельствах она бы и не виделась с отцом в последние три дня, с тех пор, как Двое перестали быть Одним. А вот для Адекора пустота в доме, отсутствие партнёра, который всегда был рядом, было реальностью его жизни каждое мгновение с того момента, как он пропал. Однако глупо спорить о том, чьё горе сильнее; Адекор осознавал, что, как бы он ни любил Понтера, но его дочь Жасмель связана с ним генетически, его плоть и кровь.

Вероятно, Жасмель подумала о том же самом.

— Я тоже по нему скучаю. Уже. Я… — Она отвела взгляд. — Я не слишком много времени с ним проводила, когда Двое становились Одним. Понимаешь, тот парень, с которым мы…

Адекор кивнул. Он не был уверен, что полностью понимает, каково быть отцом молодой

женщины. У него самого не было детей поколения 147. Они с Лурт тогда уже образовали пару, но как-то так получилось, что Лурт не смогла забеременеть. Пришлось услышать массу шуток о том, как физик и химичка не смогли одолеть биологию. От поколения 148 у Адекора был сын Даб; он был мал и ещё жил с матерью, но стремился проводить с отцом каждое мгновение во время его ежемесячных визитов.

Но Адекор слышал и Понтеровы… ну, не сказать, что жалобы; он понимал, что таков естественный порядок вещей. Но всё же у Жасмель оставалось для отца так мало времени, когда Двое становились Одним, и Адекор знал, что Понтера это расстраивало. А теперь, похоже, Жасмель осознавала, что никогда больше не увидит отца, жалела о том времени, которое могла бы провести с ним, понимала, что уже ничего не исправить, не наверстать, что отец уже никогда её не обнимет, что она никогда не услышит его голос, одобрительный или весёлый или просто спрашивающий, как дела.

Адекор осмотрелся и нашёл себе стул. Он был деревянный, сработанный той же мебельщицей, что и тот, на котором Понтер любил сидеть на их веранде — та женщина была знакомой Класт.

Жасмель присела на другом краю комнаты. Позади неё робот уборщик тихо исчез, направившись в другую часть дома.

— Ты знаешь, что будет, если меня признают виновным? — спросил Адекор.

Жасмель закрыла глаза, вероятно, чтобы не дать взгляду метнуться вниз.

— Да, — тихо сказала она. Но потом продолжила, будто защищаясь: — Но какая разница? Ты уже оставил потомство, у тебя двое детей.

— Не двое, — сказал Адекор. — Один, со 148-го.

— О, — тихо вздохнула Жасмель, видимо, пристыженная тем, что она знала про партнёра отца меньше, чем партнёр отца знал про его дочерей.

— И, кроме того, речь не только обо мне. Моего сына Даба тоже стерилизуют, и мою сестру Келон — всех, у кого по крайней мере пятьдесят процентов генов моих генов.

Конечно, сейчас не старые времена; сейчас — эра генетического тестирования. Если бы Келон и Даб смогли показать, что не унаследовали аберрантных генов Адекора, то их могли бы помиловать и не подвергать операции. Но хотя некоторые преступления были результатом какого-то хорошо изученного генетического изъяна, убийство подобных маркеров не имело.

К тому же, убийство было преступлением настолько отвратительным, что возможность, даже исчезающее малая, передачи склонности к нему последующим поколениям будет пресекаться всеми возможными средствами.

— Я сожалею об этом, — сказал Жасмель. — Но…

— Нет никаких «но», — сказал Адекор. — Я невиновен.

— Тогда арбитр признает тебя таковым.

Ах, безыскусность юности, подумал Адекор. Это даже могло показаться милым, если бы речь не шла о нём самом.

— Это очень необычный случай, — сказал Адекор. — Даже я это признаю. Но нет ни единой причины, которая заставила бы меня убить любимого человека.

— Даклар говорит, что тебе было тяжело всё время находиться в тени моего отца.

Адекор почувствовал, как его спина напряглась.

— Я бы так не сказал.

— А я бы сказала, — возразила Жасмель. — Мой отец, скажем честно, был умнее тебя. Тебе не нравилось быть на побегушках у гения.

— Мы делаем вклад, на который способны, —

сказал Адекор, цитируя «Кодекс Цивилизации».

— Истинно так, — сказала Жасмель. — И тебе хотелось, чтобы твой вклад был главнее. Но в вашем проекте вы проверяли идеи Понтера.

— Это не причина его убивать, — огрызнулся Адекор.

— Так ли? Моего отца нет, и ты был с ним, когда он пропал.

— Да, его нет. Его нет, и я… — Адекор чувствовал, как в глазах набухают слёзы, слёзы горечи и отчаяния. — Мне так тоскливо без него. Я говорю с откинутой головой: я этого не делал. Я не мог.

Жасмель посмотрела на Адекора. Она видела, как раздуваются его ноздри, обоняла его запах, его феромоны.

— Почему я должна тебе верить? — спросила она, скрещивая руки на груди.

Адекор нахмурился. Он не скрывал свой скорби; он пытался апеллировать к чувствам. Но у девушки от Понтера были не только глаза, но и ум — острый, аналитический, ставящий во главу угла рационализм и логику.

— Хорошо, — сказал Адекор, — подумай вот о чём. Если я виновен в гибели твоего отца, будет приговор. Я потеряю не только способность к воспроизводству, но и свой статус и всё, чем владею.

Я не смогу продолжить работу: Серый Совет наверняка потребует от осуждённого убийцы более прямого и осязаемого вклада, если ему вообще будет позволено оставаться частью общества.

— И это правильно, — сказала Жасмель.

— Ага, но если я *не* виновен, если *никто* не виновен, если твой отец просто пропал, потерялся, то ему нужна помощь. Ему нужна *моя* помощь; я — единственный, кто, возможно, способен… *вытащить* его. Без меня твой отец пропал навсегда. — Он посмотрел в её золотистые глаза. — Ты не понимаешь? Самым разумным сейчас будет поверить мне: если я лгу, если я убил Понтера — тогда никакое наказание его не вернёт. Но если я говорю правду, если Понтер не убит, то его единственная надежда в том, что я продолжу его искать.

— Шахту *уже* обыскали, — сказала Жасмель.

— Шахту — да, но… — Решится ли он ей сказать? Даже звучащие лишь в его голове, слова казались безумными; он мог представить, каким бредом они покажутся, будучи произнесёнными вслух. — Мы работали с параллельными вселенными, — сказал Адекор. — Возможно — лишь теоретически, конечно, но когда речь идёт о человеке, который так важен для тебя и меня, такой

возможностью нельзя пренебрегать — так вот, возможно, что он, так сказать, каким-то образом провалился в одну из этих вселенных. — Он умоляюще посмотрел на неё. — Ты должна знать хоть что-нибудь о работе отца. Даже если ты проводила с ним мало времени, — он видел, как уязвили её эти слова, — он должен был рассказывать тебе о своей работе, о своих теориях.

Жасмель кивнула.

— Да, он мне рассказывал.

— Так вот, есть шанс… вернее, он может появиться. Но сначала мне нужно разобраться с этим дурацким *доосларм басадларм*; мне нужно вернуться к работе.

Жасмель долго молчала. Адекор знал по редким спорам с её отцом, что дать ей молча обдумать ситуацию будет эффективнее, чем продолжать уговаривать, но уже не мог остановиться.

— Пожалуйста, Жасмель. пожалуйста. Это наиболее разумный выбор. Предположи, что я невиновен, и появляется шанс вернуть Понтера. Предположи, что виновен, и он пропал навсегда.

Жасмель сидела молча ещё некоторое время. Потом спросила:

— Чего ты от меня хочешь?

Адекор моргнул.

— Я… э-э… я думал, это очевидно, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты говорила от моего имени на *доосларм бадасларм*.

— Я? — воскликнула Жасмель. — Но ведь это я обвиняю тебя в убийстве!

Адекор повернул к ней своё левое запястье.

— Я тщательно изучил документы, которые мне вручили. Мой обвинитель — партнёрша твоей матери, Даклар Болбай, действующая от имени детей твоей матери: тебя и Мегамег Бек.

— Именно.

— Но она не может действовать от твоего имени. Тебе уже 250 лун; ты взрослая. Да, ты пока не можешь голосовать — как и я, разумеется — но ты уже сама за себя отвечаешь. Даклар может быть *табантом* Мегамег, но не твоим.

Жасмель нахмурилась.

— Я… я не подумала об этом. Я так привыкла, что Даклар заботится о нас с сестрой…

— С точки зрения закона ты теперь совершенно независимая личность. И никто лучше не убедит арбитра в том, что я не убивал Понтера, чем его собственная дочь.

Жасмель закрыла глаза, сделала глубокий вдох и выпустила воздух в долгом, судорожном выдохе.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Хорошо. Если есть шанс, хоть какой-нибудь шанс, что папа до сих пор жив, я им воспользуюсь. Я должна. — Она кивнула. — Да, я согласна говорить от твоего имени.

Глава 14

По стенам конференц-зала шахты «Крейгтон» были развешаны планы запутанной сети тоннелей и штолен. Посреди длинного деревянного стола лежал кусок никелевой руды. У одной из стен стоял канадский флаг; противоположную стену занимало огромное окно, выходящее на парковку и холмистую местность за ней.

Во главе стола сидела Бонни Джин Ма — европейского вида женщина с огромной гривой каштановых волос; фамилия досталась ей от мужа-китайца. Она была директором Нейтринной обсерватории Садбери и только что прилетела из Оттавы.

За длинной стороной стола сидела Луиза Бенуа, высокая красивая сотрудница обсерватории, которая находилась на вахте в пультовой, когда случилась катастрофа. Напротив неё сидел Скотт Нейлор, инженер из компании-производителя акриловой сферы, составлявшей основу нейтринного детектора. Рядом с ним расположился Альберт Шоуаноссовей, главный эксперт «Инко» по механике горных пород.

— Хорошо, — сказала Бонни Джин. — Последние новости таковы: начато осушение детекторной камеры, чтобы предотвратить ещё большее загрязнение тяжёлой воды. КанАтомЭнерго планирует отделить тяжёлую воду от обычной, а мы, теоретически, можем снова собрать сферу, заполнить её восстановленной тяжёлой водой и снова запустить детектор. — Она оглядела собравшихся в зале людей. — Но мне всё ещё хочется знать, что стало причиной случившегося.

Нейлор, коренастый лысеющий мужчина, заговорил:

— Я бы сказал, что сфера, содержащая тяжёлую воду, была разорвана внутренним давлением.

— Оно могло быть создано оказавшимся внутри человеком? — спросила Бонни Джин.

Нейлор покачал головой.

— Сфера вмещает 1100 тонн тяжёлой воды; добавьте человека весом в сотню килограмм — одна десятая тонны — и вы увеличите эту массу на одну десятитысячную. Плотность человека примерно такая же, как плотность воды, так что объём также увеличится на одну десятитысячную. Акриловая сфера легко такое выдержит.

— Значит, внутри сферы должно было произойти что-то вроде взрыва, — сказал Шоуаноссовей,

черноволосый индеец-оджибве лет пятидесяти.

Нейлор покачал головой.

— Мы сделали анализ образцов воды из детекторной камеры. Никаких следов взрывчатых веществ — а таких, которые способны взрываться, будучи пропитанными водой, вообще-то не так много.

— Тогда что? — спросила Бонни Джин. — Мог это быть, я не знаю, прорыв магмы или что-то такое, отчего вода закипела?

Шоуаноссовей покачал головой.

— За температурой на обсерватории, да и на всей шахте, тщательно следят. Никаких изменений не зафиксировано. В каверне обсерватории она постоянно держалась на нормальном уровне в 105 градусов — это по Фаренгейту, по Цельсию сорок один. Жарко, но до точки кипения очень далеко. Помните также, что шахта находится в миле с четвертью под землёй; атмосферное давление там около 1300 миллибар, то есть на 30% больше, чем на поверхности. А при повышенном давлении температура кипения, разумеется, увеличивается, а не уменьшается.

— А что насчёт другой крайности? — спросила Бонни Джин. — Может, тяжёлая вода замёрзла?

— Она действительно расширяется при замер-

зании, как и обычная вода, — сказал Нейлор. Он нахмурился. — Да, это разорвало бы сферу. Но тяжёлая вода замерзает при 3,82 градусах Цельсия. На такой глубине не может быть настолько холодно.

Луиза Бенуа присоединилась к разговору.

— Что если в сферу попал не один человек? Как много материала можно в неё добавить, прежде чем она лопнет?

Нейлор на секунду задумался.

— Точно не скажу; мы никогда не делали таких расчетов. Мы всегда знали совершенно точно, сколько именно тяжёлой воды КАЭ собирается нам одолжить. — Он задумался. — Ну… не знаю, может быть, 10 процентов. Сотня кубометров или около того.

— Сколько это? — спросила Луиза. Она оглядела конференц-зал. — Эта комната в длину метров шесть, так ведь?

— Двадцать футов? — сказал Нейлор. — Да, примерно столько.

— И здесь десятифутовый потолок — это около трёх метров, — продолжала Луиза. — То есть, потребовалось бы добавить примерно объём этой комнаты.

— Более-менее.

— Это смешно, Луиза, — сказала Бонни Джин. — Вы нашли там только одного человека.

Луиза кивнула, соглашаясь, но потом подняла свои изогнутые брови.

— А как насчёт *воздуха*? Что будет, если в сферу закачать сотню кубометров воздуха?

Нейлор кивнул.

— Я думал об этом. Думал, может быть, в сферу попал пузырь газа, хотя не представляю себе, как он мог проникнуть внутрь. Образцы воды, которые мы взяли, демонстрируют некоторую аэрацию, но…

— Но что? — спросила Луиза.

— Ну, вода действительно была насыщена газом — азот, кислород, немного CO_2, а также немного габброидной каменной пыли и пыльцы. Другими словами, обычный шахтный воздух.

— В таком случае, он не мог исходить из помещений нейтринной обсерватории, — заметила Бонни Джин.

— Точно так, мэм, — сказал Нейлор. — Воздух в обсерватории очищенный; в нём отсутствует каменная пыль и другие загрязнители.

— Но единственная часть шахты, которая соединяется с детекторной камерой — это помещения обсерватории, — сказала Луиза.

Нейлор и Шоуаноссовей кивнули.

— О'кей, о'кей, — сказала Бонни Джин, складывая руки перед собой и сплетая пальцы. — Что мы имеем? Объём содержащегося в сфере материала увеличился, как мы думаем, на 10 процентов или больше. Это могло быть вызвано впуском сотни кубометров неочищенного воздуха — хотя, если только воздух не закачивали феноменально быстро, его бы сжало давлением воды, не так ли? И, в любом случае, мы понятия не имеем, откуда этот воздух взялся — определённо не из обсерватории — или как он попал внутрь сферы. Всё верно?

— Всё примерно так и есть, мэм, — сказал Шоуаноссовей.

— И этот человек — мы тоже не знаем, как он попал в сферу? — спросила Бонни Джин.

— Нет, — ответила Луиза. — Технический люк, отделяющий заполненное тяжёлой водой внутренней пространство от обычной воды снаружи остался задраенным даже после того, как сфера лопнула.

— Ладно, — сказала Бонни Джин, — мы знаем, как этот… этот неандерталец, как они его называют — вообще попал внутрь шахты?

Шоуаноссовей единственный из присутству-

ющих работал непосредственно на «Инко». Он развёл руками.

— Служба безопасности шахты просмотрела записи со всех камер слежения и журналы доступа за предшествующие инциденту сорок восемь часов, — сказал он. — Каприни — это шеф нашей охраны — клянётся, что когда найдёт того, кто пустил этого парня внутрь, полетят головы. Ещё худшие кары он обещает тем, кто его покрывает.

— Что, если никто не врёт? — спросила Луиза.

— Это просто невозможно, мисс Бенуа, — сказал Шоуаноссовей. — Никто не может проникнуть в обсерваторию незамеченным.

— Только если он пользуется подъёмником, — ответила Луиза. — Но что, если он пришёл другим путём?

— Думаете, он два километра спускался по вентиляционной шахте? — Шоуаноссовей сердито нахмурился. — Даже если бы он и правда это сделал — а для такого нужны стальные нервы — то камеры слежения всё равно бы его заметили.

— Я к этому и веду, — сказала Луиза. — Очевидно, он не спускался в шахту. Как сказала профессор Ма, его называют неандертальцем. Но это неандерталец с каким-то высокотехнологичным имплантом, вживлённым в запястье — я

сама его видела.

— И что? — спросила Бонни Джин.

— Ну пожалуйста! — воскликнула Луиза. — Вы все наверняка думаете о том же самом, что и я. Он не пользовался подъёмником. Он не лез через вентиляцию. Он просто *появился* внутри сферы — он, и некое количество воздуха объёмом с эту комнату.

Нейлор просвистел начальные ноты музыкальной темы из «Стартрека».

Все рассмеялись.

— Да ладно, — сказала Бонни Джин. — Согласна, ситуация малость безумная, и искушение дать ей такое же безумное объяснение велико. Но давайте оставаться на твёрдой земле.

Шоуаноссовей тоже умел свистеть. Он изобразил тему из «Сумеречной зоны».

— Прекратите! — рявкнула на него Бонни Джин.

Глава 15

Мэри Воган была единственным пассажиром принадлежащего «Инко» самолёта марки «Лирджет», выполняющего рейс Торонто — Садбери. Садясь в самолёт, она заметила на его тёмно-зелёном боку надпись «Никелец-огурец».

Мэри воспользовалась коротким перелётом, чтобы просмотреть на портативном компьютере материалы по своим прошлым исследованиям; со времён публикации в «Сайенс» её исследований неандертальской ДНК прошло много лет. Читая свои записки, она наматывала на палец золотую цепочку от маленького крестика, который она всегда носила на шее.

В 1994 Мэри сделала себе имя, когда сумела извлечь генетический материал из тридцатитысячелетнего медведя, найденного в юконской вечной мерзлоте. Поэтому когда двумя годами позже в *Rheinisches Amt für Bodendenkmalpflege* — германском ведомстве, ответственном за археологические раскопки на территории Рейнланда — решили, что пришло время посмотреть, нельзя ли извлечь ДНК из самой знаменитой

окаменелости всех времён, *того самого* человека неандертальского, они позвонили Мэри. Она колебалась: образец был обезвожен, никогда не замораживался, и — оценки разнились — ему было около 100000 лет, втрое старше медведя. Однако устоять было невозможно. В июне 1996 она прилетела в Бонн и явилась в *Rheinisches Landesmuseum*, где хранилась находка.

Наиболее известная её часть — верхняя часть черепа с надбровными дугами — выставлялась, остальные кости хранились в стальной ящике, запертом в стальном шкафу, стоящем в стальном сейфе размером с комнату. Мэри вошла в сейф в сопровождении местного препаратора костей по имени Ганс. Они надели защитные пластиковые комбинезоны и медицинские маски; были предприняты все меры предосторожности для того, чтобы избежать загрязнения древних костей современной ДНК. Конечно, нашедшие кости археологи без сомнения их загрязнили, но за минувшие с тех пор полтораста лет их незащищённая ДНК на поверхности костей полностью распалась.

Мэри могла взять лишь малюсенький кусочек кости; туринские священники стерегут свою плащаницу столь же ревностно. Тем не менее,

это оказалось чрезвычайно трудно и для неё, и для Ганса — они словно оскверняли величайшее произведение искусства. Мэри обнаружила, что утирает слёзы, наблюдая, как Ганс ювелирной пилой отрезает полукруглый фрагмент толщиной всего сантиметр и весом три грамма от правой плечевой кости, сохранившейся лучше других.

К счастью, твёрдый карбонат кальция в наружных слоях кости должен был защитить и сохранить исходную ДНК внутри неё. Мэри привезла образец в свою лабораторию в Торонто и высверлила из него крошечные образцы.

Потребовалось пять месяцев кропотливой работы, чтобы извлечь 379-нуклеотидную последовательность из контрольного участка неандертальской митохондриальной ДНК. Мэри воспользовалась полимеразной цепной реакцией, чтобы создать миллионы копий восстановленной ДНК, а потом тщательно секвенировала её. Потом она проверила соответствующий участок митохондриальной ДНК 1600 современных людей: канадских индейцев, полинезийцев, австралийцев, африканцев, азиатов и европейцев. У каждого из этих 1600 людей по крайней мере 371 из 379 нуклеотидов были одинаковы; максимальное отклонение равнялось всего восьми

нуклеотидам.

Но в ДНК неандертальца в среднем лишь 352 нуклеотида совпадало с современными образцами; отклонение в целых двадцать семь нуклеотидов. Мэри заключила, что её вид людей и неандертальцы должны были разойтись в развитии где-то между 550000 и 690000 лет назад, чтобы их ДНК оказалась настолько различной. Общий же предок всех современных людей жил, вероятно, между 150000 и 200000 лет назад. Хотя разделение линий людей и неандертальцев произошло гораздо позже, чем разделение рода Homo и его ближайших родственников, шимпанзе и бонобо, имевшее место от пяти до восьми миллионов лет назад, это всё же было достаточно давно, чтобы Мэри посчитала неандертальцев совершенно отдельным от современных людей видом, а не просто подвидом: Homo neanderthalensis, а не Homo sapiens neanderthalensis.

Многие не согласились. Милфорд Уолпофф из Мичиганского университета был уверен, что неандертальские гены были полностью включены в генофонд современных европейцев; любой образец, демонстрирующий что-то иное, он считал нехарактерной последовательностью или неверной интерпретацией.

Но многие палеоантропологии согласились с выводами Мэри, хотя каждый — и она сама в том числе — оговорился, что для подтверждения нужно провести дополнительные исследования… если только появится другой источник неандертальской ДНК.

И сейчас, возможно — лишь возможно — такой источник был найден. Этот неандерталец никак не может быть настоящим, думала Мэри, но если он всё же настоящий…

Мэри закрыла компьютер и посмотрела в иллюминатор. Под ней простирался пейзаж Северного Онтарио, усыпанный обнажениями скал Канадского щита и утыканный осинами и берёзами. Самолёт начал снижение.

* * *

Рубен Монтего понятия не имел, как выглядит Мэри Воган, но, поскольку на самолёте «Инко» не было других пассажиров, он опознал её без труда. Это оказалась белая женщина под сорок с волосами медового цвета, темнеющими у корней. В ней было, наверное, фунтов десять лишнего веса, а когда она подошла ближе, Рубен ясно увидел, что она мало спала в эту ночь.

— Профессор Воган, — сказал Рубен, протягивая

руку. — Я Рубен Монтего, врач с шахты «Крейгтон». Спасибо, что приехали. — Он указал на молодую женщину, с которой приехал в аэропорт. — Это Джиллиан Риччи, пресс-секретарь «Инко»; она о вас позаботится.

Рубену показалось, что Мэри была очень обрадована тем, что её будет сопровождать молодая привлекательная женщина; возможно, профессор была лесбиянкой. Он потянулся за чемоданчиком, который Мэри держала в руках.

— Позвольте вам помочь.

Мэри отдала ему чемодан, но держалась рядом с Джиллиан, а не Рубеном, когда они шли под летним солнцем через посадочное поле. Рубен и Джиллиан были в солнцезащитных очках; Мэри же щурилась от яркого света — очевидно, она очки с собой не захватила.

Когда они подошли к тёмно-красному «форду-эксплореру» Рубена, и Джиллиан начала садиться на заднее сиденье, вежливо уступив переднее гостье, Мэри остановила её.

— Нет-нет, лучше я там сяду, — сказала она. — Я… мне надо вытянуть ноги.

Её странное заявление на мгновение повисло в воздухе, потом Джиллиан слегка пожала плечами и пошла к передней двери.

Они поехали прямиком в медицинский центр Сент-Джозеф, который находился на Парижской улице, прямо за зданием Музея Севера в форме снежинки. По дороге Рубен вкратце рассказал о происшествии в обсерватории и о странном человеке, которого там нашли.

Когда они въезжали на больничную парковку, Рубен заметил три фургончика местных телестанций. Больничная охрана, разумеется, не пускает журналистов к Понтеру, но так же очевидно, что журналисты держат эту историю под неусыпным наблюдением.

Когда они вошли в палату 3-G, Понтер смотрел в окно, обратив к ним свою широкую спину. Он махал кому-то — и Рубен сообразил, что с улицы его, должно быть, снимают телекамеры. Знаменитость, идущая на контакт, подумал он. Журналисты будут от парня без ума.

Рубен вежливо кашлянул, и Понтер обернулся. На фоне дневного света, льющегося из окна, его всё ещё было трудно разглядеть. Но когда он шагнул вперёд, Рубен с удовлетворением проследил, как у Мэри от первого же брошенного на неандертальца взгляда отвисла челюсть. Она говорила, что мельком видела Понтера по телевизору, но это, похоже, никак не подготовило её к встрече

с реальностью.

— Вот тебе и Карлтон Кун, — сказала Мэри, по-видимому, придя в себя.

— Что вы сказали? — резко обернулся к ней Рубен.

Мэри сначала опешила, потом смешалась.

— О, нет, простите[10]. Карлтон Кун, американский антрополог. Он утверждал, что если неандертальца одеть в костюм от «Брукс Бразерс», то он легко сойдёт за обычного человека.

— Ах, — сказал Рубен и кивнул. Потом сказал: — Доктор Воган, позвольте представить вам Понтера.

— Здравствуйте, — донёсся женский голос из импланта на запястье.

Рубен увидел, как глаза Мэри удивлённо расширились.

— Да, — сказал он, кивнув. — Эта штука у него на руке разговаривает.

— Что это такое? — спросила Мэри. — Говорящие часы?

— Нечто гораздо большее.

Мери наклонилась, чтобы рассмотреть поближе.

---

[10] Примечания: 10

Непереводимая игра слов. Кун — coon (сокращение от raccoon — енот) — презрительное прозвище чернокожих. *(Прим. перев.)*

— Я не узнаю этих цифр, если это цифры, — сказала она. — И… вам не кажется, что они сменяются слишком быстро?

— У вас верный глаз, — сказал Рубен. — Да, так и есть. Используются десять различных цифр, хотя я таких значков никогда не видел. И я засекал время — они сменяются каждые 0,86 секунд, что, если посчитать, оказывается в точности одной стотысячной частью суток. Другими словами, это десятичная система отсчёта времени, основанная на продолжительности земных суток. И, как вы можете видеть, это весьма продвинутый прибор. Дисплей не жидкокристаллический; я не знаю, какой именно, но изображение на нём чётко видно под любым углом и при любом освещении.

— Меня зовут Хак, — произнёс имплант на левом запястье странного человека. — Я — компаньон Понтера.

— Ах, — сказала Мэри, выпрямляясь. — Э-э… рада познакомиться.

Понтер произвёл серию низких звуков, которые Мэри не смогла разобрать.

— Понтер тоже рад, — сказал имплант.

— Мы провели утро за изучением языка, — сказал Рубен Мэри. — Как видите, мы довольно далеко продвинулись.

— Да уж, — потрясённо сказала Мэри.

— Хак, Понтер, — сказал Рубен. — Это Джиллиан.

— Зравствуйте, — сказал Хак. Понтер кивнул в знак согласия.

— Здравствуйте, — сказала Джиллиан, пытаясь, как показалось Рубену, выглядеть невозмутимой.

— Хак — это… в общем, я думаю, термин «компьютер» здесь подойдёт. Говорящий портативный компьютер. — Рубен улыбнулся. — Моему «палм-пилоту» даёт сто очков форы.

— Кто… кто-нибудь производит устройства вроде этого? — спросила Джиллиан.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Рубен. — Но у неё — Хак, я имею в виду, — у неё отличная память. Услышит слово раз, и уже не забудет.

— А этот человек, Понтер, он правда не говорит по-английски? — спросила Мэри.

— Не говорит, — подтвердил Рубен.

— Невероятно, — сказала Мэри. — Невероятно.

Имплант Понтера пискнул.

— Невероятно, — повторил Рубен, поворачиваясь к Понтеру. — Означает нечто, во что невозможно поверить, — имплант снова пискнул, — не являющееся правдой. — Он обернулся

к Мэри. — Мы определили концепции «правды» и «неправды» с помощью простых арифметических действий, но, как видите, нам есть, над чем поработать. Например, хотя для Хак, с её идеальной памятью, гораздо легче выучить английский, чем для нас — неандертальский, но ни она, ни Понтер не способны произнести звук «и».

— Правда? — внезапно оживилась Мэри. Её это всерьёз заинтересовало, подумал про себя Рубен. Он кивнул.

— Вас зовут Мере, — сказала Хак, иллюстрируя явление. — Её зовут Джеллеан.

— Это… это потрясающе, — сказала Мэри.

— Да? — удивился Рубен. — Почему?

Мэри сделала глубокий вдох.

— Много лет идут споры о том, могли ли неандертальцы говорить, и если могли, то какого рода звуки они могли производить.

— И какие же? — сказал Рубен.

— Некоторые лингвисты полагали, что неандертальцы были неспособны произносить звук «и», потому что у них ротовая полость глубже, чем у нас.

— То есть он всё-таки неандерталец! — подытожил Рубен.

Мэри снова сделала вдох, потом медленно вы-

дохнула.

— Я как раз и приехала, чтобы это выяснить, не так ли?

Она поставила на стол свою сумку и открыла её. Из сумки она достала пару латексных перчаток и натянула их на руки. Потом открыла пластиковую упаковку ватных палочек и достала одну.

— Мне нужно, чтобы он открыл рот, — сказала Мэри.

Рубен кивнул.

— Это легко. — Он повернулся к Понтеру. — Понтер открывать рот.

Была секундная задержка — как Рубен уже выяснил, Хак могла переводить для Понтера так, чтобы никто её не слышал. Понтер вскинул свою сросшуюся светловолосую бровь на надбровную дугу — очень непривычное зрелище — словно был удивлён просьбой, но сделал то, что просили.

Рубен был поражён. В школе у него был друг, который мог засунуть в рот кулак. Однако у Понтера ротовая полость уходила так далеко назад и была настолько объёмна, что там, должно быть, поместился бы не только кулак, но и запястье, и часть предплечья.

Мэри осторожно протянула руку и провела ват-

ной палочкой по внутренней стороне длинной скошенной щеки.

— Во рту клетки легко отслаиваются, — объяснила она, должно быть, заметив озадаченное выражение на лице Джиллиан. — Это самый простой способ взять образец ДНК. — Она вынула ватную палочку у Понтера изо рта и немедленно поместила её в стерильный контейнер, который запечатала и надписала. — Ну вот, это всё, что мне нужно, — сказала она.

Рубен посмотрел на Джиллиан, потом на Мэри.

— Здорово, — сказал он. — А когда мы узнаем результаты?

— Ну, мне нужно вернуться в Торонто, и там…

— Конечно, если хотите, — сказал Рубен, — но я… в общем, позвонил другу на факультете химии и биохимии в Лаврентийском университете. Наш университет совсем маленький, но у него хорошая лаборатория, где делают анализы ДНК для полиции — и федеральной, и провинциальной. Вы бы могли работать там.

— «Инко» поселит вас в «Рамаде»[11] за свой счёт, — добавила Джиллиан.

Мэри явно собиралась отказаться от этого

---

[11] Примечания: 11

Ramada — международная гостиничная сеть. *(Прим. перев.)*

предложения. Она уже начала было говорить, но вдруг, по-видимому, передумала.

— Конечно, — сказала она. — Конечно, почему нет?

Глава 16

Теперь, когда Жасмель согласилась говорить от имени Адекора, он должен был отвести её на Окраину и показать ей место так называемого преступления. Однако Адекор попросил Жасмель подождать деци или около того, потому что у него было ещё одно дело в Центре.

Партнёршей Понтера была Класт; Адекор хранил о ней тёплые воспоминания и был безутешен, когда она умерла. Но у него была и его собственная партнёрша, и она, к счастью, пребывала в добром здравии. Адекор знал красавицу Лурт Фрадло так же давно, как и Понтера; у них с Лурт был сын Даб 148 поколения. Однако, несмотря на давнее знакомство и партнёрство, Адекор всего несколько раз бывал у Лурт в химической лаборатории; ведь, в конце концов, когда Двое становятся Одним, это выходные дни и на работу никто не ходит. К счастью, компаньон знал дорогу и отвёл Адекора куда надо.

Лаборатория Лурт была целиком построена из камня; хотя вероятность взрывов в химических лабораториях не слишком велика, правила без-

опасности предписывают строить такие здания из материалов, способных противостоять взрывам и огню.

Дверь в здание была открыта. Адекор вошёл.

— Здравый день, — сказала женщина, проделавшая, по мнению Адекора, отличную работу по сокрытию своего удивления при виде мужчины в этот период месяца.

— Здравый день, — ответил Адекор. — Я ищу Лурт Фрадло.

— Она дальше по этому коридору.

Адекор улыбнулся и пошёл вдоль коридора.

— Здравый день, — сказал он, просовывая голову в дверь лаборатории Лурт.

Лурт обернулась и расцвела в улыбке.

— Адекор! — воскликнула она, подбежала к нему и крепко обняла. — Какой приятный сюрприз!

Адекор не мог припомнить, виделся ли он когда-нибудь прежде с Лурт во время Последних Пяти. Она выглядела совершенно нормальной и рассудительной — как, кстати, и Жасмель. Возможно, мужские представления о Последних Пяти несколько раздуты…

— Привет, красавица, — сказал Адекор, снова сжимая её в объятиях. — Как я рад тебя видеть.

Но Лурт хорошо знала своего мужа.

— Что-то случилось? — спросила она, выпуская его. — Рассказывай.

Адекор оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что они одни. потом взял Лурт за руку и отвёл её на другой край комнаты, где стояла пара лабораторных кресел рядом с большим стендом с периодической таблицей; кроме них в лаборатории присутствовали лишь двое паукообразных роботов: один переливал жидкость из мензурки в мензурку, другой собирал какую-то конструкцию из колб и трубок. Адекор сел; Лурт расположилась в соседнем кресле.

— Меня обвинили в убийстве Понтера, — сказал он.

Глаза Лурт широко распахнулись.

— Понтер умер?

— Я не знаю. Он пропал вчера днём.

— Вчера вечером у нас был праздник свежевания, — сказала Лурт. — Я не слышала новостей.

Он рассказал ей всю историю. Она сочувствовала ему и ни разу не высказала сомнения в невиновности Адекора; на доверие Лурт Адекор всегда мог рассчитывать.

— Ты хочешь, чтобы я говорила за тебя? — спросила Лурт.

Адекор отвёл взгляд.

— Тут такое дело. Я уже попросил Жасмель.

Лурт кивнула.

— Дочь Понтера. Да, я думаю, это произведёт впечатление на арбитра.

— Я как раз про это и подумал. Надеюсь, ты не обидишься.

Она улыбнулась.

— Ну что ты. Но послушай, если я хоть чем-нибудь могу помочь…

— Да, есть одно дело, — сказал Адекор. Он вытащил из набедренного кармана маленький пузырёк. — Это образец воды, который я взял на месте исчезновения Понтера; там по полу было разлито несколько вёдер. Сможешь сделать анализ?

Лурт взяла пузырёк и посмотрела его на просвет.

— Конечно, — ответила она. — И если нужно будет что-то ещё, только попроси.

* * *

Адекор вернулся на Окраину вместе с дочерью Понтера Жасмель. Они поехали прямиком на никелевую шахту; Адекор хотел показать Жасмель место, где пропал её отец. Но когда они подошли

к шахтному лифту, Жасмель вдруг заколебалась.

— В чём дело? — спросил Адекор.

— Я… у меня клаустрофобия.

Адекор в растерянности покачал головой.

— Да нет, не может быть. Понтер рассказывал, что когда ты была маленькой, то любила прятаться в кубиках для *добалака*. А не далее как декамесяц назад вы лазали в пещеру.

— Ну, гммм… — Жасмель замолкла.

— О! — Адекор кивнул, догадавшись. — Ты мне не доверяешь, не так ли?

— Просто это как-то… ну, мой отец был последним, кто спускался с тобой в эту шахту. И не поднялся обратно.

Адекор вздохнул. Её можно было понять. Кто-то, какое-то частное лицо, должно было обвинить Адекора в убийстве; без этого разбирательство не могло начаться. Так что если он избавится от Жасмель, Мегамег и Болбай, возможно, некому будет поддержать иск против него…

— Кто-то должен спуститься вместе с нами,- сказал Адекор.

Жасмель задумалась. Она тоже, должно быть, подумала о том, что всё, что она делает сейчас, приобретает особое значение. Да, она могла попросить кого-нибудь сопровождать их — кого-

нибудь из знакомых, тех, кому она доверяла без вопросов. Но этого человека также могут вызвать на разбирательство, если дело дойдёт до трибунала. «Да, арбитр, я знаю, что Жасмель говорит от имени Адекора, но даже она слишком боится его, чтобы спуститься с ним вдвоём в шахту. И можно ли её винить, после того, что он сделал с её отцом?»

В конце концов она заставила себя улыбнуться, и улыбка эта напомнила Адекору Понтера.

— Нет, — сказала она, — нет, зачем? Я просто нервничаю. — Она улыбнулась снова, более радостно. — В конце концов, сейчас ведь именно *те* дни месяца.

Однако когда они приблизились к входу в лифт, перед ними возник какой-то особенно массивный мужчина.

— Стойте где стоите, учёный Халд, — сказал он.

Адекор был уверен, что никогда в жизни не видел этого человека.

— Да?

— Вы намереваетесь спуститься в свою лабораторию?

— Да, намереваюсь. А вы кто такой?

— Гаскдол Дат, — ответил мужчина. — Мой вклад — принуждение.

— Принуждение? К чему?

— К соблюдению условий судебного надзора. Я не могу пустить вас под землю.

— Судебного надзора? — сказала Жасмель. — Что это такое?

— Это значит, — сказал Дат, — что передачи компаньона учёного Халда непрерывно просматриваются живым человеком в момент их получения в павильоне Архива Алиби — и так будет продолжаться до тех пор десять деци в день, двадцать девять дней в месяц, пока его невиновность не будет доказана. Если будет.

— Я не знал, что такое разрешено, — Адекор был потрясён.

— О, конечно разрешено, — сказал Дат. — В тот момент, как Даклар Болбай подала на вас жалобу, арбитр приказал поместить вас под судебный надзор.

— Почему? — спросил Адекор, пытаясь совладать с поднимающимся гневом.

— Разве Болбай не пересылала вам документ, объясняющий это? — спросил Дат. — Если нет, это её упущение. В любом случае, судебный надзор даст уверенность, что вы не попытаетесь покинуть данную юрисдикцию, сфальфицировать потенциальные улики и так далее.

— Но я не пытаюсь делать ничего такого, — сказал Адекор. — Почему вы не пускаете меня в лабораторию?

Дат посмотрел на Адекора так, словно не поверил своим ушам.

— Почему? Потому что сигналы вашего компаньона оттуда не доходят; там невозможно осуществлять надзор.

— Пустая кость, — тихо выругался Адекор.

Жасмель скрестила руки на груди.

— Я Жасмель Кет, и я…

— Я знаю, кто вы, — ответил принудитель.

— Тогда вы, должно быть, знаете, что Понтер Боддет — мой отец.

Принудитель кивнул.

— Этот человек пытается его спасти. Вы *обязаны* пустить его в его лабораторию.

Дат потрясённо покачал головой.

— Этого человека обвиняют в убийстве вашего отца.

— Но вполне возможно, что он никого не убивал, — ответила Жасмель. — Мой отец может быть до сих пор жив. Единственный способ это узнать — повторить их эксперимент с квантовыми вычислениями.

— Я ничего не знаю о квантовых эксперимен-

тах, — ответил Дат.

— Почему меня это не удивляет? — съязвил Адекор.

— За словом в карман не лезете, а? — Дат оглядел Адекора с головы до ног. — В любом случае, мои инструкции просты. Не давать вам покидать Салдак или спускаться в шахту. А мне позвонили из архива алиби и сказали, что вы как раз это и собираетесь делать.

— Я должен попасть туда, — сказал Адекор.

— Простите, — сказал Дат, складывая массивные руки на массивной груди. — Там вы не только выйдете из-под надзора, но и можете попытаться избавиться от ещё не найденных улик.

Жасмель в самом деле унаследовала от отца его быстроту ума.

— Однако ничто не мешает *мне* спуститься туда, не так ли? — сказала она. — Я не под надзором.

Дат подумал.

— Нет. Полагаю, что нет.

— Хорошо, — сказала Жасмель, поворачиваясь к Адекору. — Скажи мне, что делать, чтобы вернуть отца назад.

Адекор покачал головой.

— Это не так просто. Оборудование очень слож-

ное, и поскольку мы всё конструировали под себя, многие штырьки даже не подписаны.

Жасмель была не на шутку расстроена. Она посмотрела на здоровяка-принудителя.

— А что, если вы спуститесь вниз вместе с нами? Вы увидите всё, что делает Адекор.

— Спуститься с вами? — Дат рассмеялся. — Вы хотите, чтобы пошёл в место, откуда не доходят сигналы компаньона, да ещё и с человеком, который, возможно, ранее совершил в этом месте убийство? Не смешите шерсть у меня на спине.

— Вы *должны* пропустить его вниз, — сказала Жасмель.

Но Дат лишь покачал головой.

— Наоборот. Я должен *не пускать* его туда.

Адекор выпятил челюсть.

— Как? — спросил он.

— Э-э… прошу прощения? — ответил Дат.

— Как? Как вы собираетесь помешать мне спуститься в шахту?

— Любым способом, который потребуется, — ровно ответил Дат.

— Ну, хорошо, — сказал Адекор. Он замер на мгновение, словно обдумывая, действительно ли он собирается это сделать. — Ну, хорошо, — повторил он и решительно двинулся к входу в лифт.

— Стойте, — сказал Дат без какого-либо напряжения в голосе.

— Или что? — спросил Адекор, не оглядываясь. Он старался, чтобы его слова прозвучали бесстрашно, но его голос дрогнул, так что желаемого эффекта он не добился. — Разобьёте мне череп? — В этот момент мышцы шеи у него непроизвольно сжались, ожидая удара.

— Вряд ли, — сказал Дат. — Просто усыплю вас дротиком с транквилизатором.

Адекор остановился и повернулся.

— О, — сказал он. Он никогда не пытался идти наперекор закону, и не знал никого, кто бы это делал. Да, было бы логично обзавестись способами остановить человека, не причиняя ему вреда.

Жасмель встала между Адекором и метателем дротиков, который тем временем оказался у Дата в руке.

— Вам придётся сначала выстрелить в меня, — сказала она. — Он спустится вниз.

— Как пожелаете. Только должен вас предупредить — вы проснётесь с ужасной головной болью.

— Прошу вас! — крикнул Жасмель. — Он пытается спасти моего отца — вы не понимаете?

В голосе Дата впервые послышалось что-то

вроде сочувствия.

— Вы хватаетесь за дым. Я знаю, как вам тяжело, но вам придётся смириться с реальностью. — Он качнул метателем в сторону выхода из шахты. — Я сожалею, но ваш отец мёртв.

Глава 17

В генетической лаборатории Лаврентийского университета не было такого оборудования для извлечения дергадировавшей ДНК из старых образцов, как в лаборатории Мэри в Йоркском. Однако в данном случае оно и не требовалось. Взять клетки у Понтера из ротовой полости и извлечь из них митохондриальную ДНК — эта рутинная операция была под силу любой генетической лаборатории мира.

Мэри ввела два праймера — коротких отрезка митохондриальной ДНК, соответствующих началу последовательности, которую она идентифицировала много лет назад в образце, взятом у германского неандертальца. Потом она добавила фермент — ДНК-полимеразу, запустив полимеразную цепную реакцию, в ходе которой интересующий её участок подвергнется амплификации — будет воспроизводить себя снова и снова, каждый раз вдвое увеличиваясь в объёме. Скоро у неё будут миллионы копий этого участка для анализа.

Как сказал Рубен Монтего, лаборатория в

Лаврентийском много работала по заказу полицейской судмедэкспертизы, так что здесь был запас специальной ленты для герметизации ёмкостей. Это лента использовалась для того, чтобы генетики могли без тени сомнения утверждать в суде, что содержимое ёмкости не могло быть фальсифицировано в то время, когда на неё никто не смотрел. Мэри запечатала контейнер с результатами продолжающейся полимеразной амплификации и расписалась на ленте.

Потом она воспользовалась лабораторным терминалом для того, чтобы проверить свою почту в Йоркском. За последние сутки почты пришло больше, чем за весь предшествующий месяц; многие письма были от экспертов по неандертальцам со всего мира, которые как-то прознали о том, что она в Садбери. Пришли письма из Вашингтонского, Мичиганского, Стэнфордского, Кембриджского университетов, из UCB[12], UCLA, Университета Брауна, Университета штата Нью-Йорк, из британского Музея естественной истории, французского Института четвертичной истории и геологии, её старых друзей из *Rheinisches Landesmuseum* и от многих других — и

[12] Примечания: 12

University of California, Berkeley — Калифорнийский университет в Беркли. *(Прим. перев)*

все спрашивали образцы неандертальской ДНК, в то же самое время отпуская по этому поводу шутки, поскольку, разумеется, такого попросту *не могло* было быть.

Она проигнорировала все эти письма, но посчитала необходимым написать своей аспирантке в Йоркском:

> Дария,
>
> Прошу прощения за свой поспешный отъезд, но я знаю, что вы со всем отлично справитесь. Уверена, что вы уже видели новости, и я могу сказать — да, есть реальный шанс, что этот человек действительно неандерталец. Я сейчас провожу тестирование его ДНК для окончательного подтверждения.
>
> Я не знаю, когда смогу вернуться. Я задержусь здесь по меньшей мере ещё на несколько дней. Но я хочу вам сказать… вернее, предупредить… мне показалось, что когда я ушла с работы в пятницу, меня пытался преследовать мужчина. Будьте осторожны. Если собираетесь работать допоздна, то пусть ваш друг приезжает и встречает вас, либо звоните в службу

сопровождения, чтобы вас проводили до дома.

Будьте здоровы,

МНВ

Мэри перечитала письмо несколько раз, потом нажала «Отправить».

А потом долгое время просто сидела, тупо уставившись в экран.

Да провались оно.

Провались, провались, провались.

Она не могла выбросить это из головы — даже на пять минут. Похоже, не менее половины её сегодняшних мыслей было посвящено ужасным событиям… *Боже мой, неужели это было только вчера?* Казалось, прошло гораздо больше времени, несмотря на то, что воспоминания о том, что он с ней сделал, были по-прежнему остры, как скальпель.

Если бы она была в Торонто, то могла бы поговорить об этом с матерью…

Но её мать — добрая католичка, и, обсуждая изнасилование, не избежать других неприятных тем. Мама беспокоилась бы о том, чтобы Мэри не забеременела, хотя ни за что не одобрила бы аборт — у Мэри был с ней горячий спор по поводу

эдикта Иоанна Павла, предписавшего изнасилованным в Боснии монахиням родить в срок. Но сказать, что об этом нечего беспокоиться, потому что Мэри принимает противозачаточные таблетки, было бы ничуть не лучше. С точки зрения родителей Мэри календарный метод был единственным приемлемым способом планирования семьи — Мэри считала подлинным чудом, что у них было всего четверо детей, а не целая дюжина.

Конечно, она могла бы поговорить об этом с братьями или сестрой. Вот только… вряд ли она смогла бы говорить о таком с мужчиной — *любым* мужчиной. Так что Билл и Джон исключались. А её единственная сестра, Кристина, уехала в Сакраменто, а это не такая вещь, которую захочешь обсуждать по телефону.

И всё же, ей надо с кем-то поговорить. Поговорить с кем-то лично.

То есть, с кем-то *отсюда*.

На лабораторном столе стоял рекламный календарь Лаврентийского университета. Мэри нашла в нём карту кампуса и отыскала на ней то, что искала. Она поднялась из-за стола. Пройдя по коридору к лестничному пролёту, она перешла из 1-го Научного в Учебный корпус и прошла

через то, что, как она узнала, местные студенты называют боулинговой аллеей — длинный наземный стеклянный переход между Учебным и Главным корпусами. Переход был залит светом полуденного солнца; она прошла мимо киоска с пончиками «Тим Хортонс» и несколькими стендами, посвящёнными студенческой деятельности. Наконец, на дальнем конце боулинговой аллеи она свернула налево, прошла мимо отделения связи, поднялась по лестнице и прошла по короткому коридору.

Посещение центра помощи жертвам изнасилований в Йоркском университете исключалось без вопросов; там работали в основном волонтёры, и хотя предполагалось, что они будут поддерживать конфиденциальность, искушение рассказать кому-нибудь по секрету, что насилию подвергся кто-то из преподавательского состава, могло оказаться непреодолимым. К тому же, её могли увидеть входящей туда или выходящей оттуда.

Но в Лаврентийском университете, при его скромных размерах, такой центр тоже был. Грустная истина состоит в том, что такой центр нужен в каждом университете; она слышала, что такой

есть даже в Университете Орала Робертса[13]. Никто здесь не знал Мэри, её ещё не показывали по телевизору, хотя, несомненно, покажут, когда она будет представлять результаты анализа ДНК Понтера. Так что если она хочет хоть какой-нибудь анонимности, стоит поторопиться.

Дверь была открыта. Мэри вошла в маленькую приёмную.

— Здравствуйте, — сказала молодая чернокожая женщина, сидящая за столом. Она встала и вышла из-за стола к Мэри. — Входите, входите.

Мэри понимала логику её действий. Вероятно, многие женщины доходили до порога, но потом бросались наутёк, не в силах рассказать кому-то о том, что с ними произошло.

Впрочем, женщина, похоже, сообразила, что если Мэри и подверглась насилию, это произошло не только что. Одежда Мэри была в полном порядке, равно как причёска и макияж. К тому же, сюда наверняка заходят не только жертвы — люди приходят поработать волонтёрами или провести исследование, просто воспользоваться ксероксом.

— Вам сделали больно? — спросила женщина.

---

[13] Примечания: 13
Христианский университет в штате Оклахома. *(Прим. перев.)*

Больно. Да, это правильный подход. Гораздо проще признать, что тебе сделали больно, чем произнести слово на букву «и».

Мэри кивнула.

— Я обязана спросить, — сказала женщина. У неё были большие карие глаза; ноздря проколота крошечным гвоздиком с блестящим камешком. — Это случилось сегодня?

Мэри покачала головой.

Какую-то долю секунды женщина выглядела… нет, «разочарованной» было неподходящим словом, подумала Мэри, но случай, несомненно, был бы более интересным, если бы это произошло только что, если бы надо было вскрывать комплект для сбора улик, если бы…

— Вчера, — сказала Мэри, впервые заговорив. — Вчера вечером.

— Это был… кто-то знакомый?

— Нет, — сказала Мэри… но потом задумалась. По сути, она не была уверена в ответе на этот вопрос. Насильник был в лыжной маске. Это мог быть кто угодно: студент из её группы, другой преподаватель, кто-то из технического персона-

ла, какой-нибудь подонок из Дрифтвуда[14]. Кто угодно. — Я не знаю. Он… на нём была маска.

— Я знаю, что он сделал вам больно, — сказала женщина, беря Мэри под руку и ведя вглубь офиса, — но он вас не ранил? Вам не нужен доктор? — Женщина сделала упреждающий жест. — Мы можем вызвать доктора-женщину.

Мэри снова покачала головой.

— Нет, — сказала она. — У него был… — её голос дрогнул, удивив её саму. Она начала сначала. — У него был нож, но он им не воспользовался.

— Животное, — сказала женщина.

Мэри кивнула в знак согласия.

Они вошли во внутренний офис, стены которого были выкрашены в мягкий розовый цвет. Здесь было два стула, но не было дивана — даже здесь, в этом убежище, его вид мог быть невыносим. Женщина указала Мэри на стул — простой стул с мягким сиденьем, а сама уселась на другой напротив неё, но тут же потянулась и мягко взяла Мэри за левую руку.

— Вы назовёте своё имя? — спросила она.

Мэри подумала о том, чтобы назваться вымыш-

---

[14] Примечания: 14

Чрезвычайно неблагополучный и бедный район Торонто, непосредственно примыкающий к кампусу Йоркского университета. *(Прим. перев.)*

ленным именем, или — ей не хотелось лгать приятной молодой особе, которая так старается ей помочь — может быть, назваться вторым именем — Николь, тогда это не будет ложь, но всё равно поможет скрыть её личность. Но когда она открыла рот, то произнесла:

— Мэри. Мэри Воган.

— Мэри, меня зовут Кейша.

Мэри посмотрела на неё.

— Сколько вам лет? — спросила она.

— Девятнадцать, — ответила Кейша.

Так молода.

— И вы… вас…?

Кейша сжала губы и кивнула.

— Когда?

— Три года назад.

Мэри почувствовала, как её глаза удивлённо расширяются. Ей тогда было всего шестнадцать; это мог быть… Боже, её первый раз мог оказаться изнасилованием.

— Мне так жаль, — сказала она.

Кейша склонила в голову в знак признательности.

— Мэри, я не стану говорить вам, что вы справитесь, но вы можете это пережить. И мы поможем вам это сделать.

Мэри закрыла глаза, глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Она чувствовала, как Кейша мягко стискивает её руку, вливая в неё силы. Наконец, Мэри снова заговорила:

— Я ненавижу его, — сказала она и открыла глаза. Лицо Кейши излучало заботу и готовность помочь. — И… тихо добавила Мэри, — я ненавижу себя за то, что позволила этому произойти.

Кейша кивнула и, не выпуская её левой руки, осторожно взяла её за правую.

Глава 18

Адекор и Жасмель вернулись к Адекору домой, в дом, в котором жили они с Понтером. Светильные трубки зажглись по звуку его голоса; Жасмель с интересом огляделась.

Жасмель впервые посетила жилище отца; когда Двое становятся Одним, мужчины приходят в Центр, а не женщины — на Окраину.

Жасмель в испытывала какое-то меланхолическое очарование, бродя по дому и разглядывая собранную Понтером коллекцию статуэток. Ей было известно, что он любит каменных грызунов, и она взяла за правило дарить ему статуэтку на каждое лунное затмение. Она также знала, что Понтеру особенно нравятся грызуны, вырезанные из камня, не характерного для ареала их обитания; его гордостью и отрадой, судя по занимаемому ею месту возле плиты *вадлака*, была фигура бобра с масштабе 1:2, вырезанная из привезённого из центральных районов Эвсоя малахита.

Она всё ещё осматривала дом, когда компаньон Адекора звякнул.

— Здравый день, — сказал Адекор в компаньон. — О, прекрасно, любимая. Отличная новость! Погоди тактик… — Он повернулся к Жасмель. — Тебе это тоже надо услышать. Это моя партнёрша Лурт. Она сделала анализ жидкости, которую я нашёл в лаборатории квантовых вычислений после исчезновения твоего отца. — Адекор потянул на компаньоне за штырёк, активирующий внешний динамик.

— Со мной Жасмель Кет, дочь Понтера, — сказал Адекор. — Продолжай…

— Здравый день, Жасмель, — сказала Лурт.

— И вам того же, — ответила Жасмель.

— Так вот, — сказала Лурт. — я такого вообще не ожидала. Знаешь, что за жидкость ты мне принёс?

— Воду, я полагаю, — ответил Адекор. — Разве нет?

— Почти. На самом деле это *тяжёлая* вода.

Жасмель вскинула бровь.

— Правда? — удивился Адекор.

— Ага, — сказала Лурт. — Чистая тяжёлая вода. Конечно, молекулы тяжёлой воды встречаются в природе; к примеру, в обычной дождевой воде их около одной сотой процента. Но получить такую концентрацию — не представляю, как это

можно сделать. Полагаю, можно придумать технологию выделения тяжёлой воды из природной, воспользовавшись тем фактом, что тяжёлая вода действительно процентов на десять тяжелее, но придётся переработать реально гигантские объёмы воды, чтобы получить столько, сколько ты, говоришь, нашёл. Я не знаю ни одного предприятия, где могли бы такое проделать, и не имею представления, *для чего* это могло бы понадобиться.

Адекор глянул на Жасмель, потом снова на своё запястье.

— То есть, в природе такая вода не встречается? Её не могло, скажем, выдавить из горной породы?

— Без шансов, — сказала Лурт. — Она *была* немного загрязнена, но я определила примесь как моющее средство для пола; должно быть, оно оставило осадок на полу, который потом растворился в воде. В остальном вода абсолютно чистая. В ископаемой воде было бы много растворённых минералов; эта же вода явно *изготовлена*. Не знаю, кем, не уверена, как, но в природе такое совершенно точно встретиться не может.

— Потрясающе, — сказал Адекор. — И никаких следов ДНК Понтера?

— Нет. Есть немного твоей — несомненно, какое-то количество клеток отслоилось, когда ты брал образец — но это и всё. Никаких следов плазмы крови или чего угодно, что могло попасть в воду из его тела.

— Отлично. Тысяча благодарностей.

— Здравого дня, дорогой, — произнёс голос Лурт.

— Здравого дня, — повторил Адекор и потянул за штырёк разрыва соединения.

— Что такое тяжёлая вода? — спросила Жасмель.

Адекор объяснил, добавив в конце:

— Возможно, это ключ.

— Ты говорил правду об источнике тяжёлой воды? — спросила Жасмель.

— Конечно, — ответил Адекор. — Я собрал её с пола вычислительной камеры после того, как Понтер исчез.

— Она не ядовита?

— Тяжёлая вода? Не вижу причин.

— Где она используется?

— Нигде, насколько я знаю.

— А тело отца никак не могло… я не знаю… *превратиться* в тяжёлую воду?

— Весьма сомневаюсь, — сказал Адекор. — И

нет никаких следов веществ, составляющих его тело. Он не сгорел, не уничтожился — он просто исчез. — Адекор тряхнул головой. — Может быть завтра на *доосларм бадасларм* мы сможем объяснить арбитру, для чего нам нужно попасть в лабораторию. До тех пор будем просто надеяться, что Понтер жив-здоров, где бы он сейчас ни был.

* * *

Отведя Мэри в генетическую лабораторию Лаврентийского университета, Рубен наскоро перекусил в «Тако Белл» и поехал назад в Медицинский центр Сент-Джозеф. В холле он заметил Луизу Бенуа, красавицу-квебечку из нейтринной обсерватории. Она спорила с кем-то, по виду, из больничной охраны.

— Но я спасла ему жизнь! — услышал Рубен восклицание Луизы. — Конечно, он хочет меня видеть!

Рубен подошёл к спорящим.

— Привет, — сказал он. — Что за проблема?

Женщина повернула к Рубену своё красивое лицо; в её карих глазах читалась благодарность.

— О, доктор Монтего! — сказала она. — Слава Богу, вы здесь. Я пришла проведать нашего друга, но меня не пускают к нему на этаж.

— Я Рубен Монтего, — сказал Рубен охраннику, рыжеволосому здоровяку. — Я… — *собственно, почему нет?* — участковый врач мистера Понтера. Можете справиться обо мне у доктора Сингха.

— Я знаю, кто вы, — ответил охранник. — И да, вы в списке тех, кому разрешены посещения.

— В таком случае эта женщина со мной. Она действительно спасла Понтеру жизнь в нейтринной обсерватории.

— Очень хорошо, — сказал охранник. — Извините, что пил вам кровь, но туда всё время пытаются пролезть репортёры и просто любопытные, так что…

В этот момент Рубен заметил проходящего мимо доктора Наонигала Сингха в приметном тёмно-коричневом тюрбане.

— Здравствуйте, — сказал Сингх, подойдя к ним и пожав Рубену руку. — Прячемся от телефона? Мой так просто разрывается.

Рубен улыбнулся.

— Мой тоже. Похоже, все хотят знать о нашем мистере Понтере.

— Вы знаете, я очень рад, что с ним всё в порядке, — сказал Сингх, — но, боюсь, что должен буду его выписать. У нас не хватает койко-мест, спасибо Майку Харрису.

Рубен сочувственно кивнул. Прослывший скрягой бывший губернатор Онтарио закрыл или объединил много больниц по всей провинции.

— Кроме того, — продолжил Сингх, — не хочу показаться невежливым, но с уходом Понтера из больницы меня перестанут осаждать репортёры.

— Но куда же мы его денем? — спросил Рубен.

— Этого я не знаю, — ответил Сингх. — Но если он здоров, то ему нечего делать в больнице.

Рубен кивнул.

— Хорошо, хорошо. Когда будем уходить, мы заберём его с собой. Можно его как-то вывести из здания, не привлекая внимания?

— Вообще-то основная идея в том, — сказал Сингх, — чтобы пресса *знала*, что он ушёл.

— Да, да, — сказал Рубен, — но мне хотелось бы переправить его в безопасное место, *прежде* чем они об этом узнают.

— Понимаю, — сказал Сингх. — Попробуйте вывезти его через подземный гараж. Припаркуйте там машину; потом спуститесь с ним на служебном лифте до уровня B2 и выйдете в гараж по коридору. Если Понтер в машине пригнёт голову, никто не узнает, что он уехал.

— Отлично, — сказал Рубен.

— Прошу вас, заберите его сегодня, — сказал

Сингх.

Рубен кивнул.

— Обязательно.

— Спасибо, — сказал доктор Сингх и удалился.

Рубен с Луизой поднялись по лестнице.

— Привет, Понтер, — сказал Рубен, входя в палату. Понтер сидел на кровати; он был одет в ту же одежду, в которой его нашли.

Сначала Рубену показалось, что он смотрит телевизор, но потом он заметил, как Понтер держит левую руку — запястьем к экрану. Скорее всего, компаньон пополнял словарный запас, пытаясь опознать по контексту новые слова.

— Превет, Рубен, — сказала Хак, предположительно, от имени Понтера. Понтер повернулся и увидел Луизу. Рубен отметил, что его реакция отличалась от реакции обычного человеческого мужчины: не было улыбки восхищения и радости по поводу неожиданного визита сногсшибательной молодой женщины.

— Луиза, — сказал Рубен. — Познакомьтесь с Понтером.

Луиза выступила вперёд.

— Привет, Понтер, — сказала она. — Я Луиза Бенуа.

— Луиза вытащила вас из воды, — пояснил

Рубен.

Вот теперь Понтер улыбнулся; возможно, мы просто выглядим для него на одно лицо, подумал Рубен.

— Луыз… — произнёс голос Хак. Понтер сконфуженно пожал плечами.

— Он не может выговорить звук «и» в вашем имени, — сказал Рубен.

Луиза улыбнулась.

— Ничего. Можете звать меня Лу; меня так зовут друзья.

— Лу, — повторил Понтер собственным низким голосом. — Я — вы — я…

Рубен посмотрел на Луизу.

— Мы всё ещё работаем над словарным запасом. Боюсь, до формул вежливости мы ещё не добрались. Думаю, он пытается поблагодарить вас за то, что спасли ему жизнь.

— Не за что, — ответила Луиза. — Я рада, что с вами всё в порядке.

Рубен кивнул.

— Кстати, о «всё в порядке». Понтер, ты отсюда уходить.

Сплошная бровь Понтера взметнулась к надбровной дуге.

— Да! — сказала за него Хак. — Где? Куда?

Рубен почесал свой бритый затылок.

— Хороший вопрос.

— Далеко, — сказала Хак. — Далеко.

— Ты хочешь уйти подальше? — удивился Рубен. — Почему?

— Здесь… здесь… — Хак умолкла, но Понтер поднял руку и накрыл ладонью свой гигантский нос — видимо, эквивалент зажимания носа у людей.

— Запах? — догадался Рубен. Он кивнул и обернулся к Луизе. — С таким шнобелем, как у него, не удивлюсь, если и нюх будет соответствующим. Я и сам терпеть не могу больничный запах, а я в нём провожу очень много времени.

Луиза сказала, обращаясь к Рубену, но не сводя глаз с Понтера:

— Вы до сих пор не знаете, откуда он взялся?

— Нет.

— Я думала о параллельном мире, — сказала Луиза без обиняков.

— Что? Да ладно!

Луиза пожала плечами.

— Откуда тогда?

— Ну, это хороший вопрос, однако…

— А если он из параллельного мира, — продолжала Луиза, — представьте себе, что в нём нет двигателей внутреннего сгорания и других

вещей, загрязняющих воздух. Если у вас по-настоящему чувствительный нос, вы не станете разрабатывать вонючих технологий.

— Возможно, но отсюда вовсе не следует, что он из другой вселенной.

— В любом случае, — сказала Луиза, убирая с глаз прядь длинных каштановых волос, — он, вероятно, хочет оказаться где-нибудь подальше от цивилизации. Где-нибудь, где не так ужасно пахнет.

— Ну, я могу взять в «Инко» больничный, — сказал Рубен. — Прелесть должности штатного медика в том, что ты его выписываешь себе сам. Мне правда нравится у них работать.

— Мне тоже нечего делать, — сказала Луиза, — пока из обсерватории откачивают воду.

Рубен почувствовал, как его сердце забилось чаще. Чёрт, он всё ещё в деле! Хотя Луиза наверняка хочет отправиться с ними из научного интереса к Понтеру. Однако в любом случае будет очень приятно провести время в её обществе. Её акцент был неотразимо сексуален.

— А что если власти снова попытаются его увезти? — спросил Рубен.

— Он здесь всего сутки, — сказала Луиза, — и я уверена, что в Оттаве его ещё никто не восприни-

мает всерьёз. Просто ещё одна безумная история, каких полно в «Нэшнл Инквайрер». Федеральные агенты и военные не выезжают проверять каждое сообщение о залётном НЛО. Наверняка они ещё даже не начали думать, что всё это может оказаться правдой.

* * *

Запахи и правда отвратительные, думал Понтер, глядя на Лу и Рубена. Они резко контрастировали друг с другом: он — темнокожий и совершенно лысый, она же ещё бледнее Понтера и с густыми каштановыми волосами, спадающими волнами на узкие плечи.

Понтер был по-прежнему напуган и растерян, но Хак нашёптывала успокаивающие слова к кохлеарный имплант каждый раз, как замечала, что жизненные показатели Понтера выбиваются из нормы. Понтер был уверен, что без помощи Хак уже давно сошёл бы с ума.

Так много произошло в такое короткое время! Только вчера он проснулся в своей постели рядом с Адекором, покормил собаку, пошёл на работу…

И вот он *здесь*, где бы это ни было. Хак была права: это должна быть Земля. Понтер полагал, что где-то в необъятных глубинах космоса суще-

ствуют другие пригодные для жизни планеты, но он вроде бы весил столько же, сколько и дома, и воздух был пригоден для дыхания… по крайней мере, в той же степени, в какой стряпня Адекора была пригодна для еды. В нём были скверные ароматы, запахи газов, запахи плодов, химические запахи, запахи, которые он вообще не мог классифицировать. Но приходилось признать, что этот воздух способен поддерживать в нём жизнь, и еда, которую ему дали, была, в основном, химически совместима с его пищеварительной системой.

Так что — Земля. И определённо не Земля в прошлом. На современной Земле, как он знал, есть слабо исследованные регионы, особенно в экваториальных областях, но, как указывала Хак, растительность была по большей части та же самая, что и в Салдаке, из чего следовало, что он вряд ли переместился на другой континент или в южное полушарие. И хотя было тепло, многие из деревьев, которые он видел, принадлежали к листопадным породам; он не мог находиться в тропиках.

Значит, будущее? Вряд ли. Если бы человечество по какой-то непостижимой причине перестало существовать, то его место занял бы

кто угодно, но только не глексены. Глексены *вымерли*; шансов появиться снова у них было не больше, чем у динозавров.

Но если это была не просто Земля; а то же самое место на Земле, где жил Понтер, то где же тогда огромные стаи странствующих голубей? Он не заметил ни одной с тех пор, как очутился здесь. Возможно, подумал Понтер, их разогнала ужасная вонь.

Но нет.

Нет.

Это было не будущее, но и не прошлое. Это было настоящее — параллельный мир, мир, где, непонятно как, вопреки своей врождённой тупости, глексены не исчезли с лица Земли.

* * *

— Понтер, — сказал Рубен.

Понтер посмотрел на него с каким-то отсутствующим выражением в глазах, словно оторвавшись от глубоких раздумий.

— Да? — сказал он.

— Понтер, мы увезём тебя в другое место. Я пока не знаю, куда. Но, в общем, для начала надо уехать отсюда. Ты… гммм… ты пока можешь пожить у меня.

Понтер склонил голову — без сомнения, слушал перевод Хак. Пару лицо приобретало растерянное выражение; вероятно, Хак не была уверена в переводе некоторых слов.

— Да, — ответил Понтер после паузы. — Да. Мы удаляться отсюда.

Рубен жестом предложил Понтеру идти вперёд.

— Открывать дверь, — с видимым удовольствием произнёс Понтер без помощи Хак; он потянул за ручку и открыл дверь палаты. — Проходыть дверь, — сказал он и подкрепил слова соответствующим действием. Потом подождал, пока выйдут Рубен и Луиза. — Закрывать дверь, — сказал он, и захлопнул её за собой. После этого широко улыбнулся, а когда он улыбался широко, его рот растягивался на добрый фут. — Понтер снаруже.

Глава 19

Следуя инструкциям доктора Сингха, Рубен Монтего, Луиза Бенуа и Понтер без приключений добрались до машины Рубена, которую он загнал в гараж для персонала. У Рубена был вишнёвый внедорожник; краска кое-где была оббита вылетающим из-под колёс гравием — основным покрытием дорог шахтного комплекса. Понтер залез на заднее сиденье и улёгся там, накрыв голову сегодняшней «Садбери Стар». Луиза, которая пришла в больницу пешком, села на переднее сиденье рядом с Рубеном. Она приняла приглашение Рубена поужинать у него дома вместе с Понтером; позже он отвезёт её домой.

Они отъехали от больницы под тихую музыку радиостанции CJMX, льющуюся из автомобильной аудиосистемы; Джери Холлиуэлл исполняла свою интерпретацию «It's Raining Men».

— Ну что, — сказал Рубен, взглянув на Луизу, — обратите меня в свою веру. Почему вы думаете, что Понтер из параллельной вселенной?

Луиза на мгновение поджала свои полные губы — Боже, подумал Рубен, до чего же она красива

— и спросила:

— Насколько вы разбираетесь в физике?

— Я? — удивился Рубен. — На уровне средней школы. О, я купил «Краткую историю времени», когда в Садбери приезжал Стивен Хокинг, но далеко в ней не продвинулся.

— Хорошо, — сказала Луиза, — тогда попробуем так. Если вы стреляете единственным фотоном в барьер с двумя вертикальными щелями, и на установленном за щелями листе фотобумаги видите интерференционную картину, значит, произошло что?

— Не знаю, — не покривив душой, ответил Рубен.

— Одна из интерпретаций такова: единственный фотон превратился в волну энергии, а когда волна ударяет в барьер со щелями, каждая щель порождает новый волновой фронт, так что мы получаем классическую интерференционную картину — гребни и провалы двух волн где-то усиливают друг друга, а где-то взаимно уничтожаются.

Её слова породили у Рубена какие-то смутные воспоминания.

— Понятно.

— Как я сказала, это лишь одна из интерпрета-

ций. Согласно другой вселенная в этот момент расщепляется, и на короткое время появляется две вселенные. В одной фотон — по-прежнему частица — проходит через левую щель, во второй — через правую. И поскольку не имеет никакого мыслимого значения, через какую щель фотон на самом деле прошёл в той или иной вселенной, две вселенные снова сливаются в одну, и интерференционная картина — то, что получается в результате.

Рубен кивнул; ему казалось, что данных обстоятельствах это единственная правильная реакция.

— Так вот, — продолжала Луиза, — у нас есть достаточная экспериментальная база для того, чтобы поверить в возможность существования параллельных вселенных — мы действительно видим интерференционную картину, посылая единственный фотон сквозь пару щелей. Но что, если две вселенные не сливаются в одну? Что если после расщепления они продолжают существовать независимо?

— Да? — сказал Рубен, пытаясь не упустить нить.

— Представьте себе вселенную, разделившуюся на две, скажем, десятки тысяч лет назад, тогда,

когда две ветви человечества ещё жили бок о бок: наши предки, кроманьонцы, — Рубен отметил, что она произнесла это название на французский манер[15], — и предки Понтера, древние неандертальцы. Я не знаю, как долго два вида сосуществовали, но…

— Со 100000 лет назад до примерно 27000 лет назад, — подсказал Рубен.

Луиза сделала удивлённое лицо; она явно не ожидала от Рубена таких познаний.

Рубен пожал плечами.

— К нам приехала генетик из Торонто, Мэри Воган. Она рассказала.

— Ах. Понятно. Так вот, в некоторый момент в прошлом, возможно, произошло разделение, после которого две вселенные продолжили расходиться. В одной доминировать стали наши предки. В другой вершины эволюции достигли неандертальцы, создав собственный язык и цивилизацию.

Рубен чувствовал, что у него начинает звенеть в голове.

---

[15] Примечания: 15

Название «кроманьонцы» французского происхождения (от пещеры Cro-Magnon в Дордони на юго-востоке Франции, где впервые были найдены их останки). Англоязычные североамериканцы обычно произносят его как «кромэгнон». *(Прим. перев.)*

— Но… но как тогда между двумя вселенными снова возникла связь?

— *Je ne sais pas,* — сказала Луиза, качая головой.

Они выехали из Садбери и покатили по просёлочной дороге к городку с весьма не соответствующим названием Лайвли[16], возле которого и располагалась шахта.

— Понтер, — сказал Рубен. — Думаю, уже можно встать; движения здесь почти нет.

Понтер не пошевелился.

Рубен понял, что выразился слишком замысловато.

— Понтер, вверх, — сказал он.

Он услышал шуршание газетных страниц и увидел, как массивная фигура Понтера появляется в зеркале заднего вида.

— Вверх, — подтвердил Понтер.

— Сегодня, — сказал Рубен, — останетесь в моём доме, понятно?

После паузы, в течение которой он, вероятно, выслушивал перевод, Понтер ответил:

— Да.

— Понтер нужен еда, — добавила Хак.

---

[16] Примечания: 16
Lively *(англ.)* — оживлённый. *(Прим. перев.)*

— Да, — сказал Рубен. — Да, скоро поедим.

Они продолжили путь к дому Рубена и прибыли туда минут через двадцать. Это был современный двухэтажный коттедж на участке в пару акров на самой границе Лайвли. Все вошли в дом; зрелище того, как Рубен отпирает входную дверь, а потом запирает её на засов и набрасывает цепочку, вызвало у Понтера неподдельный интерес.

Внутри Понтер улыбнулся.

— Прохладно, — сказал он с восторгом. Наличие у Рубена кондиционера явно обрадовало его.

— Ну, — сказал Рубен, улыбаясь Луизе и Понтеру, — добро пожаловать в моё скромное жилище. Устраивайтесь кто как хочет.

Луиза огляделась вокруг.

— Вы не женаты? — спросила она.

Рубен подумал о том, что могло побудить её задать такой вопрос. Возможно, она хотела узнать, свободен ли он — такая интерпретация нравилась ему больше всего. Вторая, более вероятная — она вдруг сообразила, что заехала в какую-то тьмутаракань с человеком, с которым едва знакома, и теперь находится с ним и неандертальцем в пустом доме. Возможна и третья, самая вероятная, осознал Рубен, оглядывая царящий в гостиной беспорядок — разбросанные повсюду

журналы, тарелку с засохшими остатками пиццы на кофейном столике — что он *очевидно* живёт один; никакая женщина не смирится с подобным бардаком.

— Нет, — сказал Рубен. — Был женат, но…

Луиза кивнула.

— У вас хороший вкус, — сказала она, оглядывая мебель: смешение карибского и канадского стилей, много тёмного полированного дерева.

— У жены, — сказал Рубен. — Я почти ничего не менял после развода.

— Ах, — сказала Луиза. — Вам помочь с ужином?

— Нет, я собирался просто зажарить несколько стейков. У меня мангал на заднем дворе.

— Я вегетарианка, — сказала Луиза.

— О. Ну, можно запечь какие-нибудь овощи… картошку?

— Это было бы здорово, — согласилась Луиза.

— Хорошо, — сказал Рубен. — Развлекайте Понтера. — И он пошёл в ванную вымыть руки.

Работая за столом на заднем дворе, Рубен смотрел, как между Луизой и Понтером разворачивается всё более оживлённая дискуссия. Вероятно, Хак изучила много новых слов, пока они ехали сюда. Наконец, когда стейки поджари-

лись, Рубен постучал в стекло, чтобы привлечь их внимание, и жестом позвал их на двор.

— Доктор Монтего, — радостно заявила Луиза, выйдя из дома, — Понтер — физик!

— Неужели? — ответил Рубен.

— Да! Совершенно точно. Я пока не смогла уточнить детали, но он определённо физик; я думаю, даже *квантовый* физик.

— Как вы это определили?

— Он сказал, что думает о том, как вещи работают, и я сказала, думая, что он инженер: он имеет в виду большие вещи? Но он сказал, нет-нет, маленькие, такие маленькие, что не видно. И я нарисовала несколько диаграмм из базового курса физики, и он их узнал, и сказал, что он этим и занимался.

Рубен взглянул на Понтера с ещё бóльшим восхищением. Из-за покатого лба и выступающего надбровного валика он выглядел, скажем так, малость туповатым, но — физик! Учёный!

— Интересно-интересно, — сказал Рубен. Он жестом пригласил всех рассаживаться вокруг круглого стола с зонтиком, потом разложил стейки и завёрнутые в алюминиевую фольгу печёные овощи по тарелкам и расставил их на столе.

Понтер улыбнулся своей широченной улыбкой.

Это, без сомнения, была настоящая еда для него. Но он снова начал оглядываться, точно так же, как утром за завтраком, словно не мог чего-то найти.

Рубен ножом отрезал кусочек от своего стейка и поднёс его ко рту.

Понтер неуклюже попытался повторить его действия, хотя отхватил кусок гораздо крупнее.

После того, как Понтер закончил жевать, он начал издавать какие-то звуки, похожие на слова его речи. Следом послышался мужской голос, которого Рубен раньше не слышал.

— Хорошо, — сказал голос. — Хорошая еда. — Голос, по-видимому, исходил из импланта Понтера.

Рубен удивлённо вскинул брови, и Луиза объяснила:

— Разговаривая с ним, я постоянно путалась, пытаясь отделить то, что имплант говорит сам по себе от его перевода речи Понтера. Теперь он говорит мужским голосом, когда переводит слова Понтера, и женским, когда говорит сам по себе.

— Так проще, — подтвердила Хак привычным женским голосом.

— Да, — согласился Рубен, — определённо.

Луиза осторожно развернула фольгу, в которую

были завёрнуты овощи; у неё были удивительно длинные пальцы.

— Ладно, — сказала она, — посмотрим, что ещё удастся узнать.

Весь следующий час Рубен и Луиза разговаривали с Понтером и Хак. Потом налетели тучи комаров. Рубен зажёг цитронелловую свечу, но от её запаха Понтеру стало плохо. Рубен загасил свечу, и все вернулись обратно в гостиную; Понтер устроился на большом шезлонге, Луиза — на одном краю дивана, поджав под себя ноги, Рубен сел на другом.

Они проговорили ещё три часа, по кусочкам собирая общую картину произошедшего. И когда она, наконец, была собрана вся, Рубен устало откинулся на спинку дивана в абсолютном изумлении.

Глава 20

День третий

Воскресенье, 4 августа

148/118/26

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Сегодня утром пришло сообщение из Садбери, Канада, о том, что количество предложений руки и сердца неандертальскому гостю превысило количество смертельных угроз в его адрес в пропорции два к одному. Двадцать восемь женщин прислали письма или электронные сообщения для неандертальца в нашу газету с предложением вступить в брак, в то время как полиция Садбери и федералы зарегистрировали лишь тринадцать угроз убить его…

Опрос «USA Today»:

• Считают, что так называемый неан-

дерталец — фальшивка: **54%**.

• Считают, что он действительно неандерталец, но происходит откуда-то с Земли: **26%**.

• Считают, что он прибыл из космоса: **11%**.

• Считают, что он явился из параллельного мира: **9%**.

Сегодня полиция обезвредила бомбу, заложенную у входа в подъёмник, ведущий в пещеру, где находится Нейтринная обсерватория Садбери, в которой впервые появился так называемый неандерталец…

Религиозная секта в Батон-Руж, Луизиана, приветствует прибытие неандертальца в Канаду как второе пришествие Христа. «Разумеется, он выглядит как древний человек, — заявил преподобный Хули Гордуэлл. — Мир был создан 6000 лет назад, и с первого явления в него Христа прошла целая треть этого срока. Мы значительно изменились, вероятно, вследствие лучшего питания, но он — нет». Община планирует совершить

паломничество в Садбери, Онтарио, где неандерталец проживает в настоящий момент.

На следующее утро, встав очень рано и предприняв меры предосторожности, чтобы не быть опознанными по дороге, Понтер и доктор Монтего встретились с Мэри в лаборатории в Лаврентийском университете. Настало время провести анализ ДНК Понтера, ответить на главный вопрос.

Секвенирование 379 нуклеотидов — кропотливая работа. Мэри сидела, сгорбившись, над молочно-белой пластмассовой панелью, подсвеченной снизу флуоресцентными трубками. Она поместила на стол плёнку радиоавтограммы и маркером выписывала на ней буквы генетического алфавита для искомой последовательности: Г-Ц-Ц — один из триплетов, кодирующих аминокислоту глицин; Т-А-Т, кодирует тирозин; А-Т-А — специализированный метонин митохондриальной, но не ядерной, ДНК; А-А-А — рецептор лизина…

Наконец, всё было готов: все 379 оснований контрольного участка генома Понтера были идентифицированы. У Мэри на ноутбуке была небольшая программка сравнения ДНК. Она

ввела в неё все 379 букв, которые только что выписала ни плёнке, потом попросила Рубена сделать это заново, чтобы убедиться, что она всё ввела верно.

Компьютер немедленно сообщил о трёх различиях между последовательностями, введёнными Мэри и Рубеном, заметив — программа была довольно продвинутая — сдвиг рамки считывания, вызванный тем, что Мэри в одном месте пропустила Т; остальные две ошибки были опечатками Рубена. Убедившись, что все 379 букв введены правильно, она запустила сравнение последовательности Понтера с той, которую она извлекла из типового экземпляра[17] неандертальца в *Rheinisches Landesmuseum.*

— Ну? — спросил Рубен. — Каков вердикт?

Мэри, потрясённая, откинулась на спинку стула.

— ДНК, которую я взяла у Понтера, — сказала она, — в семи местах отличается от ископаемой ДНК. — Она подняла руку. — Нет, конечно, надо ожидать индивидуальных вариаций, да и гене-

---

[17] Примечания: 17

Типовой экземпляр — в биологической систематике — конкретный экземпляр живого организма, с которым формально связывается название вида или подвида. В палеонтологии это, как правило, ископаемая находка, послуживший основанием для выделения нового вида, демонстрирующая типичные характеристики этого вида. *(Прим. перев.)*

тического дрейфа за прошедшее время, но…

— Да? — сказал Рубен.

Мэри подала плечами.

— Но он определённо неандерталец.

— Вау, — сказал Рубен, глядя на Понтера, словно увидел его впервые. — Вау. Живой неандерталец.

Понтер что-то сказал на своём языке, и имплант перевёл:

— Мой народ нет?

— Здесь? — уточнила Мэри. — Да, здесь таких, как вы, больше нет — уже около 27000 лет.

Понтер склонил голову, обдумывая услышанное.

Мэри тоже задумалась. До появления Понтера ближайшими ныне живущими родственниками Homo sapiens были два представителя рода Pan: шимпанзе и бонобо. И те, и другие состояли примерно в одинаковом родстве с людьми, имея с ними 98,5% общей ДНК. Изучение ДНК Понтера только началось, но она должна совпадать с человеческой где-то на 99,5%.

И эти вот полпроцента отвечали за все различия. Если Понтер был типичным представителем своего вида, то объём черепа у неандертальцев, вероятно, немного превышал человеческий. Он был более мускулист, чем практически любой,

кого Мэри когда-либо видела: рука у него толще, чем у большинства людей бедро. Плюс, его глаза были невероятного золотисто-коричневого цвета. Интересно, у них у всех такие, или цвет глаз варьируется так же, как у людей?

Он также был довольно волосат, но это не так уж бросалось в глаза из-за светлого цвета волос. Его предплечья и, как она полагала, спину и грудь покрывала густая поросль. Также у него была борода, а на голове волосы разделялись ровно посередине и спадали по бокам.

И тут её осенило: она уже видела подобное устройство волос на голове. У бонобо, тех подвижных обезьян, которых иногда называют карликовыми шимпанзе, волосы на голове росли именно таким манером. Удивительно. Интересно, это природная особенность его вида, или просто избранный им стиль причёски?

Понтер снова что-то сказал на своём языке, глухим голосом, словно сам себе, но имплант перевёл его слова.

— Мой народ больше нет.

— Да. Мне очень жаль, — сочувственно сказала Мэри.

С губ Понтера опять сорвались звуки его языка, и его компаньон произнёс:

— Я… нет больше. Я… все. — Он покачал головой и сказал что-то ещё. Компаньон переключился на женский голос, говоря от своего имени. — Не хватает слов перевести что Понтер говорит. — Вместо «и» в её речи по-прежнему звучало что-то среднее между «е» и «ы».

Мери печально кивнула.

— Вы ищете слово «одинок», — подсказала она.

* * *

Доосларм бадасларм Адекора Халда проводился в здании Серого Совета, на периферии Центра. Мужчины могли туда попасть, не углубляясь в женскую территорию; женщины технически находились там на своей земле. Адекор не мог сказать, как проведение предварительного слушание во время Последних Пяти влияет на его шансы, но поколение арбитра, женщины по имени Комел Сард, он на глаз определил как 142-е, так что менопаузу она уже наверняка давно миновала.

Слово имела Даклар Болбай, обвинитель Адекора. Вентиляторы гнали воздух от северной стены помещения к южной, у которой сидела арбитр Сард, следя за разворачивающимся перед ней действием с бесстрастным выражением на

изрезанном морщинами лице. Вентиляторы служили двоякой цели: они несли к ней феромоны обвиняемого, которые иной раз говорили красноречивее слов, и не давали обвиняемому или обвинителю, расположившимся у северной стены, учуять её собственные феромоны и таком образом определить, какие аргументы производят на неё большее впечатление.

Адекор много раз виделся с Класт и поддерживал с ней хорошие отношения — в конце концов, это была партнёрша Понтера. Но в Болбай, партнёрше Класт, похоже, не было ни грамма её теплоты и доброго нрава.

Болбай была одета в тёмно-оранжевые штаны и тёмно-оранжевую блузку; оранжевый всегда был цветом обвинения. Адекор, в свою очередь, был одет в синее, цвет обвиняемого. Сотни зрителей, примерно поровну мужчин и женщин, собрались на другой половине помещения; *доосларм бадасларм* по делу об убийстве явно считался событием незаурядным. Жасмель Кет была здесь, и её сестра Мегамег Бек. Партнёрша Адекора Лурт присутствовала тоже; она крепко обняла его, как только пришла. Рядом с ней сидел сын Адекора Даб, того же возраста, как и малышка Мегамег.

И конечно же, присутствовали почти все сал-

дакские эксгибиционисты; в данный момент нигде не происходило ничего интереснее этих слушаний. Несмотря на своё незавидное положение Адекор был обрадован, увидев Хавста во плоти — его трансляции он смотрел большую часть жизни. Он также узнал Луласма, любимца Понтера, и Гаулта, и Талока, и Репета, и пару других. Эксгибиционистов было легко заметить: они были обязаны носить серебристые одежды как знак общедоступности того, что транслирует их компаньон.

Адекор сидел на табурете; вокруг него было много свободного места, что позволяло Болбай во время своей речи ходить вокруг него кругами, что она и делала, демонстрируя явную склонность к театральным эффектам.

— Так скажите нам, учёный Халд, чем закончился ваш эксперимент? Удалось ли вам факторизовать ваше число?

Адекор покачал головой.

— Нет.

— То есть, подземное расположение не помогло, — сказала Болбай. — Чьей идеей было проводить эксперименты с факторизацией под землёй? — Её голос был низковат для женщины — глубокий и раскатистый.

— Понтер и я приняли это решение совместно.

— Да, да, но кто первым предложил эту идею? Вы или учёный Боддет?

— Я не уверен.

— Это были вы, не так ли?

Адекор пожал плечами.

— Это мог быть я.

Болбай встала перед ним; Адекор демонстративно не следил за ней взглядом во время её передвижений.

— А теперь, учёный Халд, расскажите нам, почему вы выбрали это место?

— Я не говорил, что выбрал его. Я сказал, что я *мог* это сделать.

— Хорошо. Тогда скажите, почему для вашей работы было выбрано именно это место.

Адекор нахмурился, прикидывая, насколько глубоко стоит вдаваться в детали.

— Землю, — сказал он, — непрерывно бомбардируют космические лучи.

— Что это такое?

— Ионизирующее излучение, приходящее из космического пространства. Поток фотонов, ядер гелия и других ядер. Когда они сталкиваются с ядрами атомов в нашей атмосфере, они порождают вторичное излучение — в основном, пионы,

мюоны, электроны и *дутар*-лучи.

— Они опасны?

— Нет; во всяком случае, в количествах, производимых космическими лучами. Но они влияют на чувствительные инструменты, поэтому мы хотели поместить наше оборудование в место, экранированное от космических лучей. А Дебральская никелевая шахта расположена поблизости.

— Вы могли разместиться в каком-либо другом месте?

— Полагаю, могли. Но Дебральская шахта уникальна не только глубиной, хоть это и самая глубокая шахта в мире, но и чрезвычайно низкой собственной радиоактивностью окружающих горных пород. Уран и другие радиоактивные элементы, присутствующие в других шахтах, испускают заряженные частицы, которые могут повредить наши инструменты.

— Так что внизу вы были надёжно экранированы от всего?

— Да; от всего, кроме, я полагаю, нейтрино. — Адекор уловил изменение выражения лица арбитра. — Крошечных частиц, которые беспрепятственно пролетают сквозь твёрдые тела; против них не может быть защиты.

— Не были ли вы экранированы от кое-чего ещё в вашей шахте? — спросила Болбай.

— Я не понимаю вопроса, — сказал Адекор.

— Тысячи саженей скалы между вами и поверхностью. Никакое излучение не в силах до вас добраться — даже космические лучи не в силах пронзить эту толщу.

— Именно так.

— И никакое излучение снизу не способно достигнуть поверхности с того места, где вы работали, не так ли?

— К чему вы ведёте?

— Я веду к тому, — сказала Болбай, — что сигналы ваших компаньонов — вашего и учёного Боддета — не доходят до поверхности, когда вы в шахте.

— Да, это так, хотя я даже не думал об этом до вчерашнего дня, когда мне на этот факт указал принудитель.

— Даже не думали? — с подчёркнутым скептицизмом переспросила Болбай. — С момента вашего рождения у вас есть персональный куб памяти в павильоне архива алиби, прилегающем к зданию Совета, в котором мы находимся. Он записывает всё, что вы делаете, каждое мгновение вашей жизни, передаваемое вашим компаньо-

ном. Каждое мгновение вашей жизни — кроме тех, что вы провели глубоко под поверхностью земли.

— Я не специалист в этих вопросах, — уклончиво ответил Адекор. — Я не слишком много знаю о том, как компаньон передаёт данные.

— Не надо, учёный Халд. Минуту назад вы развлекали нас историями про мюоны и пионы, а сейчас вы хотите нас убедить, не понимаете устройства обычного радио?

— Я не говорил, что не понимаю его, — ответил Адекор. — Я лишь сказал, что не задумывался над этой проблемой до того, как её озвучили.

Болбай снова оказалась у него за спиной.

— Никогда не задумывались о том, что, когда вы спуститесь под землю, то в архиве, впервые с момента вашего рождения, не окажется записей ваших действий?

— Послушайте, — сказал Адекор, обращаясь напрямую к арбитру, пока кружащая вокруг него Болбай снова не перекрыла ему вид. — У меня не было повода обратиться к своему архиву алиби в течение несчётных месяцев. Да, я был осведомлён о том, что обычно все мои действия записываются, но это было абстрактное знание, про которое не вспоминаешь каждый день.

— И всё же, — продолжала Болбай, — каждый день вашей жизни вы наслаждаетесь покоем и безопасностью, которые достигаются посредством именно этих записей. — Она посмотрела на арбитра. — Вы знаете, что ваши шансы стать жертвой ограбления, убийства или *ласагклата* во время одинокой ночной прогулки практически равны нулю, потому что такое преступление никак не может сойти с рук. Если вы обвините, скажем, меня, в том, что я напала на вас на площади Песлар, и вам удастся убедить арбитра, что ваши обвинения имеют под собой почву, арбитр прикажет вскрыть ваш или мой архив алиби за интересующий период и просмотреть запись, которая докажет мою невиновность. Тот факт, что преступление невозможно совершить, не оставив записи, позволяет нам всем жить спокойно.

Адекор молчал.

— Кроме случая, — продолжила Болбай, — когда преступник заманивает жертву в такое место — практически в единственное место — где невозможно сделать запись о происходящих там событиях.

— Это абсурдно, — сказал Адекор.

— Так ли? Шахта была выкопана задолго до появления первых компаньонов, и, разумеется,

мы уже давно используем для подземных работ роботов. Люди практически никогда не спускаются в шахту, вот почему мы никогда не пытались решить проблему отсутствия связи между компаньоном и павильоном архива алиби. Однако вы создали условия, которые требовали вашего с учёным Боддетом длительного пребывания в этом вашем подземном убежище.

— Мы никогда об этом не думали.

— Не думали? — переспросила Болбай. — Вам знакомо имя Кобаст Гант?

Сердце Адекора тяжело забу́хало, а во рту внезапно пересохло.

— Это исследователь в области искусственного интеллекта.

— Правильно. И он утверждает, что семь месяцев назад он модернизировал ваши с учёным Боддетом компаньоны, добавив продвинутые функции искусственного интеллекта.

— Да, — подтвердил Адекор. — Так и было.

— Зачем?

— Ну, э-э…

— Зачем?

— Потому что Понтеру не нравилось оставаться без доступа к планетарной информационной сети. В условиях, когда компаньоны не могут

выйти в сеть, ему хотелось, чтобы они имели своём распоряжении больше локальных вычислительных ресурсов и оставались способными помогать нам.

— И вы как-то забыли про это? — сказала Болбай.

— Как вы сами сказали, — резко ответил Адекор, — это было много месяцев назад. Я успел привыкнуть к более разговорчивому компаньону. В конце концов — я уверен, что Кобаст Гант это подтвердит — это были лишь прототипы его новых компаньонов с искусственным интеллектом, которые он собирается сделать доступными для всех желающих. Он ожидает, что люди найдут их более удобными, чем старые, даже если они никогда не оказываются отрезанными от сети, и что люди быстро к ним привыкнут и станут относиться к ним как к чему-то совершенно обычному, так же, как к старым, неинтеллектуальным компаньонам. — Адекор сложил руки на коленях. — По крайней мере, я привык к своему очень быстро, и, как я уже и сказал, уже не думал о нём и о том, зачем они нам изначально понадобились… но погодите. Погодите!

— Да? — сказала Болбай.

Адекор обратился непосредственно к арбитру

Сард:

— Мой компаньон может рассказать, что произошло в тот день.

Арбитр наградила Адекора тяжёлым взглядом.

— Каков ваш вклад, учёный Халд?

— Мой? Я физик.

— И компьютерный программист, не так ли? — сказала арбитр. — Ведь правда же, вы и учёный Боддет работали с очень сложными компьютерами.

— Да, но…

— Поэтому, — продолжила арбитр, — я не думаю, что мы можем доверять чему-либо из того, что скажет ваш компаньон. Для специалиста вашего уровня перепрограммировать его так, чтобы он сказал то, что вам нужно — достаточно тривиальная задача.

— Но я…

— Спасибо, арбитр Сард, — сказала Болбай. — Теперь расскажите нам, учёный Халд, сколько людей обычно задействовано в научном эксперименте?

— Бессмысленный вопрос, — ответил Адекор. — Какие-то проекты выполняются в одиночку, другие…

— … а в других участвуют десятки исследовате-

лей, не так ли?

— Да, иногда.

— Но в вашем эксперименте участвовало всего двое.

— Это не так, — сказал Адекор. — Ещё четверо помогали нам на разных стадиях проекта.

— Но ни один из них не спускался к вам шахту. Под землёй работали только вы двое — Понтер Боддет и Адекор Халд, не так ли?

Адекор кивнул.

— И только вы вернулись на поверхность.

Адекор промолчал.

— Это так, учёный Халд? Только вы вернулись на поверхность?

— Да, — сказал он, — но, как я объяснял, учёный Боддет исчез.

— Исчез, — сказала Болбай, словно никогда раньше не слышала этого слова, словно пыталась постичь его значение. — Вы имеете в виду, что он пропал?

— Да.

— Растворился в воздухе.

— Именно так.

— Но мы не знаем ни об одном случае подобных исчезновений.

Адекор слегка качнул головой. Почему Болбай

преследует его? Он никогда с ней не ругался, и даже представить не мог, чтобы Понтер представлял его ей в невыгодном свете. Что ею двигало?

— Вы не нашли тела, — вызывающе заявил Адекор. — Вы не нашли тела, потому что тела *не было*.

— Это ваша позиция, учёный Адекор. Однако в тысячах саженей под землёй вы могли избавиться от тела множеством способов: поместить его в герметично закупоренный контейнер, чтобы предотвратить распространение запаха, а потом сбросить в какую-нибудь трещину, обрушить на него непрочную кровлю, перемолоть проходческой машиной. Шахтный комплекс огромен, десятки тысяч шагов туннелей и штолен. Вы могли избавиться от тела где угодно.

— *Но я этого не делал.*

— Вы так говорите.

— Да, — сказал Адекор, усилием воли возвращая голосу спокойствие, — я так говорю.

* * *

Вчера вечером у Рубена дома Луиза и Понтер пытались придумать эксперимент, который доказал бы правоту утверждений Понтера о том, что он явился из параллельного мира.

Химический анализ волокон его одежды мог помочь. По словам Понтера, они были синтетическими, и предположительно отличались от всех известных полимеров. Точно так же, некоторые компоненты странного импланта-компаньона наверняка окажутся неизвестными современной науке.

Дантист мог бы доказать, что Понтер никогда не пил фторированной воды. Возможно, он даже доказал бы, что Понтер жил в мире без ядерного оружия, диоксинов или двигателей внутреннего сгорания.

Однако, как указал Рубен, всё это демонстрировало лишь то, что Понтер происходит не с этой Земли, но не доказывало, что он явился с *другой* Земли. В конце концов, он мог быть просто инопланетянином.

Луиза доказывала, что инопланетная форма жизни никак не может настолько точно походить на случайный продукт эволюции на нашей планете, но согласилась, что для многих идея о пришельце с другой планеты окажется более приемлемой, чем идея параллельных миров — на что Рубен сказал что-то насчёт Киры Нэрис,

которая выглядит лучше в коже[18].

Наконец, подходящий тест предложил сам Понтер. Его имплант, сказал он, содержит полный комплект карт никелевой шахты, предположительно расположенной поблизости от этого места на его версии Земли; в конце концов, лаборатория, в которой работал он, тоже располагалась в шахте. Разумеется, основная часть рудной залежи была найдена и его народом, и персоналом «Инко», но, сравнивая свои карты с картами на сайте «Инко», имплант идентифицировал место, содержащее, по его словам, богатую залежь меди, которая ускользнула от внимания «Инко». Если залежь существует, то о ней может знать лишь пришелец из параллельного мира.

И вот теперь Понтер Боддет — они теперь знали его полное имя — Луиза Бенуа, Бонни Джин Ма, Рубен Монтего и женщина, которую Луиза увидела впервые, генетик Мэри Воган, стояли посреди густого леса в 372 метрах от принадлежащего нейтринной обсерватории здания. С ними были двое

---

[18] Примечания: 18

Кира Нэрис — персонаж телесериала «Звёздный путь: Глубокий космос 9». В сериале фигурирует параллельная реальность, так называемая Зеркальная вселенная, в которой существуют аналоги большинства персонажей сериала. История Зеркальной вселенной развивается по более воинственному и жестокому сценарию, и здешняя униформа отличается большей откровенностью и «брутальностью» с преобладанием кожи, латекса, ремней и обтягивающих штанов. *(Прим. перев.)*

геологов «Инко» с разведывательной буровой установкой. Один из них настаивал, что Понтер не прав и меди в этом месте быть не может.

Следуя указаниям Хак, они пробурили скважину глубиной 9,3 метра и вытащили наружу керн. Луиза испытала огромное облегчение, когда бур с алмазной головкой, наконец, остановился; от его визга у неё заболела голова.

Упакованный керн сообща отнесли на парковку, где было больше места, и там сняли с него непрозрачную мембрану. На вершине керна, разумеется, была почва, под ней — ледниковый тиль, состоящий из глины, гравия и гальки. Под ним, сказал один из геологов, была докембрийская норитовая скала.

А под ней, в точности на указанной Хак глубине, обнаружилась…

Луиза в восхищении захлопала в ладоши. Рубен Монтего улыбался от уха до уха. Сомневающиеся геологи что-то бормотали под нос. Профессор Ма поражённо качала головой. А генетик, доктор Воган, смотрела на Понтера широко раскрытыми глазами.

Она была в точности там, где было предсказано: самородная медь, перекрученная и пузыристая, тусклая, но несомненно металлическая.

Луиза улыбнулась Понтеру, думая о зелёном, незагаженном мире, который он описывал вчера вечером.

— Манна небесная, — тихо сказала она.

Профессор Ма подошла к Понтеру и взяла его гигантскую ладонь обеими руками.

— Никогда бы не поверила, — сказала она, — но добро пожаловать на нашу версию Земли.

Глава 21

Все, кроме геологов, снова собрались в конференц-зале шахты «Крейгтон»: Мэри Воган, генетик из Торонто, Рубен Монтего, врач компании «Инко», Луиза Бенуа, сотрудница Нейтринной обсерватории Садбери, присутствовавшая при разрушении детектора, Бонни Джин Ма, директор обсерватории, и, самое главное, Понтер Боддет, физик из параллельного мира, единственный живой неандерталец, которого видела Земля за последние 27000 лет.

Мэри села рядом с Бонни Джин Ма, единственной женщиной в зале, возле которой было свободное место. Слово взял Рубен Монтего.

— Вопрос, — сказал он со своим ямайским акцентом, который Мэри находила восхитительным. — Почему мы ведём горные работы на этом месте?

Мэри не имела ни малейшего понятия, а те, кто наверняка знал, выглядели не расположенными к игре в угадайку, но в конце концов Бонни Джин всё же ответила:

— Потому что 1,8 миллиардов лет назад, — ска-

зала она, — здесь упал астероид, создав огромную залежь никеля.

— Именно, — сказал Рубен. — Событие, имевшее место задолго до возникновения на Земле многоклеточной жизни, часть общего прошлого нашего мира и мира Понтера Боддета. — Он оглядел обращённые к нему лица, и его взгляд остановился на Мэри. — Мы не выбирали место для постройки шахты, — сказал Рубен, — мы построили её там, где была руда. А что насчёт нейтринной обсерватории? Почему *она* была построена здесь?

— Потому что, — ответила Ма, — два километра скальной породы над шахтой прекрасно защищают от космических лучей, делая её идеальным местом для размещения нейтринного детектора.

— Но дело ведь не только в этом, мэм? — сказал Рубен, который, как предположила Мэри, стал настоящим экспертом в области нейтринной физики благодаря разговорам с Луизой. — На этой планете есть и другие глубокие шахты. Но в этой ещё и необычайно низкий уровень фоновой радиации, не так ли? Это место — наилучшее для размещения инструментов, чувствительные к воздействию фоновой радиации.

Мэри рассуждения Рубена показались здравы-

ми, и она заметила, как профессор Ма кивнула. Но потом всё же добавила:

— И что из этого следует?

— А то, — сказал Рубен, — что во вселенной Понтера на этом самом месте тоже существует глубокая шахта для разработки той же самой залежи никеля. И в один прекрасный момент он сам осознал ценность этого места и убедил своё правительство устроить глубоко под землёй лабораторию физических исследований.

— То есть он уверяет, что в другой вселенной на этом самом месте тоже существует нейтринный детектор? — спросила Ма.

Рубен покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Не совсем. Вспомните: на выбор места для нейтринной обсерватории повлияла историческая случайность: тот факт, что в канадских ядерных реакторах, в отличие от американских, британских, японских или русских, в качестве замедлителя используется тяжёлая вода. Это обстоятельство отсутствовало в мире Понтера — там, похоже, ядерной энергией вообще не пользуются. Но это место также идеально подходит для размещения другого типа физических инструментов. Он замолчал, снова оглядел присутствующих, и сказал:

— Понтер, где вы работаете?

— *Дусбле корбул то калбтаду,* — ответил Понтер, и имплант перевёл его слова мужским голосом: — В лаборатории квантовых вычислений.

— Квантовых вычислений? — повторила Мэри, чувствуя неловкость; она не привыкла оказываться самой невежественной в компании.

— Именно так, — сказал Рубен. — Доктор Бенуа?

Луиза поднялась и кивнула Рубену.

— Квантовые вычисления — это область, в которой мы лишь начинаем делать первые шаги, — сказала она, убирая с глаз прядь волос. — Обычный компьютер определяет делители некоторого числа, деля его сначала на один предполагаемый делитель, потом на другой, потом на третий — перебирая их все. Но если использовать обычный компьютер для нахождения делителей реально больших чисел — например 512-значных, которые используются для шифрования транзакций по кредитным карточкам в Интернете — то на перебор и проверку всех возможных делителей могут уйти столетия.

Она тоже оглядела обращённые к ней лица, убеждаясь, что никто не потерял нить её мысли.

— Но квантовый компьютер использует супер-

позицию квантовых состояний для проверки нескольких делителей одновременно, — сказала Луиза. — Это значит, что от нашей вселенной отделяются её короткоживущие идентичные копии специально с целью выполнения квантового вычисления, которые по его завершению — то есть практически тут же — снова сливаются в одну, поскольку они различаются только проверяемым делителем, в остальном же абсолютно идентичны. Таким образом за время, достаточное для проверки одного делителя они фактически проверяются все разом, и мы получаем решение прежде неразрешимой задачи. — Она сделала паузу. — По крайней мере, так мы до сих пор представляли себе природу квантовых вычислений — что они основаны на одномоментной суперпозиции квантовых состояний, то есть, фактически, на создании набора вселенных

Мэри кивнула, пытаясь осознать услышанное.

— Но представьте себе, что всё происходит немного не так, — сказала Луиза. — Представьте, что вместо создания на долю секунды новой вселенной квантовый компьютер обращается к *уже существующим* параллельным вселенным — другим версиям реальности, в которых квантовый компьютер также существует.

— Для этого предположения нет теоретических оснований, — сказала Бонни Джин немного раздражённо. — И, кроме того, на этом месте нет квантового компьютера в нашей вселенной, единственной, в существовании которой мы можем быть уверены.

— Именно! — воскликнула Луиза. — Моё предположение таково. Доктор Боддет и его коллега пытались факторизовать число настолько большое, что для одновременной проверки всех возможных делителей потребовалось больше копий квантового компьютера, чем их есть в уже существующих независимых долгоживущих вселенных. Понимаете? Он обратился к тысячам и миллионам существующих параллельных вселенных. В каждой из них квантовый компьютер нашёл копию себя, и каждая из них выполнила проверку своего делителя. Правильно? Но что, если вы факторизуете огромное число, гигантское число, число с большим количеством потенциальных делителей, чем количество параллельных вселенных, в которых существует квантовый компьютер? Что тогда? Так вот, я думаю, что случилось следующее: доктор Боддет с партнёром факторизовали гигантское число, квантовый компьютер обратился к своим со-

братьям во всех и каждой из вселенных, где он существует, но ему нужно было больше копий себя, так что он стал их искать в *других* параллельных вселенных, включая те, в которых квантовый компьютер никогда не был построен — такие, как *наш* мир. И как только он обратился к одной из таких вселенных, это было как удар о стену — факторизация тут же прекратилась. И в результате этого удара существенная часть вычислительной установки Понтера оказалась перемещённой в нашу вселенную.

Мэри снова заметила, что доктор Ма кивает.

— Воздух, вместе с которым появился Понтер.

— Точно, — сказала Луиза. — Как мы и думали, в нашу вселенную переместился в основном воздух — достаточно воздуха, чтобы взломать акриловую сферу изнутри. Но вместе с воздухом оказался захвачен человек, который оказался внутри установки квантовых вычислений.

— То есть, он не знал, что происходит, когда попал сюда? — спросила Ма.

— Нет, — сказал Рубен Монтего. — Он ничего не понимал. Если вам кажется, что мы были в шоке, подумайте о том, как ошалел он. Бедолага обнаружил, что оказался в воде в полной темноте. Если бы с ним не было здорового пузыря воздуха, он

бы точно утонул.

Весь твой мир вдруг вывернулся наизнанку, — подумала Мэри. Она посмотрела на неандертальца. Конечно, он старался скрыть растерянность и страх, которые, должно быть, испытывал, но перенесённый им шок был вне всякого сомнения огромен.

Мэри сочувственно улыбнулась ему.

Глава 22

Доосларм бадасларм Адекора Халда шёл своим чередом. Арбитр Сард сидела на южном краю зала, Адекор сидел пришпиленный к своему табурету обвиняемого, а Даклар Болбай ходила вокруг него кругами.

— Действительно ли было совершено преступление? — сказала Болбай, обращаясь в этот раз к арбитру Сард. — Труп не был найден, так что можно бы было утверждать, что это дело о пропавшем без вести, как бы абсурдно ни звучало это в наши дни. Но мы обыскали шахту с портативными детекторами сигналов, так что мы знаем, что компаньон Понтера ничего не передаёт. Если бы он был ранен, компаньон бы передавал. Даже если бы он погиб от естественных причин, компаньон работал бы от батарей ещё несколько дней после того, как биохимические процессы в теле Понтера прекратились. Ничто, кроме насильственных действий не может объяснить исчезновение Понтера и молчание его компаньона.

Адекор чувствовал, что его желудок начинает заворачиваться узлом. Рассуждения Болбай

логичны: конструкция компаньонов проста и надёжна. Когда их ещё не было, случалось, что люди пропадали, и их объявляли мёртвыми лишь через много месяцев, часто просто из-за отсутствия лучшего объяснения. Но Лонвес Троб обещал, что его компаньоны всё изменят, и так и случилось. Никто больше не пропадает без вести.

Арбитр Сард, очевидно, была удовлетворена аргументацией Болбай.

— Я согласна, — объявила она, — что отсутствие одновременно и тела, и сигналов компаньона заставляет предположить преступное деяние. Давайте двигаться дальше.

— Очень хорошо, — сказала Болбай. Она коротко взглянула на Адекора, потом снова повернулась к арбитру. — Убийства, — сказала она, — никогда не были часты. Оборвать жизнь другого, полностью и невозвратно прекратить чьё-то существование — деяние гнусное и ни с чем не сравнимое. И всё же подобные случаи известны; большинство, разумеется, из эпохи до компаньонов и архивов алиби. И в те времена трибунал обычно просил показать три вещи для подкрепления обвинения в убийстве.

Во-первых, возможность совершить преступление — и таковой у Адекора Халда было больше,

чем у кого-либо другого на планете, поскольку он находился в условиях, когда его компаньон был не способен вести передачу.

Во-вторых — метод, способ, которым преступление было совершено. В отсутствие тела мы можем лишь строить догадки о том, как могло быть осуществлено убийство, хотя, как вы увидите позднее, один способ более вероятен, чем другие.

И, наконец, нужно показать причину, мотив преступления, что-то, побудившее преступника совершить столь ужасное и необратимое действие. Арбитр, я собираюсь исследовать вопрос о мотиве Адекора Халда.

Сард кивнула.

— Я слушаю.

Болбай резко обернулась к Адекору.

— Вы и Понтер Боддет жили вместе, не так ли?

Адекор кивнул.

— В течение семи декамесяцев.

— Вы любили его?

— Да. Очень любил.

— Но его партнёрша недавно умерла.

— Она была и вашей партнёршей, — сказал Адекор, воспользовавшись возможностью подчеркнуть конфликт интересов Болбай.

Однако Болбай оказалась к этому готова.

— Да. Класт, моя возлюбленная. Она ушла из жизни, и я глубоко скорблю по ней. Но я никого не виню; в этой смерти некого винить. Болезни случаются, и продлители жизни сделали всё, что в их силах, чтобы облегчить страдания её последних месяцев. Но в смерти Понтера Боддета *есть*, кого обвинять.

— Осторожно, Даклар Болбай, — сказала арбитр Сард. — Вы не доказали, что учёный Боддет мёртв. Пока я не вынесу решение по этому поводу, вы должны говорить о такой возможности лишь в предположительном ключе.

Болбай повернулась к Сард и поклонилась.

— Прошу прощения, арбитр. — Потом вернулась к Адекору. — Мы обсуждали другую смерть, смерть, которая вне всяких сомнений имела место: смерть Класт, партнёрши Понтера и моей. — Болбай прикрыла глаза. — Моё горе слишком велико, чтобы выразить его словами, и я не выставляю его ни перед кем напоказ. Горе Понтера, я уверена, было столь же велико. Класт часто говорила о нём; я хорошо знаю, как сильно она любила его, как сильно он любил её. — Болбай мгновение помолчала, вероятно, чтобы успокоиться. — Однако, принимая во внимание недавнюю трагедию, мы должны рассмотреть ещё одну

возможную причину исчезновения Понтера. Мог ли он покончить с жизнью, не выдержав горя разлуки с Класт? — Она посмотрела на Адекора. — Каково ваше мнение, учёный Халд?

— Он очень горевал по Класт, но Класт умерла уже довольно давно. Если бы Понтер собирался наложить на себя руки, я уверен, что заметил бы это.

Болбай важно кивнула.

— Не могу сказать, что знакома с учёным Понтером так же хорошо, как вы, учёный Халд, но я того же мнения. Однако, не могло ли у него быть какой-либо другой причины для самоубийства?

Адекора этот вопрос сбил с толку.

— Например?

— Ну, скажем, ваша работа… простите меня, конечно, учёный Халд, но я не могу выразить это мягче: ваш проект оказался полным провалом. Приближалась сессия Серого Совета, на которой обсуждался бы ваш вклад в общественное благосостояние. Мог ли он настолько бояться возможного прекращения проекта, чтобы наложить на себя руки?

— Нет, — ответил Адекор, потрясённый предположением. — Нет, на самом деле, если кто и выглядел бы плохо на совете, то, скорее, я, а не

он.

Болбай дала его комментарию повиснуть в воздухе, потом продолжила:

— Не будете ли любезны развить свою мысль?

— Понтер был теоретиком, — сказал Адекор. — Его теории не были ни доказаны, ни опровергнуты, так что с ними ещё работать и работать. Я же был инженером; это я должен был построить установку для проверки теоретических идей Понтера. И это моя установка — прототип квантового компьютера — отказалась работать. Совет мог признать мой вклад недостаточным, но совершенно точно не стал бы делать этого в случае с Понтером.

— Так что смерть Понтера никак не могла быть самоубийством, — сказала Болбай.

— Я снова напоминаю, — сказала Сард, — что вы обязаны говорить об учёном Боддете как если бы он был жив, пока я не решу иначе.

Болбай поклонилась арбитру.

— Я снова приношу свои извинения. — Потом повернулась к Адекору. — Если бы Понтер захотел убить себя, можно ли утверждать, что он не стал бы это делать способом, который навлёк бы подозрение на вас?

— Предположение, что он мог наложить на себя

руки, настолько немыслимое… — начал Адекор.

— Да, мы с этим согласны, — спокойно произнесла Болбай, — но, гипотетически, если бы он это сделал, он наверняка не выбрал бы способ, который вызвал бы подозрения в преступном деянии, вы согласны?

— Да, согласен, — ответил Адекор.

— Спасибо, — сказала Болбай. — Вернёмся теперь к затронутой вами теме о недостаточности вашего вклада.

Адекор поёрзал на табурете.

— Да?

— Я не хотела этого касаться, — сказала Болбай. Адекору показалось, что при этих словах от неё слегка повеяло ложью. — Но раз вы сами подняли этот вопрос, мы, наверное, должны немного углубиться в него — вы понимаете, просто чтобы кое-что прояснить.

Адекор ничего не ответил, и Болбай продолжила.

— Каково вам было, — мягко спросила она, — всё время жить с подветренной стороны от него?

— Э-э… простите?

— Ну, вы же сами сказали, что его вклад вряд ли подвергся бы сомнению, в отличие от вашего.

— На ближайшем заседании Совета — возмож-

но, — сказал Адекор. — Но в целом…

— В целом, — подхватила Болбай, вы должны признать, что в любом случае ваш вклад был лишь малой частью его вклада. Это так?

— Это относится к делу? — поинтересовалась арбитр Сард.

— Я уверена, что относится, арбитр, — ответила Болбай.

Сард явно сомневалась в этом, но кивком позволила Болбай продолжать.

— Вы ведь сами понимаете, учёный Халд, что в учебниках, по которым будут учиться ещё не родившиеся поколения, имя Понтера будет упоминаться часто, тогда как ваше — гораздо реже, если вообще попадёт в учебники.

Адекор чувствовал, как начинает частить его пульс.

— Я никогда не задумывался над такими вопросами, — ответил он.

— О, прошу вас! — сказала Болбай так, словно им обоим было прекрасно известно, какая это несусветная чушь. — Неравенство ваших вкладов было очевидно каждому.

— Я снова предупреждаю вас, Даклар Болбай, — сказал арбитр. — Я не вижу никаких причин унижать обвиняемого.

— Я лишь пытаюсь оценить его психическое состояние, — ответила Болбай, снова кланяясь. Не дожидаясь реакции Сард, Болбай повернулась к Адекору. — Итак, учёный Адекор, скажите нам: как вы относились к тому, что ваш вклад меньше, чем вклад вашего партнёра?

Адекор сделал глубокий вдох.

— Не моё дело оценивать, чей вклад больше, а чей — меньше.

— Конечно, нет, но разница между вашим и его настолько бросалась в глаза… — сказала Болбай, словно Адекор цеплялся к незначительной детали, отказываясь видеть общую картину. — Общеизвестно, что Понтер был талантлив. — Болбай снисходительно улыбнулась. — Ну так расскажите нам, как вы к этому относились.

— Я отношусь к этому сейчас, — сказал Адекор, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — совершенно так же, как относился до исчезновения Понтера. Единственное, что поменялось с тех пор, это то, что я невыразимо опечален потерей своего лучшего друга.

Болбай снова начала нарезать вокруг него круги. У табурета было крутящееся сиденье; Адекор мог поворачиваться вслед за ней, но решил этого не делать.

— Вашему лучшему другу? — переспросила Болбай, как будто это заявление её безмерно удивило. — Вашему лучшему другу, так? И как вы почтили память о нём, когда он исчез? Заявив, что в ваших с ним экспериментах главными были ваше оборудование и программы, а не его теоремы!

У Адекора от неожиданности отпала челюсть.

— Я… я такого не говорил. Я сказал эксгибиционистам, что могу давать комментарии только относительно оборудования и программ, потому что за них отвечал я.

— Именно! Вы принижаете роль Понтера в проекте с самого момента его исчезновения.

— Даклар Болбай, — громыхнула Сард. — Вы должны обращаться к учёному Халду со всем подобающим уважением.

— Уважением? — усмехнулась Болбай. — С таким же, с каким он говорит о Понтере с тех пор, как он исчез?

У Адекора закружилась голова.

— Мы можем обратиться к архиву алиби, моему или эксгибициониста, — сказал он и указал на Сард, как будто они были давними союзниками. — Арбитр может услышать в точности, что я говорил.

Болбай махнула рукой, отметая предложение, словно это был бред сумасшедшего.

— Не важно, какие именно слова вы произнесли; важно, какие чувства эти слова выражали. А вы чувствовали облегчение от того, что вашего давнего соперника наконец не стало…

— Нет, — выкрикнул Адекор.

— Делаю вам предупреждение, Даклар Болбай, — резко сказала Сард

— Облегчение от того, что вы вышли из его тени, — продолжала Болбай.

— Нет! — повторил Адекор, чувствуя, как в нём вскипает гнев.

— Облегчение, — продолжала Болбай, возвышая голос, — от того, что теперь вы сможете включить в свой вклад то, что было сделано совместно.

— Замолчите, Болбай! — каркнула Сард, громко хлопая ладонью по подлокотнику своего кресла.

— Облегчение, — Болбай почти кричала, — от того, что ваш соперник мёртв!

Адекор поднялся на ноги и повернулся к Болбай. Его рука сжалась в кулак и поднялась…

— *Учёный Халд!* — голос арбитра Сард был подобен грому.

Адекор замер. Его сердце бешено колотилось.

Болбай, как он заметил, предусмотрительно переместилась на подветренную сторону от него, так, чтобы вентиляторы не несли её феромоны в сторону Адекора. Он посмотрел на свой сжатый кулак — кулак, который мог расколоть череп Болбай одним тычком, одним хорошим ударом проломить грудную клетку и разорвать сердце. Он смотрел на него как на что-то инородное, не принадлежащее его телу. Адекор опустил руку, но в нём по-прежнему было столько гнева и негодования, что в течение нескольких тактов он не мог разжать пальцы. Он повернулся к арбитру.

— Я… — сказал он умоляющим тоном. — Арбитр, вы, конечно, понимаете… Я… Я не мог… — Он тряхнул головой. — Вы слышали, что она мне говорила. Я не мог… никто бы не смог…

Фиолетовые глаза арбитра Сард, взирающие на него, были широко раскрыты от изумления.

— Я никогда не видела ничего подобного, ни в зале суда, ни за его пределами, — сказала она. Учёный Халд, за что с вами такое?

Адекор всё ещё кипел от ярости. Болбай знает о той истории; наверняка знает. Она — партнёрша Класт, а Понтер и Класт в то время уже были вместе. Но… но… так из-за этого Болбай с таким рвением преследует его? В этом состоит её мотив?

Она не может не знать, что Понтер никогда не пожелал бы такого.

Адекор прошёл через длительное лечение по поводу своей проблемы с контролем гнева. Понтер, милый Понтер, посчитал это болезнью, химический дисбалансом, и — к чести это замечательного человека — был рядом с Адекором в течение всего курса лечения.

Но сегодня… сегодня Болбай вынудила его, спровоцировала, подвела его к краю у всех на глазах.

— Достойный арбитр, — сказал Адекор, пытаясь — пытаясь, *пытаясь!* — заставить свой голос звучать спокойно. Должен ли он всё объяснить? Мог ли? Адекор склонил голову. — Я прошу прощения за свой срыв.

В голосе арбитра Сард по-прежнему слышалось изумление.

— Даклар Болбай, у вас имеются ещё какие-либо улики, подкрепляющие обвинение?

Болбай, явно достигшая именно того эффекта, на который рассчитывала, снова превратилась в воплощение спокойствия и рассудительности.

— Если позволите, я хотела бы коснуться ещё одного небольшого аспекта…

Глава 23

По окончании собрания в конференц-зале «Инко» Рубен Монтего пригласил всех к себе домой на ещё одно барбекю. Понтер широко улыбался; ему явно понравился вчерашний ужин. Луиза также приняла приглашение, снова пояснив, что, поскольку обсерватория лежит в руинах, ей всё равно нечего делать. Согласилась и Мэри: барбекю — это весело, уж точно веселее, чем снова весь вечер пялиться в потолок гостиничного номера. Профессор Ма отказалась. Ей нужно было возвращаться в Оттаву, где на десять вечера была назначена встреча на Сассекс-драйв, 24 — она сегодня встречалась с премьер-министром.

Основной проблемой теперь было избавиться от журналистов, которые, по словам охраны «Инко», дежурили у главных ворот шахты «Крейгтон». Но Луиза с Рубеном быстро разработали план, который тут же и претворили в жизнь.

У Мэри была машина, которую «Инко» взяла для неё напрокат — красный «додж-неон». (Когда Мэри забирала её в прокатной конторе, она спросила, ездит ли машина на благородном газе;

клерк лишь непонимающе уставился на неё.)

Мэри оставила «неон» на парковке шахты, и уселась на пассажирское сиденье Луизиного чёрного «форд-эксплорера», украшенного сине-белым номерным знаком с номером «D2O», в котором Мэри спустя секунду опознала химическую формулу тяжёлой воды. Луиза достала из багажника одеяло — разумные водители и в Онтарио, и в Квебеке всегда возят с собой одеяло на случай, если зимой заглохнет мотор — и завернула Мэри в него.

Сначала Мэри было невыносимо жарко, но, к счастью, у Луизы в машине был кондиционер; немногие аспиранты могли себе это позволить, но Мэри подозревала, что Луиза с лёгкостью получает максимальные скидки и прочие бонусы.

Луиза подкатила по извилистой гравийной дорожке к выезду с шахты, и Мэри, в меру способностей, попыталась сделать вид, что под одеялом прячется что-то массивное и одушевлённое. Через некоторое время Луиза резко прибавила скорость, словно желая побыстрее скрыться.

— Мы только что проехали ворота, — сказала она Мэри, которая из-под одеяла ничего не видела. — Ура, сработало! На нас показывают пальцами и бегут к машинам.

Луиза уводила журналистов за собой до самого Садбери. Если всё пошло по плану, то Рубен дождался, пока вся пресса увяжется за «эксплорером», а потом увёз Понтера в свой дом на окраине Лайвли.

Луиза подъехала к многоквартирному дому, в котором жила, и припарковалась на стоянке у подъезда. Мэри слышала, как рядом с ними останавливаются машины, взвизгивая тормозами. Луиза вышла из машины и подошла к дверце пассажирского сиденья.

— Всё о-кей, — сказала она Мэри, — можете вылезать.

Мэри услышала, как хлопают дверцы машин — журналисты выскакивали наружу. Луиза воскликнула «*Voila!*» и сдёрнула одеяло с Мэри; Мэри одарила репортёров застенчивой улыбкой.

— Вот чёрт! — сказал один из журналистов. — Зараза, — сказал другой.

Но третья — а всего их было, должно быть, с дюжину — оказалась более сообразительной.

— Вы доктор Воган, не так ли? — спросила она. — Генетик?

Мэри кивнула.

— Так это неандерталец или нет? — требовательно спросила журналистка.

Луизе и Мэри потребовалось сорок пять минут, чтобы отделаться от репортёров, которые, хоть и были разочарованы тем, что упустили Понтера, были рады первыми услышать о результатах проделанных Мэри анализов ДНК. Наконец, Луизе и Мэри удалось войти в дом и подняться в Луизину маленькую квартирку на третьем этаже. Там они дождались, пока журналисты уберутся с парковки — она была видна из окна Луизиной спальни, а потом Луиза взяла из холодильника пару бутылок вина, и они с Мэри снова спустились вниз, сели в машину и поехали в Лайвли.

Они добрались до дома Рубена около шести вечера. Рубен и Понтер решили не начинать готовить ужин до их прихода, поскольку не были уверены, когда они явятся. Понтер лежал на диване в гостиной; должно быть, подумала Мэри, неважно себя почувствовал, что было неудивительно, принимая во внимание, сколько ему пришлось пережить за последние пару дней.

Луиза объявила, что будет помогать готовить ужин. Мэри уже знала, что Луиза вегетарианка и, должно быть, чувствовала неловкость за то, что Рубену вчера пришлось готовить для неё отдельно. Рубен, как отметила Мэри, тут же принял её предложение — а какой нормальный мужчина

отказался бы?

— Мэри, Понтер, — сказал Рубен, — чувствуйте себя как дома. Мы с Луизой займёмся барбекю.

Мэри почувствовала, как зачастило сердце, а во рту моментально пересохло. Она не оставалась наедине с мужчиной с…

Но сейчас совсем ещё рано, и…

И Понтер — не…

Это было затасканное клише, но в данной случае — истинная правда.

Понтер не такой, как другие мужчины.

Конечно, всё будет хорошо; в конце концов, Рубен и Луиза были неподалёку. Мэри сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Ага, — ответила она. — Хорошо.

— Здорово, — сказал Рубен. — В холодильнике есть пиво и газировка. Луизино вино выпьем за ужином.

Они с Луизой удалились сначала на кухню, а через пару минут вышли во двор. Мэри судорожно втянула воздух, когда увидела, что Рубен закрыл стеклянную дверь, ведущую наружу, чтобы не кондиционировать улицу. Сомнительно, чтобы они услышали что-нибудь из-за закрытой двери и гудения кондиционера.

Мэри повернула голову и посмотрела на Пон-

тера, который поднялся на ноги. Они сумела выдавить из себя вялую улыбку.

Понтер улыбнулся в ответ.

Он не был уродлив; вовсе нет. Но его лицо выглядело весьма необычно: как будто кто-то взял глиняную модель нормального человеческого лица и вытянул её вперёд.

— Превет, — сказал Понтер без посредства импланта.

— Привет, — ответила Мэри.

— Неудобно, — сказал Понтер.

Мэри вспомнила свою поездку в Германию. Вспомнила постоянные усилия, которые приходилось прилагать только для того, чтобы быть понятой, чтобы прочитать инструкцию к телефону-автомату, сделать заказ в ресторане, спросить дорогу. Как ужасно должен чувствовать себя Понтер — учёный, интеллектуал! — вынужденный общаться на уровне ребёнка-дошкольника.

Эмоции Понтера были очевидны: он улыбался, хмурился, вскидывал белобрысые брови, смеялся; она не видела, как он плачет, но, должно быть, он умел и это. Они ещё не накопили достаточный словарный запас для обсуждения того, какие чувства он испытывает по поводу мира, в который попал; сейчас было легче говорить о квантовой

механике, чем о чувствах.

Мэри сочувственно кивнула.

— Да, — сказала она, — это очень неудобно, когда не можешь общаться.

Понтер слегка склонил голову. Возможно, понял; возможно, нет. Он оглядел гостиную Рубена, словно что-то потерял.

— В вашей комнате нет… — Он нахмурился, явно не в силах высказать идею, для которой ни у него, ни у его импланта ещё не было слов. Наконец, он подошёл к одному из массивных встроенных книжных шкафов, заполненных детективами, DVD-дисками и маленькими ямайскими статуэтками. Понтер повернулся и принялся тереться спиной об угол шкафа, двигая ею из стороны в сторону.

Мэри поначалу опешила, но быстро сообразила, что происходит: Понтер использовал шкаф как чесательный столб. В голове возник образ довольного Балу из диснеевской «Книги джунглей». Она пыталась подавить улыбку. У неё самой спина чесалась довольно часто — и, подумала она, уже давно некому было ей её почесать. Если спина Понтера действительно такая волосатая, то она, должно быть, чешется довольно регулярно. Наверное, жилые помещения в его мире

оборудованы специальными приспособлениями для чесания спины.

Она задумалась, будет ли вежливо предложить почесать ему спину — и эта мысль повергла её в ступор. Она полагала, что уже никогда не захочет касаться мужчины, или чтобы он её касался. В чесании спины не обязательно присутствует сексуальный подтекст, но опять же, литература, которую дала ей Кейша, подтвердила то, что она уже знала: в изнасиловании тоже нет ничего от секса. И всё же она ничего не знала о том, как принято вести себя друг с другом мужчине и женщине в мире Понтера; она могла серьёзно его оскорбить или…

Опомнись, женщина!

Без сомнения она выглядела для Понтера не более привлекательно, чем он для неё. Он почесался ещё какое-то время, потом отступил от массивного шкафа. Он сделал рукой приглашающий жест, будто предлагая Мэри проделать то же самое.

Она забеспокоилась о том, что может что-то сломать или скинуть с полок, но если шкаф выдержал Понтера, то и её наверняка выдержит.

— Спасибо, — сказала Мэри. Она пересекла комнату, обошла прозрачный кофейный столик и прижала спину к углу шкафа. Потом поелозила

спиной по дереву. Это и правда было приятно, хотя застёжка лифчика постоянно цеплялась за угол.

— Хорошо, да? — сказал Понтер.

Мэри улыбнулась.

— Ага.

В этот момент зазвонил телефон. Понтер посмотрел на него, Мэри тоже. Телефон не умолкал.

— Точно не для я, — сказал Понтер.

Мери засмеялась и подошла к столу, на котором лежала трубка зеленоватого цвета. Она приняла звонок.

— Дом доктора Монтего.

— Профессор Мэри Воган случайно не у вас? — спросил мужской голос.

— Э-э… я слушаю.

— Здóрово! Меня зовут Санджит. Я продюсер «@discovery.ca», вечерней программы научных новостей на канале «Дискавери-Канада».

— Вау, — сказала Мэри. — Крутое шоу.

— Спасибо. Мы следим за этой историей с неандертальцем из Садбери. Честно говоря, мы поначалу в неё не верили, но только что пришло сообщение, что вы установили подлинность его ДНК.

— Да, — сказала Мэри. — У него действительно ДНК неандертальца.

— А что скажете про… про него самого? Он не подделка?

— Нет, — сказала Мэри. — Он вполне настоящий.

— Круто. В общем, видите ли, мы были бы счастливы увидеть вас в нашей завтрашней передаче. Нашим каналом владеет CTV, так что мы могли бы прислать кого-нибудь из местной студии организовать телеинтервью между вами в Садбери и Джеем Ингрампом, одним из ведущих, в нашей студии в Торонто.

— Гмм, — сказала Мэри. — Ну, хорошо. Я согласна.

— Отлично, — сказал Санджит. — Давайте я вам вкратце расскажу, о чём будет разговор.

Мэри повернулась и выглянула в окно. Во дворе Рубен и Луиза всё ещё возились с барбекю.

— Давайте.

— Во-первых, хочу убедиться, что в моих сведениях о вас самой ничего не напутано. Вы преподаёте в Йоркском университете, верно?

— Да, генетику.

— На постоянной должности?

— Да.

— Ваша кандидатская степень в области…

— Молекулярной биологии.

— В 1996 году вы ездили в Германию, чтобы взять образец ДНК хранящегося там типового экземпляра неандертальца, всё верно?

Мэри бросила взгляд на Понтера, чтобы убедиться, что он ничего не имеет против того, что она так долго разговаривает по телефону. Его ответная улыбка была вполне искренней, так что она продолжила.

— Да.

— Расскажите об этом подробнее, — попросил Санджит.

В целом подготовка к интервью заняла минут двадцать. Она слышала, как Рубен и Луиза пару раз проходили со двора на кухню; один раз Рубен просунул голову в гостиную убедиться, что у Мэри всё в порядке, и она, зажав микрофон рукой, рассказала ему, что происходит. Он улыбнулся и вернулся к готовке. Наконец, Санджит исчерпал свой запас вопросов, и они подтвердили свою готовность к записи интервью. Мэри положила трубку и вернулась к Понтеру.

— Простите, — сказала она.

Но Понтер уже бросался на неё с вытянутой вперёд рукой. В одно мгновение она поняла, ка-

кой была идиоткой; он специально заманил её сюда, к книжным шкафам, подальше от двери. Одним движением массивной руки он отбросит её и от окна, и Рубен и Луиза не смогут видеть её снаружи.

— Прошу, — сказала Мэри, — Прошу… я закричу…

Понтер сделал ещё один судорожный шаг вперёд, и тут…

И тут Мэри закричала.

— *Помогите! Помогите!*

Понтер тяжёло оседал на ковёр. Его лоб над надбровным валиком покрывал густой пот, а кожа приобрела пепельный оттенок. Мэри бухнулась на колени рядом с ним. Его грудь быстро поднималась и опускалась; он начинал хрипеть.

— *Помогите!* — завопила она снова.

Она услышала, как распахивается дверь. В комнату ворвался Рубен.

— Что слу… о Господи!

Он подскочил к Понтеру. Луиза прибежала пару секунд спустя. Рубен щупал у Понтера пульс.

— Понтер не здоровый, — сказала Хак женским голосом.

— Да, — ответил Рубен, кивая. — Вы знаете, что с ним не так?

— Нет, — ответила Хак. — Пульс учащён, дыхание неглубокое. Температура тела 39.

Мэри на мгновение растерялась, услышав, что имплант называет температуру в, как ей показалось, градусах Цельсия — если так, что у Понтера серьёзный жар. Но, если подумать, это была самая логичная температурная шкала, которую могли бы выдумать существа с десятью пальцами.

— У него есть аллергия? — спросил Рубен.

Хак пискнула.

— Аллергия, — объяснил Рубен, — Еда или вещи из нормального окружения, которые не действуют на других людей, но ему от них плохо.

— Нет, — ответила Хак.

— Был ли он болен, когда покидал ваш мир?

— Болен? — повторила Хак.

— Нездоров. Чувствовал недомогание.

— Нет.

Рубен взглянул на украшенные затейливой резьбой деревянные часы, стоящие на одной из книжных полок.

— Он в нашем мире уже пятьдесят один час. Чёрт, чёрт, чёрт!

— Что такое? — спросила Мэри.

— Боже, какой я идиот! — сказал Рубен, вставая. Он бегом устремился в соседнюю комнату и вер-

нулся с коричневым врачебным чемоданчиком, который тут же открыл. Он достал из него деревянный медицинский шпатель и крошечный фонарик. — Понтер, — твёрдо сказал он, — откройте рот.

Золотистые глаза Понтера были полузакрыты, но он сделал, что просил Рубен. По-видимому, его никогда раньше таким образом не обследовали — Понтер засопротивлялся, почувствовав деревянную лопаточку на языке. Однако, по-видимому, успокоенный словами Хак, которые слышал он один, он перестал сопротивляться, и Рубен осветил фонариком внутреннюю поверхность огромной неандертальской ротовой полости.

— Миндалины и другие ткани сильно воспалены, — сказал Рубен. Он посмотрел на Мэри, потом на Луизу. — Какая-то инфекция.

— Но вы, профессор Воган или я находились с ним практически всё время, — сказала Луиза, — и мы не заболели.

— *Именно,* — сказал Рубен. — Что бы он ни подхватил, он подхватил это здесь, и это что-то, к чему у нас имеется природный иммунитет, а у него — нет. — Рубен порылся в своём чемоданчике и достал из него пузырёк с пилюлями. — Луиза,

— сказал он, не оборачиваясь, — принесите стакан воды, пожалуйста.

Луиза бегом кинулась на кухню.

— Я собираюсь дать ему лошадиную дозу аспирина, — сказал он, обращаясь то ли к Хак, то ли к Мэри — она не поняла. — Это должно сбить жар.

Луиза вернулась со стаканом, полным воды. Рубен взял у неё стакан, потом просунул две пилюли Понтеру между губ.

— Хак, скажите ему, чтобы он это проглотил.

Мэри не была уверена, понял ли компаньон слова Рубена, или просто догадался о его намерениях, но секундой позже Понтер действительно проглотил таблетки и, поддерживаемый за руку Рубеном, сумел отхлебнуть из стакана немного воды, хотя бóльшая часть растеклась по его лишённой подбородка челюсти, промочив бороду.

Но он не захлебнулся и не закашлялся. Неандерталец неспособен подавиться — это была обратная сторона их неспособности произносить многие звуки. Их ротовая полость имела такую форму, что ни еда, ни вода не могли попасть не в то горло. Рубен помог залить в Понтера ещё немного воды; стакан опустел.

Кретины, подумала Мэри. *Чёртовы кретины.*

Ну как они могли быть такими тупыми? Ко-

гда Кортес со своими конкистадорами явился в Центральную Америку, он привёз болезни, от которых у ацтеков не было иммунитета — а ведь ацтеки и испанцы были изолированы друг от друга всего несколько тысяч лет, в течение которых в одной части планеты успели развиться патогены, от которых в другой не было зашиты. Мир Понтера был изолирован от нашего по меньшей мере двадцать семь тысяч лет; у нас *наверняка* есть болезни, к которым у него отсутствует иммунитет.

И… и… и…

Мэри содрогнулась.

И, конечно, это работает в обе стороны.

Та же мысль, по-видимому, пришла в голову и Рубену. Он вскочил на ноги, пересёк комнату и схватил со стола телефон, по которому раньше разговаривала Мэри.

— Алло, оператор, — сказал он в телефон. — Я доктор Рубен Монтего, у нас чрезвычайная эпидемиологическая ситуация. Мне нужно связаться с Лабораторным центром контроля заболеваний при Министерстве здравоохранения в Оттаве. Да, именно так — с тем, кто там главный по инфекционным болезням…

Глава 24

Доосларм басадларм Адекора Халда был временно приостановлен — якобы для перерыва на ужин, но также и потому, что арбитр Сард явно хотела дать ему время успокоиться и прийти в себя и проконсультироваться с другими о том, как исправить нанесённый его вспышкой ярости ущерб.

Когда *доосларм басадларм* возобновился, Адекор снова сидел на табурете. Он раздумывал о том, какой гений придумал, что обвиняемый должен сидеть на табурете, а обвинитель ходить вокруг него кругами? Наверное, Жасмель знает; в конце концов, она изучает историю, а эта традиция наверняка очень древняя.

Болбай широким шагом вышла в центр зала.

— Я хотела бы, чтобы мы прошли а павильон архива алиби, — сказала она.

Сард взглянула на укреплённый на потолке хрономер, явно обеспокоенная тем, сколько времени это займёт.

— Вы уже показали, что архив алиби учёного Халда не может содержать ничего, имеющего

отношение к исчезновению Понтера Боддета. — Она скривилась. — Я *уверена*, — сказала она тоном, который подавлял желание возражать, — что и учёный Халд и тот, кто будет говорить от его имени, согласятся с этим утверждением без посещения архива.

Болбай степенно кивнула.

— Я согласна с вами, арбитр. Но я хотела бы разблокировать куб памяти не учёного Халда, а Понтера Боддета.

— В нём также не может быть ничего о его исчезновении, — сказала Сард с явными признаками раздражения, — и по той же самой причине: тысячи саженей скалы, блокирующие радиосигналы.

— Совершенно верно, арбитр, — сказала Болбай. — Однако я хотела бы просмотреть не момент исчезновения учёного Боддета. Я хочу показать вам эпизод, имевший место 254 месяца назад.

— Двести пятьдесят четыре месяца! — воскликнула арбитр. — Как может произошедшее так давно иметь хоть какое-то отношение к данному разбирательству?

— Если вы мне позволите, — сказала Болбай, — я продемонстрирую вам эту связь.

Адекор в раздумье постукивал себя большим

пальцем по надбровной дуге. Два с половиной гектомесяца: чуть больше девятнадцати лет. Он уже был знаком с Понтером; они оба со 145-го, и поступили в Академию одновременно. Но что за событие тех давних времён могло…

Адекор сам не заметил, как вскочил на ноги.

— Достойный арбитр, я возражаю.

Сард посмотрела на него.

— Возражаете? — переспросила она, не ожидая услышать такого во время судебного разбирательства. — На каком основании? Болбай просит вскрыть не ваш архив, а Понтера Боддета. И поскольку он пропал, то правом просить об открытии его архива обладает *табант* его ближайших живых родственников, то есть Даклар Болбай.

Адекор был зол на себя. Сард могла бы отклонить запрос Болбай, если бы он держал свой рот на замке. Но теперь он возбудил в ней любопытство, и она захочет узнать, что же такое Адекору хотелось скрыть.

— Очень хорошо, — сказала Сард, придя к решению. Она оглядела толпу зрителей. — Вы все останетесь здесь, пока я не решу, есть ли там что-то такое, что необходимо продемонстрировать публике. — Она переместила свой взгляд.

— Члены семьи учёного Боддета, учёный Халд и тот, кто будет говорить от его имени, могут присоединиться к нам при условии, что никто из них не является эксгибиционистом. — Наконец, её взгляд упёрся в Болбай. — Хорошо, Болбай. Но в ваших интересах, чтобы дело того стоило.

Сард, Болбай, Адекор, Жасмель и Мегамег, которую Жасмель держала за руку, по широкому выстланному мхом коридору прошли в павильон архива алиби. Болбай не смогла удержаться от язвительного замечания по адресу Адекора:

— Что, никто не согласился говорить от твоего имени, а?

Хотя бы в этот раз Адекору хватило ума удержать язык за зубами.

* * *

Не так много ныне живущих людей родилось до внедрения компаньонов: немногочисленные представители 140-го поколения и ещё меньшее число представителей 139-го, которые ещё не умерли. Для всех остальных компаньон был частью их жизни практически с её первых дней, когда вживляется первый младенческий имплант. До тысячемесячного юбилея начала Эры Алиби оставалось совсем немного времени —

весь мир готовился к празднествам.

Даже в одном только Салдаке десятки тысяч людей успели родиться и умереть после вживления первого компаньона; самый первый имплант был установлен в запястье его изобретателя, Лонвеса Троба. Огромный павильон архива алиби, расположенный рядом со зданием Серого Совета, был разделён на два крыла. Южное упиралось в древнее скальное обнажение; расширение этого крыла было бы непростым делом, и поэтому здесь хранили активные кубы алиби, принадлежащие ныне живущим людям, число которых оставалось практически постоянным. Северное крыло, хотя в данный момент не превышавшее размером южное, могло достраиваться без ограничений, как того и требовалось. Когда кто-нибудь умирал, его куб алиби отсоединяли от приёмника и переносили сюда.

Интересно, подумал Адекор, в каком крыле сейчас находится куб Понтера. В принципе, арбитру ещё предстояло вынести решение о том, было ли убийство. Он очень надеялся, что куб пока ещё в крыле живых; он опасался, что не сможет сохранять присутствие духа, если придётся просматривать сцены из жизни Понтера на стороне мёртвых.

Раньше Адекору не доводилось бывать в архиве. В северном крыле, крыле мёртвых, для каждого поколения имелось отдельное помещение с ведущим в него сводчатым проходом. Первое из них было крошечным, и в нём хранился единственный куб, принадлежащий Валдеру Шару, единственному в Салдаке представителю 131-го поколения, который ещё был жив на момент внедрения компаньонов. Следующие постепенно становились больше — в них хранились кубы рождённых в 132, 133, 134 и 135 поколениях, каждое на десять лет младше, чем предыдущее. Начиная со 136-го поколения все помещения были одинакового размера, хотя в отведённых для 144-го и более поздних пока находилось всего несколько кубов: почти все его представители были ещё живы.

В южном крыле было единственное помещение с тридцатью тысячами разъёмов для подключения кубов памяти. Хотя поначалу в южном крыле царил порядок и кубы были сгруппированы по поколениям, а внутри поколений — по полам, к настоящему времени большая часть этого порядка оказалась утрачена. Дети рождались в упорядоченной предсказуемой манере, однако умирали люди без всякого порядка, и

кубы последующих поколений подключались к освободившимся разъёмам.

Поэтому найти нужный куб среди более чем 25000 — население Салдака — было бы невозможно без каталога. Поэтому арбитр Сард предстала перед Хранителем Алиби, грузной женщиной 143-го поколения.

— Здравый день, арбитр, — сказала она, сидя на седлокресле за столом причудливо выгнутой формы, напоминающей почку.

— Здравый день, — ответила Сард. — Я хочу получить доступ к архиву алиби Понтера Боддета, физика 145-го поколения.

Женщина кивнула и заговорила, обращаясь к компьютеру. На квадратном экране появилась серия цифр.

— Следуйте за мной, — сказала она.

Для своих размеров двигалась она на удивление проворно. Она провела их через череду коридоров, стены которых были испещрены рядами ниш, содержащими кубы памяти — блоки реструктурированного гранита размером с человеческую голову.

— Вот он, — сказала женщина. — Разъём номер 16321: Понтер Боддет.

Арбитр кивнула, потом повернула своё мор-

щинистое запястье так, чтобы её компаньон был направлен на горящий синий глаз алиби-куба.

— Я, Комел Сард, арбитр, сим приказываю разблокировать хранилище алиби номер 16321 для справедливого и обоснованного судебного разбирательства. Дата, время.

Глазок на алиби-кубе из синего стал жёлтым. Арбитр отошла в сторону, и архивист предъявила свой компаньон.

— Я, Мабла Дабдалб, Хранитель Алиби, сим подтверждаю разблокирование хранилища алиби номер 16321 для справедливого и обоснованного судебного разбирательства. Дата, время. — Глазок стал красным, и прозвучал звуковой сигнал.

— Готово, арбитр. Вы можете воспользоваться проектором в двенадцатой комнате.

— Спасибо, — сказала Сард, и все вернулись обратно к входу. Дабдалб указала им проекционную комнату, которую зарезервировала для них, и Сард, Болбай, Адекор, Жасмель и Мегамег вошли в неё.

Комната была большая и квадратная, с рядом седлокресел вдоль одной из стен. Все, кроме Болбай, уселись, она же подошла к вмонтированной в стену консоли управления. Архивы алиби можно было просматривать только внутри этого

здания; чтобы защитить их от несанкционированного доступа здания архивов были полностью изолированы от планетарной информационной сети и не имели внешних линий связи. Хотя необходимость лично являться в здание архива для просмотра записей часто создавала неудобства, изоляция считалась необходимой и полезной мерой.

Болбай оглядела сидящих перед ней людей.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Я собираюсь обратиться к событиям 146/128/11.

Адекор обречённо кивнул. Он не был уверен, что то был именно одиннадцатый день, но 128-я луна со дня рождения 146-го поколения звучала правдоподобно.

В комнате потемнело, и перед ними появилась почти невидимая сфера, напоминающая мыльный пузырь. Болбай, похоже, считала, что стандартный размер не способен передать драматизма демонстрируемых событий: Адекор услышал щёлканье управляющих штырьков, и сфера начала увеличиваться, пока не достигла сажени в диаметре. Потом она снова повозилась с консолью, и внутри сферы появились три меньшие, окрашенные в немного различающиеся цвета. Потом в этих сферах также появилось по

три меньшие, и в них тоже, снова и снова, словно на ускоренной видеосъёмке клеточного митоза. По мере того, как сферы постепенно становились всё меньше и меньше, они раскрашивались во всё большее и большее количество цветов, и наконец, когда процесс завершился, сферу заполнило изображение молодого человека в камере размышлений Научной Академии — помещении с повышенным давлением. Он выглядел, словно статуя, слепленная из мелких бусинок.

Адекор кивнул; запись была сделана довольно давно, до появления современных технологий высокой чёткости. Но смотреть вполне можно.

Болбай снова что-то сделала с консолью, и пузырь повернулся так, чтобы всем стало видно лицо изображённого на голограмме человека. Адекор уже и забыл, как выглядел молодой Понтер. Он взглянул на сидящую рядом Жасмель. Она смотрела, как зачарованная. Она наверняка понимала, что здесь отцу столько же лет, сколько ей сейчас; когда делалась эта запись, Класт уже была беременна ею.

— Это, конечно же, Понтер Боддет, — сказала Болбай. — Здесь ему вдвое меньше, чем сейчас — чем было бы сейчас, будь он жив. — Она торопливо продолжила, пока арбитр не сделала её

замечание. — Итак, сейчас я включаю ускоренное воспроизведение…

Изображение Понтера пошло, село, встало, послонялось по комнате, сверилось с планшетом, потёрлось о чесательный столб — двигаясь при этом неестественно быстро. А потом дверь комнаты открылась — повышенное давление не давало проникать в комнату феромонам других людей, которые отвлекали от учёбы — и в неё вошёл Адекор Халд.

— Стоп, — произнесла арбитр Сард. Болбай остановила изображение. — Учёный Халд, вы подтверждаете, что это в самом деле вы?

Адекор на мгновение похолодел, увидев своё лицо; он и забыл, что как раз тогда начал было брить бороду. Ах, если бы то было единственным безумством юности, что зафиксировал этот куб…

— Да, арбитр, — тихо сказал Адекор. — Это я.

— Всё в порядке, — сказала Сард. — Продолжайте.

Изображение в пузыре снова задвигалось в ускоренном темпе. Адекор перемещался по комнате, как и Понтер, хотя изображение Понтера всегда оставалось в центре сферы, а перемещалось его окружение.

Адекор и Понтер, по-видимому, дружески бе-

седовали…

Потом беседа приняла менее дружеский характер…

Болбай переключила воспроизведение на нормальную скорость.

К этому моменту Понтер и Адекор жарко спорили.

И потом…

Потом…

Адекору хотелось закрыть глаза. Он и так отлично помнил эту сцену. Но он никогда не смотрел на неё снаружи, никогда не видел, какое у него было при этом лицо…

Так что он смотрел.

Смотрел, как он сжимает пальцы…

Как отводит руку назад, как вздувается бицепс…

Как рука летит вперёд…

Как именно в этот момент Понтер приподнимает голову…

Как его кулак встречается с челюстью Понтера…

Как челюсть ломается наискось…

Как Понтера отбрасывает назад, изо рта хлещет кровь…

Как Понтер выплёвывает зубы.

Болбай снова остановила картинку. Да, на лице молодого Адекора теперь застыло выражение шока и раскаяния. Да, он нагнулся, чтобы помочь Понтеру. Да, он явно сожалел о том, что сделал, потому как он, конечно же, был…

…был на волосок от того, чтобы убить Понтера Боддета, со всей силы ударив его кулаком в лицо.

Мегамег плакала. Жасмель ёрзала на своём кресле, отодвигаясь от Адекора. Арбитр Сард в изумлении медленно раскачивала головой. А Болбай…

Болбай просто стояла, скрестив руки на груди.

— Ну так что, Адекор, — сказала она, — мне проиграть всю сцену снова, на этот раз со звуком, или вы сэкономите нам время и сами расскажете, о чём у вас с Понтером вышел спор?

Адекора мутило.

— Это несправедливо, — тихо произнёс он. — Несправедливо. Я прошёл курс лечения по контролю над гневом — корректировку уровня нейротрансмиттеров; мой скульптор личности это подтвердит. Я в жизни никого не ударил ни до, ни после этого случая.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала Болбай. — О чём вы ругались с Понтером?

Адекор молчал, сокрушённо качая головой.

— Учёный Халд? — требовательно напомнила о себе арбитр.

— Это была ерунда, — сказал Адекор, глядя в устланный мхом пол. — Это… — Он сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул. — Это была философская идея, связанная с квантовой физикой. Существует много интерпретация квантовых явлений, но Понтер был сторонником модели, об ошибочности которой был прекрасно осведомлён. Я… Я знал, что он просто дразнит меня, но…

— Но вы не выдержали, — сказала Болбай. — И простая научная — научная! — дискуссия вышла из-под контроля, и вы вспылили настолько, что это стоило бы Понтеру жизни, ударь вы его на два пальца выше.

— Это несправедливо, — повторил Адекор, теперь глядя на арбитра. — Понтер меня простил. Он не выдвинул обвинения; если нет обвинения со стороны жертвы, то по определению нет и преступления. — Его голос стал почти умоляющим. — *Это закон.*

— Сегодня утром в зале Совета мы имели возможность наблюдать, насколько успешно Адекор Халд контролирует свой гнев, — сказала Болбай. — А теперь вы увидели, что однажды он

уже пытался убить Понтера Боддета. В тот раз у него не получилось, но, по моему мнению, у нас достаточно оснований полагать, что новая попытка, совершённая в лаборатории квантовых вычислений глубоко под землёй, была успешнее. — Болбай замолчала и взглянула на Сард. — Я думаю, — сказала она довольным голосом, — что установленных фактов достаточно для передачи дела в полный трибунал.

Глава 25

Мэри подошла к окну, выходящему на улицу, и выглянула в него. Хотя уже больше шести вечера, в это время года будет светло ещё пару часов, и…

О Господи! Продюсер с канала «Дискавери» был не единственным, кто догадался, где их нужно искать. Она увидела два телевизионных фургона с микроволновыми антеннами на крышах, три легковушки, украшенные логотипами радиостанций, и потрёпанную «хонду» с крылом чуть иного цвета, чем остальной автомобиль; она, должно быть, принадлежала какому-нибудь газетчику. Похоже, сообщение о том, что она подтвердила подлинность ДНК Понтера, заставило всех и каждого отнестись к этой совершенно невероятной истории всерьёз.

Рубен, наконец, положил трубку. Мэри повернулась к нему.

— Я не планировал, что вы останетесь на ночь, — сказал он, — но…

— Что? — удивлённо переспросила Луиза.

Но Мэри уже всё поняла.

— Никто никуда не едет, да? — спросила она.

Рубен покачал головой.

— ЛЦКЗ наложил на дом карантин. Никто не входит и не выходит.

— Как долго? — спросила Луиза, распахивая свои карие глаза.

— Это решит правительство, — ответил Рубен. — По меньшей мере несколько дней.

— Дней! — воскликнула Луиза. — Но… но…

Рубен развёл руками.

— Прошу прощения, но никто не знает, что плавает у Понтера в крови.

— А от какой болезни вымирали ацтеки? — спросила Мэри.

— Большей частью от оспы, — ответил Рубен.

— Но от оспы… — сказала Луиза. — Если б это была оспа, то были бы язвы на лице?

— Они появляются через два дня после начала лихорадки, — сказал Рубен.

— Но оспу ведь уничтожили, — сказала Луиза.

— В этой вселенной, да, — сказала Мэри. — Поэтому от неё больше не прививают. Но возможно, что…

Луиза кивнула, догадавшись.

— Возможно, что в *его* вселенной её не уничтожили.

— Именно, — сказал Рубен. — Но в любом случае

есть масса патогенов, которые эволюционировали в его мире и от которых у нас не может быть иммунитета.

Луиза глубоко вдохнула, по-видимому, пытаясь успокоиться.

— Но я чувствую себя хорошо, — сказала она.

— Я тоже, — ответил Рубен. — Мэри?

— Со мной всё в порядке.

Рубен покачал головой.

— Но рисковать всё равно нельзя. В Сент-Джозефе брали кровь Понтера на анализ; женщина из ЛЦКЗ, с которой я говорил, сказала, что она позвонит тамошнему заведующему патологией, и они сделают мазки на всё, на что можно.

— У нас достаточно еды? — спросила Луиза.

— Нет, — ответил Рубен, — но нам привезут, и…

Динь-дон!

— О, ч-чёрт! — зарычал Рубен.

— Кто-то звонит в дверь! — объявила Луиза, выглядывая сквозь входную дверь.

— Репортёр, — определила Мэри, увидев звонящего.

Рубен бросился наверх. Мэри подумала было, что он вернётся с дробовиком, но потом услышала, как он кричит из окна верхнего этажа:

— Уходите! Этот дом на карантине!

Мэри видела, как репортёр отступил от двери на несколько шагов и поднял голову, глядя на Рубена.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, доктор Монтего, — крикнул он.

— Уходите! — крикнул Рубен в ответ. — Неандерталец болен, и минздрав наложил на этот дом карантин.

Мэри услышала, как по просёлку приближаются ещё несколько автомобилей; в окнах стали видны красно-жёлтые сполохи мигалок.

— Да ладно, доктор, — не сдавался репортёр. — Всего пара вопросов.

— Я серьёзно, — крикнул Рубен. — У нас здесь инфекционное заболевание.

— Я так понимаю, профессор Воган с вами? — крикнул репортёр. — Она может прокомментировать анализ неандертальской ДНК?

— Да уходите же! Ради Бога, человече, бегите отсюда!

— Профессор Воган, вы здесь? Стэн Тинберген, «Садбери Стар». Я бы хотел…

— *Mon dieu!* — воскликнула Луиза, указывая на улицу. — У него ружьё!

Мэри посмотрела туда, куда показывала Луи-

за. Метрах в тридцати от дома действительно кто-то целился в их сторону из длинного ружья. Секундой позже стоящий рядом человек поднял ко рту мегафон:

— *Это RCMP,* — произнёс его усиленный мегафоном раскатистый голос. — *Отойдите от дома.*

Тинберген обернулся.

— Это частная собственность! — крикнул он. — Здесь не было совершено преступление, и…

— *ОТОЙТИ ОТ ДОМА!* — взревел федерал. Он был одет в гражданское, но на их белой машине действительно виднелись буквы RCMP и их французский эквивалент, GRC[19].

— Если доктор Монтего или профессор Воган ответят на пару вопросов, — сказал Тинберген, — я тут же…

— Последнее предупреждение! — сказал федерал в мегафон. — Мой напарник постарается только ранить вас, но…

Тинберген, по-видимому, очень хотел свою статью.

— Я имею право задать вопросы!

— *Пять секунд,* — прогремел голос федерала.

Тинберген не сдавался.

---

[19] Примечания: 19
Gendarmerie royale du Canada. *(Прим. перев)*

— *Четыре.*

— Общество имеет право знать! — крикнул репортёр.

— *Три!*

Тинберген снова повернулся к дому, по-видимому, настроенный любой ценой получить хотя бы один ответ.

— Доктор Монтего, — крикнул он, подняв голову к окну верхнего этажа, — насколько опасна эта болезнь?

— *Два!*

— Я отвечу на все ваши вопросы, — крикнул в ответ Рубен. — Но не вот так вот. Отойдите от дома.

— *ОДИН!*

Тинберген резко развернулся и поднял руки на уровень плеч.

— Ну хорошо, хорошо! — проворчал он и медленно пошёл прочь от дома.

Не успел репортёр дойти до противоположной стороны улицы, как в доме зазвонил телефон. Мэри подошла к столу и взяла трубку, но Рубен, похоже, уже ответил на звонок с аппарата наверху.

— Доктор Монтего, — произнёс в трубке мужской голос, — это инспектор Мэттьюз, RCMP.

В обычных обстоятельствах Мэри положила бы трубку, но она умирала от любопытства.

— Здравствуйте, инспектор, — ответил голос Рубена.

— Доктор, минздрав попросил нас оказать вам любую помощь, какая потребуется. — Голос инспектора звучал слабо; должно быть, он звонил с сотового телефона. Она вытянула шею, чтобы посмотреть в окно; человек, говоривший в мегафон, теперь действительно стоял возле своей белой машины и держал у уха телефон. — Сколько людей в доме?

— Четверо, — ответил Рубен. — Я, неандерталец и две женщины: профессор Мэри Воган из Йоркского университета, и Луиза Бенуа, физик из Нейтринной обсерватории Садбери.

— Как я понимаю, один из них болен.

— Да, неандерталец. У него сильный жар.

— Запишите мой номер, — сказал федерал. Он продиктовал серию цифр.

— Записал, — сказал Рубен.

— Я планирую дежурить здесь, пока меня не сменят в 23:00, — сказал Меттьюз. — Сменщик будет по этому же номеру; звоните, если что-то понадобится.

— Мне нужны антибиотики для Понтера. Пени-

циллин, эритромицин, и много других.

— У вас дома есть выход в интернет?

— Есть.

— Составьте список и пришлите мне: Роберт Меттьюз, с двумя «т», собака, rcmp-grc.gc.ca — *robert_matthews@grc.gc.ca.* Записали?

— Да, — ответил Рубен. — Лекарства мне нужны как можно быстрее.

— Мы их доставим сегодня, если это можно купить в аптеке или раздобыть в Сент-Джозефе.

— Нам также нужны продукты.

— Привезём всё, что нужно. Пришлите мне список продуктов, предметов гигиены, одежды — всё, что понадобится.

— Отлично, — сказал Рубен. — Я также возьму образцы крови у всех четверых; их нужно будет доставить в Сент-Джозеф и другие лаборатории.

— Сделаем, — ответил Мэттьюз.

Они договорились звонить при любой смене обстоятельств, и Рубен положил трубку. Мэри услышала его шаги на лестнице — он спускался вниз.

— Ну? — спросила Луиза, переводя взгляд с Рубена на Мэри и обратно и выдавая тем самым, что Мэри подслушивала на телефоне.

Рубен вкратце пересказал разговор с федералом

и добавил:

— Я дико извиняюсь за всё это; мне правда очень жаль.

— А что насчёт остальных? — спросила Мэри. — Других людей, которые контактировали с Понтером?

Рубен кивнул.

— Я скажу инспектору Мэттьюзу, что федералы должны найти их всех; думаю, для них устроят карантин в Сент-Джозефе, а не здесь. — Он сходил на кухню и вернулся с блокнотом и огрызком карандаша, которые, должно быть, использовал для составления списка покупок. — Так, значит, кто ещё контактировал с Понтером?

— Аспирант, который со мной работал, — сказала Луиза. — Пол Кирияма.

— Ещё доктор Ма, конечно же, — сказала Мэри, — и… Боже, она же улетела в Оттаву! Ей нельзя встречаться с премьером!

— Также куча народу в Сент-Джозефе, — сказал Рубен. — Санитары из «скорой», доктор Сингх, рентгенолог, сёстры…

Они продолжили дополнять список.

Всё это время Понтер лежал на желто-оранжевом ковре Рубена. По-видимому, он потерял сознание; Мэри видела, как поднимается и

опускается его массивная грудь. Покатый лоб по-прежнему был весь в испарине, а глаза двигались под закрытыми веками, как подземные существа, мечущиеся в своих норах.

— Хорошо, — сказал Рубен, — Всем спасибо. — Он посмотрел на Мэри, потом на Луизу, потом на больного Понтера. — Теперь мне надо написать список лекарств, которыми я собираюсь лечить Понтера. Если нам повезёт…

Мэри кивнула и тоже посмотрела на Понтера. *Если нам повезёт,* подумала она, *то никто из нас не умрёт.*

Глава 26

День четвёртый

Понедельник, 5 августа

148/118/27

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Пребывает ли Понтер в Канаде на законных основаниях? Этот вопрос продолжает беспокоить иммиграционных экспертов в стране и за рубежом. Сегодня у нас в гостях профессор Саймон Коэн, преподаватель иммиграционного права в Университете Макгилла в Монреале…

Десять признаков, по которым мы определили, что Понтер Боддет — настоящий неандерталец:

• Номер десять: Когда он впервые встретил человеческую женщину, он стукнул её дубинкой по голове и отволок за волосы в пещеру.

• Номер девять: При тусклом освещении его можно принять за Леонида Брежнева.

• Номер восемь: Когда к нему в гости пришёл Арнольд Шварценеггер, Понтер спросил: «Кто этот тщедушный тип»?

• Номер семь: Смотрит только канал «Fox»[20].

• Номер шесть: На вывесках «Макдональдсов» теперь написано: «Мы обслужили миллиарды и миллиарды *Homo sapiens* — и одного неандертальца».

• Номер пять: Назвал Тома Арнольда «красавчиком».

• Номер четыре: Увидев в Смитсонианском музее редкий образец горной породы, изготовил из него отличный наконечник для копья.

• Номер три: Носит часы «Fossil»[21] и пьёт действительно «Старое Милу-

[20] Примечания: 20

В США многие считают, в шутку или всерьёз, что канал «Fox» смотрят люди недалёкие и примитивные; отношение к этому каналу сродни отношению у нас к передаче «Дом-2». *(Прим. перев.)*

[21] Примечания: 21

Fossil *(англ.)* — окаменелость. Также американская фирма — производитель одежды, обуви и аксессуаров, в том числе часов. *(Прим. перев.)*

оки»[22].

• Номер два: Начал собирать патентные отчисления за огонь.

• И признак номер один, по которому мы определили, что Понтер Боддет — настоящий неандерталец: Волосатые щёки — все четыре[23].

Джон Пирс, директор по международным приобретениям издательства «Рэндом Хауз — Канада» предложил Понтеру Боддету крупнейший аванс в истории канадского книгоиздания за эксклюзивные права на издание его авторизованной биографии, сообщает журнал «*Quill Quire*»…

Ходят слухи, что Понтером Боддетом интересуется Пентагон. Военное применение способа, с помощью которого он предположительно попал к нам, заинтересовало по меньшей мере одного

---

[22] Примечания: 22

Old Milwakee — марка американского пива.

[23] Примечания: 23

Непереводимая игра слов. Английским cheeks (щёки) в разговорной речи могут также называться ягодицы. *(Прим. перев.)*

пятизвёздочного генерала…

Сейчас, подумал Адекор Халд, усаживаясь на свой табурет в зале Совета, *мы узнаем, совершил ли я самую большую ошибку в своей жизни.*

— Кто говорит от имени обвиняемого? — спросила арбитр Сард.

Никто не двинулся с места. Сердце Адекора подпрыгнуло. Жасмель решила оставить его? Это было бы неудивительно. Вчера она собственными глазами видела, что однажды — хотя и очень давно — Адекор уже пытался убить её отца.

В помещении было тихо, только один из зрителей, по-видимому, придя к тому же выводу, что и Болбай вчера, издал презрительный смешок: *никто* не будет говорить от имени Адекора.

Но потом, наконец, Жасмель поднялась на ноги.

— Я, — сказала она. — Я говорю за Адекора Халда.

Многие зрители ахнули.

Даклар Болбай, сидевшая на краю зала, тоже поднялась на ноги. Её лицо было очень сердито.

— Арбитр, так нельзя. Эта девушка — одна из обвинителей.

Арбитр Сард выставила вперёд свой морщинистый лоб, разглядывая Жасмель из-под

надбровных дуг.

— Это правда?

— Нет, — ответила Жасмель. — Даклар Болбай — партнёрша моей матери; она была утверждена моим *табантом*, когда мама умерла. Но мне уже исполнилось 250 лун, и я требую признания меня взрослой.

— Вы из 147-го? — спросила Сард.

— Да, арбитр.

Сард повернулась к Болбай, которая по-прежнему стояла.

— Все родившиеся в 147-м поколении достигли возраста личной ответственности два месяца назад. Если вы не заявляли о невменяемости вашей подопечной, то ваша опека над ней закончилась автоматически. Вы хотите заявить о её невменяемости?

Болбай исходила злобой. Она открыла рот, явно чтобы сказать что-то язвительное, но удержалась. Она посмотрела в пол и ответила:

— Нет, арбитр.

— Тогда всё в порядке, — сказала Сард. — Можете сесть, Даклар Болбай.

— Спасибо, арбитр, — сказал Жасмель. — Теперь, если позволите…

— Не так быстро, 147-я, — сказала Сард. — С

вашей стороны было бы вежливым предупредить вашего *табанта* о том, что вы собираетесь оппонировать её обвинению.

Адекор понимал, почему Жасмель молчала. Если бы она предупредила Болбай, та сделала бы всё, чтобы её от этого отговорить. Но Жасмель унаследовала отцовский шарм.

— Ваши слова мудры, арбитр, — сказала она. — Я сохраню ваш совет за своим надбровным валиком.

Сард кивнула, и жестом позволила Жасмель продолжать.

Жасмель вышла в центр помещения.

— Арбитр Сард, мы слышали множество инсинуаций от Даклар Болбай. Инсинуаций и беспочвенных нападок на характер Адекора Халда. Однако она едва знает этого человека. Адекор был партнёром моего отца, так что я лишь мельком виделась с ним, когда Двое становились Одним, поскольку у него есть свой сын, присутствующий здесь Даб, и своя партнёрша, Лурт, сидящая рядом с Дабом. И всё же я виделась с ним довольно часто — гораздо чаще, чем Даклар.

Она подошла к Адекору и положила руку ему на плечо.

— И я, дочь человека, в убийстве которого об-

виняют Адекора, говорю вам: я не думаю, что он это сделал. — Она замолчала, быстро взглянула на Адекора и снова встретилась взглядом с арбитром Сард.

— Ты *сама* видела запись алиби, — встряла Болбай со своего места на краю первого ряда зрителей. Сард шикнула на неё.

— Да, — сказала Жасмель. — Да, я видела. Я знала, что у отца была повреждена челюсть. Она иногда болела, особенно по утрам. Я не знала, кто нанёс повреждение — он никогда не рассказывал. Но он говорил, что это было очень давно, что тот, кто это сделал, глубоко раскаялся, и что он его простил. — Она помолчала. — Мой отец хорошо разбирался в людях. Он не вступил бы в партнёрство с Адекором, если бы считал, что есть хоть малейшая возможность того, что Адекор снова совершит подобное. — Она посмотрела на Адекора, потом снова на арбитра. — Да, мой отец пропал. Но я не думаю, что он был убит. Если он и умер, то в результате несчастного случая. А если нет…

— Вы думаете, он ранен? — спросила арбитр Сард. Жасмель смешалась; для арбитров нехарактерно задавать прямые вопросы.

— Возможно, арбитр.

Но Сард лишь покачала головой.

— Дитя, я сочувствую тебе. Правда сочувствую. Я слишком хорошо знаю, каково это, потерять родителя. Но то, что ты говоришь, лишено смысла. Люди обшарили всю шахту в поисках твоего отца. Женщины также участвовали в поисках, хотя уже были Последние Пять. И собак тоже приводили.

— Но если бы он умер, — сказала Жасмель, — его компаньон передавал бы сигнал, по крайней мере, какое-то время. Его искали переносными сканерами, но не обнаружили.

— Это так, — согласилась Сард. — Но если его компаньон был намеренно выведен из строя или уничтожен, никакого сигнала не было бы.

— Но нет никаких свидетельств…

— Дитя, — сказала арбитр, — люди пропадали без вести и раньше. Когда жизненные обстоятельства становятся невыносимыми, некоторые люди выдирают компаньон из запястья и уходят в необитаемые земли. Они отказываются от всех благ цивилизации и присоединяются к одной из общин, избравших традиционный образ жизни, либо просто ведут жизнь кочевников-одиночек. В жизни твоего отца было что-то, что могло толкнуть его на такой путь?

— Нет, — ответила Жасмель. — Я виделась с

ним, когда Двое в последний раз становились Одним, и с ним всё было в порядке.

— Мельком, — сказала арбитр.

— Прошу прощения?

— Ты виделась с ним мельком. — Сард, очевидно, заметила, как бровь Жасмель полезла на лоб. — Нет, я не смотрела твой алиби архив; ведь тебя ни в чём не обвиняют. Но я навела справки; это полезно, когда ведёшь такое необычное дело, как это. Так что я спрашиваю снова: была ли какая-либо причина для того, чтобы твоему отцу захотелось исчезнуть? В конце концов, он мог просто скрыться от Адекора в шахте, подождать, пока вокруг не будет ни одного шахтного робота, и потом просто подняться наверх на лифте.

— Нет, арбитр, — сказала Жасмель. — Я не помню никаких признаков психической нестабильности, он казался вполне счастливым — ну, настолько, насколько может быть счастливым человек, не так давно потерявший партнёршу.

— Я подтверждаю, — сказал Адекор, обращаясь напрямую к арбитру. — Мы с Понтером были счастливы вместе.

— Вашему свидетельству в данных обстоятельствах доверять нельзя, — сказала Сард. — Но, опять же, я наводила справки, и все подтвердили

то, что вы говорите. У Понтера не было долгов, которые он не был бы в состоянии выплатить, не было ни врагов, ни *надалп* — никаких причин бросать семью и карьеру.

— Именно, — сказал Адекор; он знал, что должен молчать, но не мог сдержаться.

— Итак, — сказала арбитр Сард, — если у него не было причин исчезать, и не было психического расстройства, то мы возвращаемся к аргументу Болбай. Если бы Понтер Боддет был лишь ранен или умер от естественных причин, то поисковые партии его бы нашли.

— Но… — сказала Жасмель.

— Дитя, — сказала Сард, — если у тебя есть какие-то доказательства — не просто личное мнение или суждение, а конкретное доказательство — что Адекор Халд невиновен, то изложи его.

Жасмель посмотрела на Адекора. Адекор посмотрел на Жасмель. За исключением пары покашливаний и случайного скрипа сиденья, в зале воцарилась абсолютная тишина.

— Итак? — сказала арбитр. — Я жду.

Адекор в ответ на взгляд Жасмель пожал плечами; он понятия не имел, правильно ли будет выложить это сейчас. Жасмель откашлялась.

— Да, арбитр, есть ещё одна возможность…

Глава 27

Мэри плохо спала в эту ночь.

У Рубена на заднем дворе были вывешены эоловы бубенцы. Мэри считала, что тех, кто так делает, надо расстреливать, но, с другой стороны, участок Рубена был площадью в два акра, так что бубенцы вряд ли беспокоили ещё кого-то. Однако их постоянное позвякивание не давало её нормально спать.

Вечером они долго обсуждали, кому где спать. У Рубена в спальне была королевского размера двуспальная кровать, диван наверху в кабинете, и ещё один в гостиной. К сожалению, ни один из диванов не раскладывался. В конце концов, решили положить в кровать Понтера — он нуждался в этом больше остальных. Рубен лёг на диване наверху, Луиза — на диване внизу, а Мэри улеглась спать в большом шезлонге, также поставленном в гостиной.

Понтер был серьёзно болен — но с Хак всё было в порядке. Мэри, Рубен и Луиза решили давать импланту уроки языка по очереди. Луиза сказала, что она всё равно сова, так что может заниматься

с Хак по ночам; таким образом, языковые уроки будут вестись почти круглые сутки. Луиза и правда исчезла в комнате Понтера незадолго до десяти вечера, и снова спустилась в гостиную уже после двух ночи. Мэри не была уверена, разбудили её шаги Луизы, или она уже не спала, но она поняла, что её очередь идти наверх заниматься с Хак.

Разговаривая с компаньоном, Мэри нервничала. Не из-за того, что приходилось разговаривать с компьютером — это, наоборот, было ужасно интересно, а потому что нужно было остаться в спальне с Понтером наедине, да ещё и прикрыть дверь, чтобы звуки разговора не потревожили спящего в соседней комнате Рубена.

Она была поражена, увидев, насколько у Хак улучшился английский за те несколько часов, что она провела с Луизой.

К счастью, Понтер крепко проспал весь урок языка, хотя однажды Мэри чуть не запаниковала, когда он неожиданно зашевелился и перевернулся на другой бок. Если Мэри правильно поняла объяснения Хак, компаньон проигрывал Понтеру в ушные импланты белый шум, так что тихий разговор Хак и Мэри не мог его побеспокоить.

Мэри выдержала всего час называния предметов и имитации действий, после чего почув-

ствовала себя настолько уставшей, что не могла продолжать. Она извинилась и спустилась в гостиную. Луиза, сбросившая с себя всё, кроме нижнего белья, сопела на диване, полуукрытая верблюжьим одеялом.

Мери улеглась на своё кресло и в этот раз, вымотанная до предела, немедленно заснула.

* * *

К утру жар у Понтера начал спадать; по-видимому, подействовали аспирин и антибиотики, которые дал ему вчера Рубен. Неандерталец поднялся с постели и спустился в гостиную, повергнув Мэри в глубочайший шок, поскольку был абсолютно голый. Луиза всё ещё спала, а Мэри, свернувшаяся на своём кресле, только-только проснулась. На долю секунды она перепугалась, что Понтер спустился за ней, или… да нет, если бы его кто и привлёк, то наверняка молодая красивая квебечка.

Но хотя он и скользнул взглядом по Мэри и Луизе, выяснилось, что настоящей его целью была кухня. Наверняка он даже не заметил, что глаза у Мэри открыты.

Она хотела заговорить, возразить против его наготы, но…

Боже мой, — думала Мэри, пока Понтер пересекал гостиную. — Боже ж ты мой. Выше шеи он был не слишком впечатляющим на вид, но…

Она повернула голову ему вслед, провожая исчезающие в дверях кухни ягодицы, и продолжала смотреть, когда он появился из кухни с банкой «кока-колы» в руках; у Рубена в холодильнике ею была заставлена целая полка. Как учёному Мэри было очень интересно наблюдать на неандертальцем во плоти…

А как женщина она просто наслаждалась зрелищем того, как двигается его мускулистое тело.

Мэри позволила себе слегка улыбнуться. А ведь она считала, что уже никогда не сможет *так* смотреть на мужчину.

Так здорово было узнать, что она ошибалась.

* * *

Мэри, Рубена и Луизу уже неоднократно интервьюировали по телефону. С разрешения «Инко» Рубен также устроил пресс-конференцию: они трое стояли вместе перед включённым в селекторном режиме телефоном, а телевизионщики снимали происходящее телеобъективами сквозь открытые окна.

Тем временем проводились анализы на оспу,

бубонную чуму и множество других болезней. Образцы крови военными самолётами доставили в Центр по контролю и профилактике заболеваний в Атланте и в лабораторию четвёртого уровня в Канадском научном центре здоровья людей и животных в Виннипеге. Результаты первых анализов пришли в 11:14 утра. В крови Понтера не было пока обнаружено никаких патогенов, и ни у кого из контактировавших с ним, включая находившихся на карантине в Сент-Джозефе, не появилось никаких признаков болезни. Пока исследовались другие культуры, микробиологи также проверяли образцы крови на наличие неизвестных патогенов — клеток и иных включений, с которыми учёные раньше не сталкивались.

— Жаль, что он физик, а не физиолог, — пожаловался Рубен Мэри после пресс-конференции.

— Почему, — спросила Мэри.

— Ну, нам сильно повезло, что у нас оказались антибиотики, которые на него действуют. Бактерии со временем становятся невосприимчивыми к ним; обычно я сразу даю своим пациентам эритромицин, потому что пенициллин в наши дни уже неэффективен, но Понтеру я сначала дал пенициллин. Он выделяется из хлебной плесени,

и если Понтер и его народ не пекут хлеб, то они вряд ли имели дело с пенициллином, так что он может быть очень эффективен против бактерий, которые Понтер принёс из своего мира. Потом я дал ему эритромицин и несколько других, чтобы подавить те микробы, которые он успел подхватить здесь. У народа Понтера, вероятно, есть собственные антибиотики, но они наверняка сильно отличаются от тех, что открыли мы. Если бы он смог рассказать нас о том, какими антибиотиками пользуются они, мы бы получили мощнейшее оружие в борьбе с болезнями, сопротивляться которому наши бактерии ещё не умеют.

Мэри кивнула.

— Интересно, — сказала она. — Жаль, что портал между нашими мирами сразу же закрылся. Наверняка две версии Земли могли бы торговать многими вещами. Фармацевтика — это лишь вершина айсберга. Большая часть того, что мы едим, в природе не встречается. Возможно, они не любят пшеницу, но современные помидоры, картошка, кукуруза, домашние куры, свиньи, коровы — все эти формы жизни фактически создали мы сами путём селективного разведения. Мы могли бы обменивать всё это на продукты,

которые есть у них.

Рубен кивнул.

— И это только начало. Мы могли бы обмениваться сведениями о залежах полезных ископаемых. Держу пари, есть много месторождений минералов и углеводородов, которые они нашли, а мы — нет, и наоборот.

Мэри подумала, и пришла к выводу, что Рубен прав.

— Всё, что существует в природе и старше нескольких десятков тысяч лет, будет существовать в обоих мирах, правильно? Ещё одна Люси[24], ещё один тиранозавр рекс, дополнительный комплект окаменелостей Бёрджесских сланцев[25], ещё один алмаз Хоупа — ну, по крайней мере, оригинальный неогранённый камень. — Она замолчала и задумалась.

К середине дня Понтер уже чувствовал себя значительно лучше. Мэри и Луиза смотрели на него, спокойно спящего на кровати под грудой одеял.

---

[24] Примечания: 24

Знаменитая археологическая находка, хорошо сохранившийся скелет женской особи австралопитека афарского, найденный в 1974 году. *(Прим. перев.)*

[25] Примечания: 25

Уникальное местонахождение окаменелых останков фауны возрастом 505 млн лет, известное исключительной сохранностью отпечатков мягких тканей. *(Прим. перев.)*

— Хорошо, что он не храпит, — сказала Луиза. — С таким-то носом…

— На самом деле, — тихо сказала Мэри, — возможно, поэтому-то он и не храпит — дыхательные пути ничто не блокирует.

Понтер перевернулся на бок.

Луиза ещё секунду смотрела на него, потом повернулась к Мэри.

— Пойду приму душ, — сказала она.

У Мэри как раз сегодня утром начались месячные; ей душ тоже совсем не помешал бы.

— Я после вас, — сказал она.

Луиза ушла в ванную и закрыла за собой дверь.

Понтер снова пошевелился, потом проснулся.

— Мэре, — сказал он тихо. Он спал с закрытым ртом, поэтому его голос не был хриплым даже спросонья.

— Привет, Понтер. Хорошо выспались?

Он приподнял свою длинную белёсую бровь — Мэри до сих пор не привыкла к зрелищу того, как она взбирается на надбровную дугу — будто услышав что-то до крайности нелепое.

Потом он слегка наклонил голову; Луиза включила душ. А потом раздул ноздри — каждая стала с размером с четвертак — и посмотрел на Мэри.

И она внезапно поняла, что происходит, и почувствовала неимоверное смущение и неловкость. Он учуял, что у неё менструация! Мэри попятилась через комнату; она не могла дождаться, когда наступит её очередь воспользоваться душем.

Лицо Понтера сохраняло нейтральное выражение.

— Луна, — сказал он.

Да, подумала Мэри, *те самые дни месяца.* Но она определённо не хотела об этом говорить. Она поспешила вниз, в гостиную.

Глава 28

Выражение морщинистого лица арбитра Сард недвусмысленно говорило: «Лучше б у вас было что-то стоящее».

— Хорошо, дитя, — сказала она Жасмель, стоящей рядом с Адекором в зале Совета. — Какое другое объяснение ты можешь дать исчезновению своего отца, кроме чьих-то злонамеренных действий?

Жасмель мгновение помолчала.

— Я бы с радостью рассказала вам, арбитр, но…

Сард уже не выглядела такой невозмутимой, как прежде.

— Да?

— Но, в общем, учёный Халд рассказал бы об этом лучше меня.

— Учёный Халд? — воскликнула Сард. — Вы предлагаете обвиняемому самому говорить за себя? — Она недоумённо покачала головой.

— Нет, — быстро сказала Жасмель, сообразив, что Сард может сейчас отвергнуть нелепую идею. — Нет, ничего такого. Просто он мог бы разъяснить некоторые детали технического характера:

касающиеся квантовой физики и…

— Квантовой физики! — сказала Сард. — Какое отношение к данному делу может иметь квантовая физика?

— По сути, самое прямое, — сказала Жасмель. — И учёный Халд мог бы представить данную информацию более красноречиво… — она заметила, что Сард хмурится, -…и более *сжато*, чем я.

— Не может ли кто-нибудь другой предоставить эту информацию? — спросила Сард.

— Нет, арбитр, — ответила Жасмель. — То есть, в Эвсое есть женская группа, занятая подобными проблемами…

— В Эвсое! — громыхнула Сард, как будто речь шла об обратной стороне Луны. Она снова покачала головой. — Ладно, — сказала она. — Учёный Халд, приказываю вам быть кратким.

Адекор не был уверен, положено ли было ему встать, но сидеть на табурете он уже устал, так что поднялся на ноги.

— Спасибо, арбитр, — сказал он. — Я… э-э… я признателен за разрешение говорить, а не только отвечать на вопросы.

— Не дайте мне пожалеть о своей снисходительности, — ответила Сард. — Давайте, начинайте.

— Да, конечно, — сказал Адекор. — Проект,

над которым работал Понтер Боддет и я, касался квантовых вычислений. Квантовый компьютер, согласно одной из интерпретаций, делает следующее: он контактирует с бесчисленными параллельными вселенными, в которых существует идентичный ему квантовый компьютер. И эти квантовые компьютеры одновременно решают различные части сложной математической задачи. Объединяя их вычислительные мощности мы получаем решение задачи очень быстро.

— Уверена, что это весьма интересно, — сказала Сард. — Но где связь с предполагаемой смертью Понтера?

— У меня есть основания полагать, достойный арбитр, что во время нашего последнего эксперимента мог возникнуть… в некотором роде, макроскопический проход в одну из этих вселенных, через который и прошёл Понтер, так что…

Даклар Болбай презрительно фыркнула; её примеру последовали многие из зрителей. Сард снова недоверчиво качала головой:

— Вы ждёте, что я поверю, будто учёный Боддет провалился в *иную вселенную*?

Теперь, когда арбитр высказала своё отношение к предложенной версии, зрители сочли, что можно больше не сдерживать своих чувств. Из

разных мест зала послышался нескрываемый смех.

Адекор ощутил, как учащается его пульс, а пальцы сжимаются в кулаки — он знал, что это последнее, чего ему сейчас было бы нужно. Он ничего не мог поделать с тахикардией, но постепенно сумел заставить пальцы разжаться.

— Арбитр, — сказал он самым почтительным тоном, на какой был способен, — существование параллельных вселенных лежит в основе многих современных теорий квантовой физики, и…

— *Тишина,* — гаркнула Сард; её низкий голос заметался между стенами зала. — Учёный Халд, за все сотни месяцев моей работы арбитром я никогда не слышала настолько слабой отговорки. Вы считаете, что те, кто не посещал вашу хвалёную Академию Наук — невежды, которым можно запудрить мозги непонятными словами?

— Достойный арбитр, я…

— Замолчите, — сказала Сард. — Просто замолчите и сядьте.

Адекор глубоко вдохнул и задержал дыхание — так, как его учили тогда, 250 месяцев назад, когда он лечился после нападения на Понтера. Он медленно выпустил воздух, представляя себе, что вместе с ним из него вытекает ярость.

— Я сказала *сядьте*! — рыкнула Сард.

Адекор подчинился.

— Жасмель Кет! — сказала арбитр, обращая свой пылающий взор на дочь Понтера.

— Да, арбитр, — ответила Жасмель.

Арбитр тоже сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Дитя, — сказала она уже более спокойным тоном, — я знаю, что недавно от лейкемии умерла твоя мать. Я могу лишь вообразить, насколько несправедливым это казалось тебе и маленькой Мегамег. — Она улыбнулась сестре Жасмель; к существующим морщинам на её лице добавились новые. — И теперь, возможно, и ваш отец тоже мёртв, и снова то была не та неизбежная смерть, что ждёт в конце пути каждого из нас, но смерть, наступившая неожиданно, без предупреждения, в цветущем возрасте. Я могу понять, почему тебе так не хочется смириться с этим, что ты готова поверить любой чепухе…

— Это не так, арбитр, — сказала Жасмель.

— Не так? Ты в отчаянии ищешь что-то, за что можно держаться, последнюю призрачную надежду. Разве не так?

— Я… я так не думаю.

Сард кивнула.

— Потребуется время, чтобы принять то, что случилось с твоим отцом. Я знаю это. — Она она оглядела зал, и её взгляд остановился на Адекоре. — Хорошо, — сказала она. Потом сделала паузу, видимо, размышляя. — Хорошо, — повторила она. — Я готова вынести решение. Я считаю, что будет справедливым и приемлемым признать, что у нас имеется дело об убийстве, основанное на косвенных уликах, и посему приказываю вынести его на рассмотрение коллегии трёх арбитров, если только обвинитель не откажется от продолжения дела. — Теперь она смотрела на Болбай. — Вы желаете продолжить преследование обвиняемого от имени своей подопечной, малолетней Мегамег Бек?

Болбай кивнула.

— Да.

У Адекора упало сердце.

— Очень хорошо, — сказала Сард, заглядывая в свой планшет. — Трибунал будет созван в этом же зале через пять дней, 148/119/03. Вы, учёный Халд, останетесь до этого времени под судебным надзором. Вам понятно?

— Да, арбитр. Но если бы я мог спуститься в…

— Никаких «но», — оборвала его Сард. — И ещё одна вещь, учёный Халд. Я буду предсе-

дательствовать на вашем процессе, и я буду инструктировать двух других арбитров. То, что от вашего имени говорит дочь понтера Боддета — это удачный ход, он добавил делу драматизма, но во второй раз такого эффекта вы не добьётесь. Поэтому искренне советую вам найти кого-то более подходящего, чтобы говорить за вас на трибунале.

Глава 29

К середине дня Рубен смог озвучить хорошие новости. Всё утро он общался по телефону и электронной почте с экспертами в Оттаве, Атланте и Виннипеге.

— Вы, должно быть, заметили, что Понтер не любит хлеб и молочные продукты, — сказал он, сидя в своей гостиной и прихлёбывая крепчайший эфиопский кофе, который, как обнаружила Мэри, он обожал.

— Да, — сказала Мэри, которая после душа чувствовала себя куда как комфортнее, несмотря даже на то, что пришлось одеться во вчерашнее. — Он любит мясо и свежие фрукты. Но к овощам, молоку и хлебу интереса не проявляет.

— Именно, — сказал Рубен. — И люди, с которым я общался, сказали, что это очень хорошо для нас.

— Почему? — спросила Мэри. Она терпеть не могла кофе, которым наслаждался Рубен; они заказали «Максвелл Хауз» и даже шоколадное молоко, но их доставят только к вечеру, вместе со свежей одеждой. Пока же она получала свою дозу

кофеина из банки «кока-колы».

— Потому что, — ответил Рубен, — это говорит о том, что народ Понтера не занимается сельским хозяйством. То, что мне удалось узнать от Хак, это более-менее подтверждает. Население той версии Земли, похоже, значительно меньше, чем нашей. Как следствие, они не практикуют земледелие или скотоводство, по крайней мере, не в таких масштабах, в каких ими занимаемся мы в последние несколько тысяч лет.

— Я считала, что без этого невозможно поддерживать сколько-нибудь высокий уровень цивилизации, независимо от численности населения, — сказала Мэри.

Рубен кивнул.

— Жду не дождусь, когда Понтер сможет развёрнуто ответить на наши вопросы на эту тему. Так вот, мне сказали, что наши самые опасные болезни впервые появились как болезни домашних животных, которые потом перешли на человека. Корь, туберкулёз и оспа происходят от коров, грипп — от свиней и уток, коклюш — от свиней и собак.

Мэри нахмурилась. Заметила пролетающий за окном вертолёт — опять репортёры.

— Ну, если подумать, то так оно и есть.

— Более того, — сказал Рубен, — болезни наподобие чумы развиваются в основном в местах с высокой плотностью населения, где много потенциальных жертв. В малонаселённых местностях такие болезни, по-видимому, эволюционно нежизнеспособны: они убивают носителя прежде, чем он успевает заразить кого-то ещё.

— Да, думаю, это тоже верно, — сказала Мэри.

— Наверное, будет слишком радикальным упрощением считать, что раз общество Понтера не сельскохозяйственное, то это общество охотников и собирателей, — сказал Рубен. — Но это самый близкий известный нам аналог тому, что пытается описывать Хак. Общества охотников и собирателей действительно имеют значительно меньшую плотность населения, и в них и правда гораздо меньше болезней.

Мэри кивнула. Рубен продолжал:

— Как мне сказали, тот же самый принцип работал, когда в Америку явились первые европейцы. Первооткрыватели прибыли из густонаселённых аграрных обществ и кишели болезнетворными микробами. Местные жили не так плотно, и животноводство у них практически отсутствовало; они не знали чумы или других болезней, которые передались от животных к человеку. Именно

поэтому от контакта пострадала в основном одна сторона.

— Я считала, что сифилис попал в Старый Свет из Нового, — сказала Мэри.

— Да, есть некоторые свидетельства в пользу такой версии, — согласился Рубен. Но хотя сифилис и правда впервые возник в Северной Америке, здесь он никогда не передавался половым путём. Лишь попав в Европу, он приспособился к такому способу распространения и стал одной из основных причин смертности. На самом деле эндемичная, невенерическая форма сифилиса встречается до сих пор, правда, в основном среди кочевников-бедуинов.

— Надо же!

— Истинная правда. Так что сифилис не опровергает картину одностороннего распространения эпидемических заболеваний, наоборот, его пример подтверждает тезис о том, что для эпидемий требуются социальные условия, типичные для перенаселённых цивилизаций.

Мэри некоторое время переваривала услышанное.

— Это значит, что вы, Луиза и я… нам, скорее всего, ничего не угрожает?

— Это выглядит весьма вероятным: Понтер

страдает от чего-то, что подхватил здесь, но скорее всего не принёс с собой ничего, о чём следовало бы беспокоиться.

— А что будет с ним? Понтер поправится?

Рубен пожал плечами.

— Не знаю, — ответил он. — Я дал ему достаточно антибиотиков широкого спектра, чтобы одолеть большинство известных бактериальных инфекций, как Грам-негативных, так и Грам-позитивных. Однако вирусы не реагируют на антибиотики, и не существует такой вещи, как антивирусный препарат широкого спектра действия. Пока мы не установим, что у него действительно конкретная вирусная инфекция, накачивать его произвольными антивирусными средствами без толку — мы ему скорее навредим, чем поможем.

* * *

Эксгибиционисты хлынули на дотоле закрытую половину зала Совета и окружили Адекора плотной толпой, выкрикивая вопросы, которые разили его, словно копья — попавшего в засаду мамонта.

— Стал ли для вас неожиданностью вердикт арбитра Сард? — спрашивал Луласм.

— Кто будет говорить от вашего имени перед трибуналом? — требовал ответа Хауст.

— У вас сын 148-го поколения; достаточно ли он взрослый, чтобы осознавать последствия того, что может ждать вас — и его тоже? — спросил эксгибиционист, имени которого Адекор не знал, 147-й, передачи которого, должно быть, смотрела более молодая аудитория.

Эксгибиционисты набросились и на Жасмель.

— Жасмель Кет, какими теперь станут ваши отношения с Даклар Болбай?

— Вы правда верите, что ваш отец жив?

— Если трибунал осудит учёного Халда как убийцу, что вы будете чувствовать, зная, что защищали виновного?

Адекор чувствовал поднимающийся гнев, но он старался, старался, *старался* скрыть его. Он знал, что трансляции эксгибиционистов смотрит множество людей.

Жасмель наотрез отказалась отвечать на любые вопросы, и эксгибиционисты, наконец, оставили её в покое. Те, кто осаждал Адекора, тоже скоро насытились и мало-помалу очистили зал, оставив Жасмель и Адекора в гулком одиночестве. Жасмель на мгновение поймала взгляд Адекора, но тут же отвернулась. Адекор не знал, что ей

сказать; он с лёгкостью читал настроение её отца, но в Жасмель было много и от Класт. Наконец, просто чтобы заполнить зияющую тишину, Адекор произнёс:

— Я знаю, ты сделала всё, что смогла.

Жасмель подняла глаза к потолку, к нарисованной на нём заре и укреплённому в центре хрономеру. Потом опустила голову и посмотрела на Адекора.

— Ты правда это сделал? — спросила она.

— Что? — сердце Адекора тяжело забилось. — Нет, конечно нет. Я люблю твоего отца.

Жасмель закрыла глаза.

— Я не знала, что ты уже пытался убить его.

— Я не пытался убить его. Я просто разозлился, вот и всё. Я думал, ты поняла это, думал…

— Ты думал, что раз я продолжала говорить от твоего имени, то на меня никак не повлияло то, что я видела? Это был мой *отец*! Я видела, как он выплёвывает собственные зубы!

— Это было очень давно, — сказал Адекор. — Я… я и не помнил, что тогда было столько… столько крови. Мне очень жаль, что тебе пришлось это увидеть. — Он помолчал — Жасмель, ты не понимаешь? Я *люблю* твоего отца; ему я обязан всем, что имею. После этого… инцидента… он мог обви-

нить меня; он мог добиться моей стерилизации. Но он не стал. Он понимал, что я был… и есть… нездоров, что иногда я неспособен сдерживать гнев. Тем, что я остался цел, я обязан исключительно ему; тем, что у меня есть сын, Даб, я обязан ему. Моим самым большим чувством по отношению к твоему отцу является *благодарность*. Я бы никогда не причинил ему вред. Я бы не смог.

— Возможно, ты устал быть у него в долгу.

— Это был не долг. Ты ещё молода, Жасмель, ни с кем не связана, но скоро будешь, я знаю. Между теми, кто любит, нет никаких долгов; они прощают друг друга и живут дальше.

— Люди не меняются, — сказала Жасмель.

— Нет, меняются. И твой отец это знал.

Жасмель долго молчала, потом заговорила снова:

— Кто в этот раз будет говорить от твоего имени?

Услышав этот вопрос от эксгибициониста, Адекор просто пропустил его мимо ушей. Но сейчас он всерьёз над ним задумался.

— Лурт была бы логичным выбором, — сказал он. — Она из 145-го, достаточно взрослая, чтобы арбитр отнёсся к ней уважительно. И она сказала, что сделает всё, чтобы помочь.

— Я надеюсь… — сказала Жасмель. Она сбилась и начала сначала. — Я надеюсь, что всё для тебя закончится хорошо.

— Спасибо. Что ты теперь планируешь делать?

Жасмель посмотрела прямо на Адекора.

— Сейчас, прямо сейчас, я хочу оказаться подальше от этого места… и от тебя.

Она повернулась и вышла из гнетущего зала Совета, и Адекор остался в нём один.

Глава 30

День пятый

Вторник, 6 августа

148/118/28

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Исламский духовный лидер заявил, что так называемый неандерталец — неудачный продукт западных генетических экспериментов. Иранец Вилайят аль-Факих призывает канадское правительство признать, что Понтер Боддет — результат нечестивой и аморальной процедуры рекомбинирования ДНК…

На Оттаву оказывается давление с целью дать Понтеру Боддету канадское гражданство, и эта просьба исходит из весьма неожиданного источника. Президент США Джордж Буш попросил премьер-министра Жана Кретьена ускорить

процесс, результатом которого было бы принятие Понтера Боддета в канадское гражданство. Понтер Боддет указал, что в своём мире он родился в местности, которая в нашем соответствует городу Садбери, Онтарио. «Если он родился в Канаде, — сказал Джордж Буш, — значит, он канадец».

Президент США продвигает идею выдачи Понтеру Боддету канадского паспорта для того, чтобы он мог беспрепятственно приехать в Соединённые Штаты после прекращения карантина; таким образом президент положил конец дебатам на Капитолийском холме по поводу того, может ли американская таможня допустить неандертальца в страну.

Часть 5 параграфа 4 канадского закона о гражданстве допускает широкое толкование, которым президент Буш предлагает воспользоваться: «С целью разрешения случаев особой и необычной сложности или в знак признания выдающихся заслуг перед Канадой Губернатор может, на своё усмотрение и вопреки другим положениям данного Закона, дать указание

Министру наделить гражданством любое лицо…»

В Министерство здравоохранения Канады была подана интернет-петиция, подписанная более чем 10000 человек со всего мира с требованием поместить Понтера Боддета под бессрочный карантин…

«Инко» закончила сегодняшние торги двадцатидвухнедельным максимумом стоимости акций…

«Это медийный цирк, — заявил многолетний ротарианец из Садбери Берни Монкс. — Северное Онтарио не видело ничего подобного с 1934 года, когда в семье Дионн родилось пятеро близнецов…»

Понтер Боддет продолжает получать многочисленные предложения о работе. Лаборатория Базовых Исследований, принадлежащая японской компании «NNT», предложила ему пост директора их нового подразделения квантовых вычислений. «Майкрософт» и «IBM» также предложили ему контракты с весьма

привлекательными условиями. Эм-Ай-Ти, КалТех и ещё восемь университетов пригласили его к себе преподавать. Поступают предложения от корпорации «RAND» и Гринписа. Нет никаких сведений о том, нашёл ли неандерталец привлекательными хоть какие-то из этих предложений…

Группа учёных из Франции выступила с заявлением о том, что, хотя Понтер Боддет и появился на нашей Земле в Канаде, он не мог родиться в этой стране, поскольку неандертальцы никогда не жили в Северной Америке. Поэтому, считают они, его нужно признать гражданином Франции, поскольку именно во Франции были найдены самые поздние останки неандертальцев…

Защитники гражданских прав по обеим сторонам границы осуждают принудительный карантин, которому был подвергнут так называемый человек неандертальский, утверждая, что нет никаких свидетельств того, что он представляет собой угрозу чьему бы то ни

было здоровью…

Анализы крови возвращались отрицательными один за другим. То, что заразило Понтера, по-видимому, уже ослабло, и не было никаких следов того, что он может быть носителем чего-то опасного для человечества. И всё же ЛЦКЗ не торопилась отменять карантин.

Сегодня Понтер был одет в собственную рубаху, ту, в которой он прибыл на Землю. Федералы привезли для него небольшой гардероб из местного «Марка»[26], но эта одежда сидела на нём плохо; трудно подобрать готовую одежду для человека, который похож на слегка приплюснутого Мистера Вселенная[27].

Понтер — или, скорее, Хак — быстро улучшала свой английский. У компаньона не было звука «и» в предустановленном наборе для синтеза речи, но Хак записала, как Рубен и Мэри произносят его и проигрывала эти записи тогда, когда требовалось произнести английское слово с этим звуком. Однако было настолько непривычно слышать

---

[26] Примечания: 26

Mark's Work Wearhouse — канадская сеть магазинов одежды. *(Прим. перев.)*

[27] Примечания: 27

Титул победителя в ежегодном турнире по бодибилдингу; самый известный обладатель титула — Арнольд Шварценеггер. *(Прим. перев.)*

своё имя как «Мэр-*и*» — первая половина одним из голосов Хак, вторая — голосом Рубена или её собственным, что Мэри сказала компаньону не беспокоиться на этот счёт; в конце концов, и люди не всегда произносят её имя внятно, так что Хак может запросто это делать и дальше. Луиза также сказала Хак, что не имеет ничего против, если та будет называть её Лу.

Наконец, Хак заявила, что набрала достаточный словарный запас для содержательного общения. Да, сказала она, будут провалы и проблемы, но их можно решать по мере возникновения.

И вот, пока Рубен принимал по телефону очередную порцию результатов анализов, а Луиза, ярко выраженная сова, отсыпалась наверху, приняв предложение Понтера воспользоваться кроватью, когда он не спит, Мэри и Понтер устроились в гостиной, чтобы в первый раз поболтать по-настоящему. Понтер тихо сказал что-то на своём языке, а Хак воспроизвела его слова мужским голосом по-английски:

— Как хорошо поговорить.

У Мэри вырвался тихий нервный смешок. Она так страдала от невозможности общаться в Понтером, а теперь, когда они, наконец, могли разговаривать, она не могла придумать, что ему

сказать.

— Да, — согласилась она. — Хорошо поговорить.

— Прекрасный день, — сказал Понтер, выглядывая в окно гостиной.

Мэри снова засмеялась, на этот раз от души. Разговоры о погоде — обычай, выходящий за пределы видовых границ.

— Да, очень, — сказала она.

И тут она поняла, что проблема не в том, что она не знала, что сказать Понтеру. Просто вопросов было столько, что она не знала, с чего начать. Понтер — учёный; он наверняка имеет понятие о том, что его народу известно о генетике, о разделении родов Homo и Pan, о…

Но нет. Нет. Понтер — человек; во-первых и главных он — человек, к тому же прошедший через серьёзную переделку. Наука может подождать. Сейчас они будут говорить о нём, о том, каково ему сейчас.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Мэри.

— Хорошо, — ответил голос переводчика.

Мэри улыбнулась.

— Я имею в виду, на самом деле. Как у вас дела на самом деле?

Понтер, казалось, заколебался, и Мэри подума-

ла: интересно, разделяют ли неандертальские мужчины с человеческими нежелание говорить о своих чувствах. Но потом он выдохнул шумно и судорожно.

— Я напуган, — сказал он. — И скучаю по семье.

Мери вскинула брови.

— По семье?

— По дочерям. У меня две дочери, Жасмель Кет и Мегамег Бек.

Мэри немного опешила. Почему-то ей ни разу не пришло в голову, что у Понтера может быть семья?

— Старшей сейчас, — сказал Понтер, — я знаю, сколько месяцев, но вы вроде измеряете возраст в годах, нет? Старшей… Хак, посчитай!

— Жасмель девятнадцать лет, — прозвучал женский голос Хак, — Мегамег девять.

— О Боже, — сказала Мэри. — С ними всё будет в порядке? А их мать?

— Класт умерла два декамесяца назад, — сказал Понтер.

— Двадцать месяцев, — торопливо добавила Хак. — Один и восемь десятых года.

— Простите, — тихо сказала Мэри. Понтер слегка кивнул.

— Её клетки, её кровь — они изменились…

— Лейкемия, — подсказала термин Мэри.

— Я скучаю по ней каждый месяц, — сказал Понтер.

Должно быть, ошибка перевода, подумала Мэри; наверняка он хотел сказать, что скучает по жене каждый день.

— Потерять обоих родителей…

— Да, — сказал Понтер. — Конечно, Жасмель уже почти взрослая, так что…

— То есть, она может голосовать и всё такое? — спросила Мэри.

— Нет-нет-нет. Хак что-то неправильно подсчитала?

— Я совершенно уверена, что расчёты верны, — ответила Хак женским голосом.

— Жасмель слишком молода, чтобы голосовать, — сказал Понтер. — *Я* слишком молод, чтобы голосовать.

— И в каком же возрасте в вашем мире получают право голоса?

— Ты должен встретить по крайней мере 667-ю луну — две трети от традиционного тысячемесячного периода жизни.

Хак, по-видимому, не желая, чтобы её компетентность в области арифметике снова подверга-

ли сомнению, быстро добавила:

— Право голоса получают в возрасте пятидесяти одного года; традиционная продолжительность жизни — семьдесят семь лет, хотя в наши дни многие живут гораздо дольше.

— Здесь, в Онтарио, люди получают право голосовать в восемнадцать, — сказала Мэри. — В смысле, лет.

— Восемнадцать! — воскликнул Понтер. — Это безумие.

— Я не знаю ни одного места, где бы этот возраст был больше двадцати одного года.

— Это многое объясняет в вашем мире, — сказал Понтер. — Мы не позволяем людям влиять на политику и принимать решения, пока они не накопят достаточно мудрости и жизненного опыта.

— Но если Жасмель не может голосовать, то чем в вашем мире взрослый отличается от подростка?

Понтер слегка двинул плечами.

— Полагаю, в моём мире эта разница не так значительна, как в вашем. Тем не менее, достигнув возраста 250 месяцев человек начинает сам нести юридическую ответственности за свои действия и находится на пороге обустройства собственного дома. — Он покачал головой. — Хотел бы я дать

Жасмель и Мегамег знать, что я жив, что думаю о них. Даже если я никогда не смогу вернуться назад, я бы отдал всё, только бы передать им весточку.

— А вы действительно не сможете вернуться? — спросила Мэри.

— Не вижу, как. О, если бы здесь был построен квантовый компьютер, то условия, которые привели к моему… переносу сюда можно бы было попытаться повторить. Но я физик-теоретик; я имею лишь смутное представление о деталях внутреннего устройства квантового компьютера. Мой партёр, Адекор, в этом хорошо разбирается, но с ним никак не связаться.

— Должно быть, вы в отчаянии, — сказала Мэри.

— Простите, — ответил Понтер. — Я не хотел нагружать вас своими проблемами.

— Всё в порядке, — заверила его Мэри. — Можем ли мы… Можем ли мы вам как-то в этом помочь?

Понтер произнёс единственное короткое слово, прозвучавшее как-то по-особенному грустно.

— Нет, — перевела его Хак.

Мэри захотелось поднять ему настроение.

— Ну, хоть карантин должен уже скоро кончиться. Может быть, после того, как нас выпустят,

вы сможете попутешествовать, посмотреть мир. Садбери — маленький город, но…

— *Маленький?* — Понтер выпучил от удивления глаза. — Но здесь же… даже не знаю, сколько… по меньшей мере несколько десятков тысяч жителей.

— В городской черте Садбери живёт 160000 человек, — сказала Мэри, которая полистала в гостинице путеводитель.

— Сто шестьдесят тысяч! — повторил Понтер. — И это маленький город? Вы, Мэре, приехали из другого места, да? Из другого города. Сколько людей живёт там?

— Собственно в городе Торонто — 2,4 миллиона; в агломерации — в зоне сплошной городской застройки с Торонто в центре — около 3,5 миллионов.

— Три с половиной миллиона? — изумлённо переспросил Понтер.

— Плюс-минус.

— Сколько всего людей?

— Во всём мире? — спросила Мэри.

— Да.

— Чуть больше шести миллиардов.

— Миллиард — это… тысяча раз по миллиону?

— Именно так, — ответила Мэри. — По крайней

мере здесь, в Северной Америке. В Британии… ладно, забудьте. Да, миллиард — это тысяча миллионов.

Понтер осел в своём кресле.

— Это… это просто немыслимое количество людей.

Мэри подняла брови.

— А сколько людей живёт в вашем мире?

— Сто восемьдесят два миллиона, — ответил Понтер.

— Почему так мало? — спросила Мэри?

— Почему так много? — спросил Понтер.

— Я не знаю, — ответила Мэри. — Никогда не задумывалась.

— Вы не… в моём мире мы знаем, как предотвращать беременность. Возможно, я мог бы вас научить…

Мэри улыбнулась.

— У нас тоже есть для этого средства.

Понтер поднял бровь.

— Должно быть, наши работают лучше?

Мэри рассмеялась.

— Возможно.

— И вам хватает еды для шести миллиардов людей?

— Мы по большей части едим растения. Мы

культивируем… — Раздался гудок; по соглашению с Хак, услышав слово, которого нет в базе данных и о значении которого она не смогла догадаться по контексту, она подавала звуковой сигнал. -…мы специально их выращиваем. Я заметила, что вам не нравится хлеб, — снова гудок, — э-э… еда, приготовленная из зерна, но хлеб, а также рис — это то, что ест большинство из нас.

— Вы кормите шесть миллиардов человек *растениями*?

— Э-э… не совсем, — сказала Мэри. — Примерно полмиллиарда человек испытывает нехватку еды.

— Это очень плохо, — сказал Понтер.

Мэри не могла не согласиться. Только тут она неожиданно для себя осознала, что до сих пор Понтер имел дело лишь с весьма облагороженным образом Земли. Он немного смотрел телевизор, но недостаточно для формирования целостной картины. Тем не менее, было похоже, что Понтеру действительно придётся провести остаток своей жизни на этой Земле. И ему нужно будет рассказать о войне, о преступности, о загрязнении, о рабстве — о кровавой полосе, тянущейся через всю историю человечества.

— Наш мир — непростое место, — сказала Мэри,

как будто это оправдывало тот факт, что люди голодают.

— Да, я уже понял, — сказал Понтер. — У нас только один вид людей, хотя в прошлом их было больше. Но вас тут три или четыре вида.

Мэри недоумённо тряхнула головой.

— Что? — спросила она.

— Разные виды людей. Вы относитесь к одному виду, а Рубен, очевидно, к другому. А мужчина, который помогал меня спасать — это, по-видимому, какой-то третий вид.

Мэри улыбнулась.

— Нет, это не различные виды. У нас все люди тоже принадлежат к одному биологическому виду — Homo sapiens.

— И вы все способны скрещиваться? — спросил Понтер.

— Да, — ответила Мэри.

— И потомство не стерильно?

— Нет.

Понтер нахмурился.

— Вы — генетик, — сказал он, — не я, но… но… если все могут скрещиваться со всеми, то откуда такие различия? Разве люди не стали бы со временем похожими, демонстрируя смесь всех возможных черт?

Мэри шумно вздохнула. Она не хотела влезать в это болото на такой ранней стадии общения.

— Ну, в общем, в прошлом — не сейчас, вы понимаете, но… — она сглотнула. — То есть, и сейчас тоже, но в меньшей степени, люди разных рас… — гудок в другой тональности: известное слово в непонятном контексте, — люди с одним цветом кожи избегали… скрещивания с людьми с кожей другого цвета.

— Почему? — спросил Понтер. Простой вопрос; действительно, почему?

Мэри слабо пожала плечами.

— Разница в цвете изначально возникла из-за длительной географической изоляции популяций. Но после этого… после этого взаимодействие было затруднено невежеством, глупостью, ненавистью.

— Ненавистью, — повторил Понтер.

— Да, как ни грустно это признать. — Она снова пожала плечами. — В прошлом моего вида много такого, чем я не горжусь.

Понтер довольно долго молчал.

— Я думал над тем, что это за мир, — сказал он, наконец. — Я удивился, когда увидел изображения черепов в больнице. Я видел такие черепа раньше; в моём мире они известны лишь в виде

ископаемых останков. Это было поразительно — увидеть во плоти то, с чем раньше был знаком лишь в виде костей.

Он снова замолчал, глядя на Мэри так, словно до сих пор дивился её внешности. Она смущённо поёрзала на стуле.

— Мы ничего не знали ни о цвете вашей кожи, — сказал Понтер, — ни о цвете волос. Наши… — гудок; гудком Хак также заменяла слова, для которых не могла найти английского эквивалента, — были бы поражены, узнав, насколько разными вы могли быть.

Мэри улыбнулась.

— Ну, не все эти различия природные, — сказала она. — Вот, к примеру, мои волосы на самом деле не такого цвета.

Понтера явно удивила это новость.

— И какого же тогда?

— Да такого, серовато-коричневого.

— И почему вы его изменили?

Мэри пожала плечами.

— Самовыражение, и… в общем, я сказала, что они серовато-коричневые, но на самом деле они больше серые, чем коричневые. Мне… как, как впрочем, и многим другим, не нравится такой цвет.

— У моего вида волосы становятся серыми с возрастом.

— И у нас тоже; волосы такого света мы называем седыми. Никто не рождается с седыми волосами.

Понтер снова нахмурился.

— В моём языке слово для человека, обладающего знаниями, которые приходят только с опытом, и слово для цвета, который приобретают волосы с возрастом, одно и то же — «серый». Не могу себе представить, чтобы кому-то хотелось скрыть этот цвет.

Мэри в очередной раз пожала плечами.

— Мы делаем много бессмысленных вещей.

— Это точно, — сказал Понтер. Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли продолжать тему. — Мы часто задумывались, что стало с вашим народом — я имею в виду, в нашем мире. Простите, я не хочу показаться… — гудок, — но вы, должно быть, в курсе, что ваш мозг меньше нашего.

Мэри кивнула.

— В среднем на десять процентов, если я правильно помню.

— И вы, очевидно, заметно слабее физически. Исходя из следов крепления мышц на ископаемых костях мы заключили, что ваша мышечная

масса была вдвое меньше нашей.

— Примерно так и есть, я полагаю, — сказала Мэри, кивая.

— А также, — продолжал Понтер, — вы упомянули о неспособности уживаться даже с представителями собственного вида.

Мэри снова кивнула.

— В моём мире тоже находили археологические свидетельства того же самого, — сказал Понтер. — Согласно популярной у нас теории вы истребили друг друг сами… что в случае с существами менее разумными, чем мы, вовсе не кажется… — Понтер опустил голову. — Простите; я не хотел вас расстроить.

— Всё в порядке, — ответила Мэри.

— Я уверен, что существует лучшее объяснение, — сказал Понтер. — Мы так мало о вас знаем.

— Я думаю, — сказала Мэри, — что одно только знание о том, что всё могло быть по-другому — что выживание именно нашего вида не было предопределено — это уже очень ценно. Это напомнит моему народу о том, как драгоценна на самом деле жизнь.

— Для вас это не очевидно? — спросил Понтер, изумлённо округляя глаза.

Глава 31

Наконец Адекор медленно и печально поковылял к выходу из зала Совета. Всё это было безумием. Безумием! Он потерял Понтера, и, будто это был недостаточно тяжёлый удар, его теперь ждёт трибунал. Доверие, которое он раньше чувствовал по отношению к судебной системе — о которой до сего дня он имел весьма смутное представление — рассыпалось в прах. Как они могут травить невиновного человека, перенёсшего такое горе?

Адекор прошёл по длинному коридору, стены которого украшали ряды портретов великих арбитров прошлого, мужчин и женщин, заложивших основы современного права. Был ли этот… этот *фарс* венцом из замысла? Он продолжал идти, не обращая внимания на других людей, мимо которых проходил, пока его взгляд не зацепился за пятно оранжевого цвета.

Болбай, всё ещё в цветах обвинения, на дальнем конце коридора. Она задержалась в здании Совета, вероятно, дожидаясь ухода эксгибиционистов, и теперь уходила сама.

Прежде, чем он сообразил толком, что делает, Адекор обнаружил, что бежит через коридор к ней; покрывающий пол ковёр мха заглушал топот его ног. Он догнал её как раз в тот момент, когда она шагнула в дверь в конце коридора, ведущей наружу, под тёплое предвечернее солнце.

— Даклар!

Даклар Болбай испуганно оглянулась.

— Адекор! — воскликнула она, выпучив на него глаза. Потом громко заговорила: — Тот, кто ведёт судебное наблюдение за Адекором Халдом, внимание! Он приблизился ко мне, своему обвинителю!

Адекор медленно покачал головой.

— Я не собираюсь причинять тебе вред.

— Как я имела возможность убедиться, — сказала Болбай, — твои действия не всегда совпадают с твоими намерениями.

— Это было много *лет* назад, — сказал Адекор, намеренно употребив слово, которое подчёркивало исключительную длительность промежутка времени. — Я никого не бил ни до того, ни после того.

— Но ты сделал это *тогда*, — сказала Болбай. — Ты сорвался. Ты ударил. Ты бил насмерть.

— Нет! Нет, я никогда не хотел Понтеру зла.

— Нам не следует разговаривать, — сказала Болбай. — Позволь мне откланяться. — Она повернулась.

Адекор протянул руку и схватил её за плечо.

— Нет, подожди!

Когда он снова увидел её лицо, на нём было выражение паники, однако она быстро успокоилась и со значением посмотрела на его руку, держащую её за плечо. Адекор отпустил её.

— Прошу, — сказал он. — Прошу, просто скажи мне, *почему*? Почему ты преследуешь меня с такой… как будто мстишь мне за что-то? За всё время, что знаем друг друга, я ни разу не сделал тебе дурного. Ты наверняка знаешь, что я любил Понтера, и что он любил меня. Ему бы не хотелось, чтобы ты вот так вот преследовала меня.

— Не строй из себя невинность, — сказала Болбай.

— Но я невиновен! Почему ты это делаешь?

Она просто качнула головой, развернулась и пошла прочь.

— Почему? — крикнул Адекор ей вслед. — *Почему?*

* * *

— Может быть, поговорим о вашем народе?

— предложила Мэри Понтеру. — До сих пор мы могли изучать неандертальцев лишь по ископаемым останкам. Было много споров по разным вопросам, таким как, скажем, для чего нужны ваши выступающие надбровные дуги.

Понтер моргнул.

— Они прикрывают глаза от солнца.

— Правда? — изумилась Мэри. — Да, думаю, это имеет смысл. Но тогда почему у моего народа их нет? В смысле, неандертальцы же эволюционировали в Европе, а мои предки пришли из Африки, где гораздо более солнечно.

— Мы тоже ломали над этим голову, — сказал Понтер, — когда исследовали останки глексенов.

— Глексенов? — повторила Мэри.

— Разновидность ископаемых гоминид в моём мире, на которую вы более всего походите. У глексенов не было надбровных дуг, так что мы предположили, что они вели ночной образ жизни.

Мэри улыбнулась.

— Я думаю, неверны очень многие из заключений, сделанных на основе исследований одних только костей. А скажите: что вы думали насчёт этого? — Она постучала указательным пальцем по подбородку.

Понтер смутился.

— Я теперь знаю, что это совершенно не так, но…

— Да? — ободрила его Мэри.

Понтер разгладил ладонью бороду, так, чтобы стала видна его челюсть без подбородка.

— У нас нет такого выступа, так что мы предположили…

— Что? — сказала Мэри.

— Мы предположили, что этот выступ удерживал стекающую слюну. У вас такая маленькая ротовая полость, мы думали, что из неё постоянно вытекает слюна. Также, поскольку у вас меньший объём мозга, чем у нас, а у, гм, идиотов часто капает слюна изо рта…

Мери рассмеялась.

— Какой ужас, — сказала она. — Кстати, раз речь зашла о челюстях: а что случилось с вашей?

— Ничего, — сказал Понтер. — Она такая, как всегда была.

— Я видела ваши рентгеновские снимки в больнице, — сказала Мэри. — На вашей нижней челюстной кости видны следы обширной реконструкции.

— Ах, *это*, — сказал Понтер, словно бы виновато. — Да, пару сот месяцев тому назад я получил

удар по лицу.

— И чем это вас ударило? — спросила Мэри. — Кирпичом?

— Кулаком, — ответил Понтер.

У Мэри отвисла её собственная челюсть.

— Я знала, что неандертальцы сильны, но… вау! И всё это одним ударом?

Понтер кивнул.

— Вам повезло, что вы остались живы, — сказала Мэри.

— Нам обоим повезло — и ударенному, и ударителю, если так можно выразиться.

— Но из-за чего вас ударили?

— Дурацкий спор, — сказал Понтер. — Конечно, он не должен был этого делать, и потом дико извинялся. Я решил не давать делу ход; если бы я это сделал, его обвинили бы в покушении на убийство.

— Он правда мог убить вас одним ударом?

— О да. Я успел среагировать и приподнять голову, так что удар пришёлся в челюсть, а не в середину лица. Если бы кулак попал туда, то бы проломил дыру в черепе.

— О ужас, — сказала Мэри.

— Он был зол, и я его спровоцировал. Мы оба были виноваты в равной мере.

— А вы… *вы* способны убить кого-нибудь голыми руками? — спросила Мэри.

— Конечно, — ответил Понтер. — Особенно если подойти сзади. — Он переплёл пальцы, поднял руки и изобразил удар сомкнутыми кулаками сверху вниз. — Если такой удар нанести сзади, человеческий череп расколется. Спереди же, если удастся нанести хороший удар кулаком или ногой в грудную клетку, я могу раздавить сердце.

— Но… но… не в обиду будь сказано, но обезьяны тоже очень сильны, но при этом редко убивают друг друга в драках.

— Это потому что в схватках за превосходство внутри группы действия обезьян ритуализированны и инстинктивны, и обычно они просто шлёпают друг друга — это работа на публику. Но вообще-то шимпанзе убивают других шимпанзе, хотя обычно пользуются для этой цели зубами. Сжимать пальцы в кулак способны только люди.

— О… ужас. — Мэри понимала, что повторяется, но не смогла придумать ничего другого, чтобы выразить сумму своих чувств. — У нас люди дерутся всё время. Некоторые даже превращают это в спорт: бокс, борьба, реслинг.

— Безумие, — сказал Понтер.

— Да, я согласна, — сказала Мэри. — Но они

почти никогда друг друга не убивают. То есть, я имею в виду, человек практически не способен убить другого человека голыми руками. Мы, я так думаю, просто недостаточно сильны для этого.

— В моём мире, — сказал Понтер, — ударить значит убить. Поэтому мы *никогда* друг друга не бьём. Насилие может закончиться смертью, поэтому мы просто не можем его допустить.

— Но вас ведь ударили, — сказала Мэри.

Понтер кивнул.

— Это было очень давно, когда я учился в Научной Академии. Я спорил так, как это делают лишь в юности, будто от победы в споре что-то зависит. Я видел, что мой оппонент приходит в ярость, но продолжал его донимать. И он отреагировал… неудачным образом. Но я его простил.

Мэри посмотрела на Понтера и представила себе, как он подставляет вторую свою длинную скошенную щёку ударившему его.

* * *

Адекор попросил компаньона вызвать ему транспортный куб, который отвёз его домой. И теперь он снова сидел на веранде, один, изучая судебную процедуру. Хотя передачи его компаньона и контролировались, однако он по-прежнему мог

им пользоваться, чтобы обратиться к накопленным человечеством знаниям и перенести часть из них на планшет для комфортного изучения.

Его партнёрша Лурт сразу же согласилась выступать от его имени на трибунале. Но хотя она и другие — в этот раз она сможет вызывать свидетелей — могут засвидетельствовать мирный характер Адекора и стабильность их отношений с Понтером, этого вряд ли хватит, чтобы убедить арбитра Сард и её коллег оправдать его. Так что он начал перерывать судебную историю в поисках других дел с обвинением в убийстве в отсутствие тела жертвы, в надежде, что решение по прежнему делу сможет ему помочь.

Первое такое дело, что ему попалось, слушалось давным-давно, во времена 17-го поколения. Обвинялся мужчина по имени Дасста, который якобы убил свою жену, незаметно пробравшись в Центр. Однако тело так и не было найдено: его партнёрша в один прекрасный день просто исчезла без следа. Трибунал постановил, что в отсутствие тела невозможно утверждать, что произошло убийство.

Адекора эта находка привела в восторг — пока он не углубился в изучение судебной процедуры.

Понтер и Адекор выбрали для веранды кресла

обычной — не слишком прочной — конструкции. Это было свидетельством непоколебимой уверенности понтера в то, что Адекор излечился, и его гнев никогда больше не выльется во вспышку насилия. Но Адекор был так расстроен тем, что прочитал, что в сердцах разломал подлокотник кресла ударом кулака — щепки так и полетели во все стороны. Юридические последствия, прочитал он, имеют лишь дела не старше десяти поколений; общество развивается, гласил «Кодекс Цивилизации», и то, что люди делали в далёком прошлом, в современном мире могло полностью утратить смысл.

Адекор продолжил поиски и в конце концов наткнулся на интригующее дело времён 140-го поколения — всего восемь поколений назад. Мужчина был обвинён в убийстве другого мужчины во время спора из-за того, что последний вырастил дом слишком близко к дому первого. Однако труп так и не был найден. В этом случае трибунал также решил, что отсутствия тела достаточно для прекращения преследования. Адекор снова обрадовался, но…

Но.

140-е поколение. Это период… посмотрим… от 1100 до 980 месяцев назад; от девяноста восьми до

семидесяти девяти лет назад. Однако компаньоны появились всего лишь около тысячи месяцев назад; сейчас как раз готовятся к празднованию юбилея.

Произошёл тот случай из 140-го до или после внедрения компаньонов? Адекор принялся уточнять.

До того. *Хрящ!* Болбай наверняка заявит, что то решение не имеет отношения к настоящему разбирательству. Разумеется, скажет она, трупы и даже живые люди запросто могли пропасть без следа в тёмные времена до того, как великий Лонвес Троб освободил нас, но дело, в котором *не могло* быть записи действий обвиняемого не может влиять на решение по делу, в котором обвиняемый подстроил ситуацию с целью *избежать* появления такой записи.

Адекор стал искать дальше. На мгновение он задумался о том, что хорошо бы, если бы были люди, специализирующиеся на разрешении всяких правовых вопросов от имени других; казалось бы, такой вклад был бы весьма ценным. Он с радостью обменялся бы трудом с кем-нибудь, кто провёл бы это исследование за него. Но нет; плохая идея. Само существование людей, которые полный день занимаются вопросами права, без

сомнения спровоцировало бы рост числа таких дел и…

Внезапно из дома выскочила Пабо и заливисто залаяла. Адекор посмотрел, на кого она лает, и его сердце, уже в который раз за эти дни, подпрыгнуло. Неужели?… Неужели?…

Но нет. Конечно, нет. И всё же это был некто, кого Адекор совершенно не ожидал сейчас увидеть — юная Жасмель Кет.

— Здравый день, — сказала она, подойдя на десять шагов.

— Здравый день, — ответил Адекор, стараясь не выдать голосом удивления.

Жасмель уселась на второе кресло, то, на котором обычно сидел её отец. Пабо хорошо знала Жасмель; Понтер часто брал собаку с собой в Центр, когда Двое становились Одним, и она явно обрадовалась, увидев знакомое лицо. Пабо тыкалась носом в колени Жасмель, а та ерошила рыжевато-коричневую шерсть у неё на макушке.

— Что случилось с креслом? — спросила Жасмель.

Адекор отвёл взгляд.

— Ничего.

Жасмель, по-видимому, решила не педалировать эту тему; в конце концов, всё и так было

очевидно.

— Лурт согласилась говорить от твоего имени? — просила она.

Адекор кивнул.

— Хорошо, — сказала Жасмель. — Я уверена, она сделает всё, что сможет. — Она какое-то время молчала, потом, снова взглянув на отломанный подлокотник, сказала: — Но…

— Да, — согласился Адекор. — Но.

Жасмель смотрела вдаль, на окружающую дом местность. На приличном расстоянии от дома спокойно и невозмутимо брёл мимо мамонт.

— Теперь, когда дело передано в трибунал, алиби-куб моего отца был перенесён в крыло мёртвых. Даклар провела весь день, просматривая эпизоды из него и готовясь к процессу против тебя. Это, конечно, её право, как обвинителя, говорящего от имени мёртвого человека. Но я настояла, чтобы она разрешила мне смотреть алиби отца вместе с ней. И я смотрела на вас с отцом, в последние дни перед его исчезновением. — Она подняла на него затуманенный взгляд. — Болбай не видит этого, но она ведь уже давно одна. Но я… я тебе рассказывала, что мной интересуется один молодой человек? Что бы ты там ни говорил про то, что я ещё ни с кем не связана, я *знаю*, как

выглядит любовь — и у меня нет ни малейшего сомнения в том, что ты на самом деле любил моего отца. Увидев тебя его глазами, я больше не могу верить в то, что ты мог нанести ему хоть какой-нибудь вред.

— Спасибо.

— Я могу… могу как-нибудь помочь тебе подготовиться к трибуналу?

Адекор печально покачал головой.

— Похоже, уже никто не сможет спасти меня и моих родных.

Глава 32

День шестой

Среда, 7 августа

148/118/29

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Журнал «Плейгёрл» прислал Понтеру Боддету письмо с предложением сняться для обложки обнаженным…

«Есть ли у него душа?» спрашивает Преподобный Питер Дональдсон из Церкви Христа Искупителя в Лос-Анджелесе. «Это ключевой вопрос. И я отвечаю: нет, у него нет души…»

«Мы считаем, что эта спешка с предоставлением Понтеру Боддету канадского гражданства затеяна с тем, чтобы он смог представлять Канаду на следующих Олимпийских играх, и мы призываем

МОК явным образом разрешить участие в соревнованиях только представителям *Homo sapiens sapiens*…»

Не пропустите: футболки с лицом Понтера Боддета. Имеются размеры S, M, L, XL, XXL и неандертальский.

Германское Общество Скептиков со штаб-квартирой в Нюрнберге заявило сегодня, что нет ни единой причины считать Понтера Боддета пришельцем из параллельного мира. «Эту версию мы примем в последнюю очередь, — заявил исполнительный директор Карл фон Шлегель, — и лишь после того, как иные, более простые теории окажутся неверными…»

Федеральная полиция сегодня арестовала трёх человек, пытавшихся проникнуть сквозь полицейские кордоны вокруг дома доктора Рубена Монтего в Лайвли, городке в 14 км к юго-западу от Садбери, в котором находится на карантине неандерталец…

Есть множество способов убить время, и похоже, что Рубен и Луиза нашли старейший из них. Мэри никогда не смотрела на Рубена под таким углом, но теперь, обдумав всё хорошенько, поняла, что он и в самом деле весьма симпатичен. Бритая голова была не в её вкусе, но у Рубена были приятные, чёткие черты лица, ослепительная улыбка, умный взгляд, он был поджар и довольно мускулист.

И, конечно, у него был этот очаровательный акцент. Но не только. Оказалось, что он бегло говорит по-французски, так что они с Луизой могли общаться на её родном языке. Плюс, судя по его дому и машине, он очень неплохо зарабатывал — что, впрочем, не удивительно для врача.

Просто находка, сказала бы сестра Мэри. Конечно, у Мэри было достаточно жизненного опыта, чтобы понимать, что после снятия карантина этим отношениям, скорее всего, суждено завершиться. И всё же она испытывала неловкость. Не из-за того, что была ханжой — ей нравилось думать, что это не так, несмотря на то, что росла «хорошей девочкой» в католическом семействе. Скорее, она опасалась, что у Понтера сложится превратное представление о сексуальных привычках в этом мире, что он может подумать,

будто от него теперь *ожидают*, что он вступит в связь с Мэри. А чьи-то ухаживания ей сейчас нужны были меньше всего.

Однако интрижка между Луизой и Рубеном действительно привела к тому, что Мэри стала больше времени проводить наедине с Понтером. Вскоре выяснилось, что дневное время Рубен и Луиза предпочитают проводить в подвале за просмотром фильмов из обширной коллекции Рубена, тогда как Мэри и Понтер оставались на первом этаже. И поскольку Рубен и Луиза теперь спали вместе, они реквизировали у Понтера двуспальную кровать. Мэри не знала, какими словами Рубен объяснил необходимость такого обмена, но Понтер теперь спал на диване в кабинете наверху, а гостиная оставалась в полном распоряжении Мэри.

Иногда по воскресеньям Мэри ходила к мессе. На этой неделе не пошла, хотя и могла — карантин был объявлен только в воскресенье вечером — и теперь жалела об этом.

К счастью, мессу можно посмотреть по телевизору; канал «Вижн-TV» ежедневно транслировал католическую мессу из одной из церквей Торонто. У Рубена был второй телевизор в кабинете наверху в дополнение к тому, что который они

с Луизой смотрели в подвале. Мэри поднялась в кабинет, чтобы посмотреть трансляцию церковной службы. Священник был одет в пышное зелёное одеяние. У него были седые волосы, но чёрные брови, а лицо заставило Мэри подумать о сухопаром Джине Хэкмене[28].

— …Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами, — провозгласил священник, монсиньор Де Фрис согласно подписи внизу экрана.

Мэри, сидя на диване, на котором по ночам спал Понтер, перекрестилась.

— Иисус послан был исцелить раскаявшихся, — произнёс Де Фрис. — Господи, помилуй.

Мэри вместе с собравшимися в церкви прихожанами повторила:

— *Господи, помилуй.*

— Он пришёл воззвать ко грешным, — сказал Де Фриз. — Христе, помилуй.

— *Христе, помилуй,* — повторила Мэри вместе со всеми.

— Он молится за нас одесную от Отца. Господи, помилуй.

---

[28] Примечания: 28

Джин Хэкмен (род. 1930) — американский киноактёр и писатель, впервые прославившийся главной ролью в фильме «Бонни и Клайд» (1969). *(Прим. перев.)*

— *Господи, помилуй.*

— Господи всемогущий, помилуй нас, — сказал Де Фриз, — прости нам грехи наши и дай нам жизнь вечную.

— *Аминь,* — сказали прихожане.

Чтение было из Книги Иеремии; читала чернокожая женщина с коротко остриженными волосами в пурпурном одеянии. Позади неё великолепное витражное окно изображало Иисуса с нимбом, апостолов и взирающую на них сверху Деву Марию. Мэри не могла сказать наверняка, почему ей захотелось прослушать мессу именно сегодня. В конце концов, не ей требовалось отпущение грехов…

Заиграл орган; молодой мужчина запел «Спаси меня, Господь, в твоей святой любви…»

Мэри не сделала ничего дурного. Она была жертвой.

Причастие продолжалось; теперь монсиньор читал из Евангелия от Луки:

— «Вели, чтобы оба мои сына сели один по правую, а другой по левую руку от Тебя в Твоем Царстве…»

Конечно, Мэри знала историю, которую декламировал священник — о женщине, которая молила Христа по дороге в Иерусалим; она помни-

ла контекст. Но слова продолжали эхом звучать у неё в голове: *оба мои сына сели один по правую, а другой по левую руку от Тебя…*

Возможно ли это? Возможно ли, чтобы два человечества мирно жили бок о бок? Каин был земледельцем; он выращивал зерно. Авель был скотоводом, он выращивал овец на заклание. Но Каин убил Авеля.

Священник теперь разливал вино.

— Благословен Ты, Господи, Боже вселенной; по щедрости Твоей Ты дал нам вино — плод лозы и трудов человеческих, — и мы приносим его Тебе, чтобы оно стало для нас питием спасения…

— Молитесь, братья и сёстры…

— Воистину достойно и праведно, должно и спасительно нам всегда и везде благодарить Тебя, Святой Отче, через Иисуса Христа, Сына Твоего Возлюбленного, посланного Тобою Спасителя нашего и Искупителя…

— Господь наш Отец, мы удалились далеко от Тебя, но через Сына Твоего вернул Ты нас…

— Поэтому молим Тебя: освяти эти дары силой Духа Твоего…

— Примите и вкусите от Него всё, ибо это есть тело Моё, которое за вас будет предано…

— Примите и пейте из неё все, ибо это есть чаша

крови Моей нового и вечного завета, которая за вас и за многих прольётся во отпущение грехов…

Как Мэри хотела оказаться сейчас в церкви с прихожанами, принимающими причастие. Когда церемония закончилась, она снова перекрестилась и встала.

И только тогда заметила Понтера Боддета, который стоял в дверях и смотрел на неё с приоткрытым от удивления бородатым ртом.

Глава 33

— Что это было? — спросил Понтер.

— Как долго вы здесь стоите? — набросилась на него Мэри.

— Некоторое время.

— Почему вы ничего не сказали?

— Не хотел вас тревожить, — ответил Понтер. — Вы казались такой… *поглощённой* происходящим на экране.

Мэри подумала, что, в каком-то смысле, узурпировала его комнату — она сидела на диване, на котором он спал. Понтер вошёл в кабинет Рубена и шагнул к дивану, видимо, собираясь сесть рядом с ней. Мэри отодвинулась на дальний от него край и оперлась спиной о мягкий диванный валик.

— И всё же, — сказал Понтер, — что это было?

Мэри слегка приподняла плечи.

— Церковная служба.

Компаньон Понтера загудел.

— Церковь, — пояснила Мэри. — Место для, гм… поклонения.

Снова гудок.

— Религия. Поклонение Богу.

Хак заговорила собственным, женским голосом.

— Простите, Мэре. Я не знаю значения ни одного из этих слов.

— Богу, — повторила Мэри. — Существу, сотворившему вселенную.

Какую-то секунду лицо Понтера сохраняло нейтральное выражение. Но потом, видимо, после того, как Хак закончила переводить, его золотистые глаза округлились. Она заговорил на своём языке, и Хак перевела мужским голосом:

— Вселенную никто не сотворял. Она существовала всегда.

Мэри нахмурилась. Она подумала, что Луиза, которая как раз поднималась по лестнице, ведущей в подвал, с удовольствием объяснила бы Понтеру теорию большого взрыва. Мэри же ответила лишь:

— Мы верим в другое.

Понтер покачал головой, но, по-видимому, решил не вдаваться в подробности. Однако же и уходить от темы не спешил.

— Тот человек, — сказал он, указывая на телевизор, — говорил про «жизнь вечную». Ваш народ владеет секретом бессмертия? У нас есть

специалисты по продлению жизни, и они давно пытаются найти способ…

— Нет, — сказала Мэри. — Нет-нет. Он говорит о Небесах. — Она подняла руку в предостерегающем жесте и успешно предотвратила очередной гудок Хак. — Небеса — это место, где мы предположительно будем существовать после смерти.

— Это оксюморон. — Мэри молча восхитилась мастерством Хак. Понтер на своём языке явно произнёс несколько слов, должно быть, что-то вроде «терминологическое противоречие», но компаньон сообразил, что в английском существует отсутствующий в неандертальском способ выразить эту мысль более коротко.

— Ну, — сказала Мэри, — не каждый человек на Земле — на этой Земле, понятное дело — верит в жизнь после смерти.

— Большинство?

— Ну… думаю, да.

— Вы?

Мэри нахмурилась, размышляя.

— Да. Полагаю, да.

— Основываясь на каких свидетельствах? — спросил Понтер. Тон его неандертальского голоса оставался нейтральным; он не насмехался.

— Ну, говорят, что… — она замолкла. Почему

она верила в это? Она — учёный, рационалист, человек, мыслящий логически. Конечно, её религиозное индоктринирование произошло задолго до того, как она получила биологическое образование… В конце концов она просто пожала плечами, понимая, что любой объяснение будет неадекватным. — Так записано в Библии.

Хак загудела.

— Библия, — сказала Мэри. — Святое Писание. — *Би-ип.* — Священный текст. — *Би-ип.* — Почитаемая книга, содержащая моральное учение. Первая её часть — общая у моего народа, называемого «христиане», и у другой крупной религии — иудеев. Во вторую часть верят только христиане.

— Почему? — спросил Понтер. — Что описывает вторая часть?

— В ней изложена история Иисуса, сына Божьего.

— А, да. Тот человек говорил о нём. Так… так у этого… создателя вселенной был сын-человек? Значит, Бог — тоже человек?

— Нет, нет, он бесплотен. У него нет тела.

— Как такое может быть?

— Мать Иисуса была женщина, Дева Мария. — Она помолчала. — Моё имя происходит от её.

Понтер качнул головой.

— Прошу прощения. Хак проделала изумительную работу, но здесь явно не справляется. Мой компаньон перевёл что-то из сказанного вами как «не имеющая сексуального опыта».

— Дева, именно так, — сказала Мэри.

— Но как дева может стать матерью? — спросил Понтер. — Это снова… — и Мэри услышала, как он произносит те же слова, которые Хак ранее перевела как «оксюморон».

— Иисус был зачат без сексуального контакта. Бог будто бы просто поместил его в её чрево.

— А другая фракция — иудеи, так вы их назвали? — она отвергает эту историю?

— Да.

— Они, похоже, менее… легковерны, я бы сказал. — Он посмотрел на Мэри. — Вы в это верите? В историю об Иисусе?

— Я — христианка, — сказала Мэри, убеждая в этом не столько Понтера, сколько себя. — Последовательница Иисуса.

— Понимаю, — сказала Понтер. — И вы также верите в существование жизни после смерти?

— На самом деле я верю в то, что настоящим средоточием личности является душа, — *би-ип*, — бестелесная версия личности, и эта душа по-

падает после наше смерти в одно из двух мест, где продолжает существовать. Если это был хороший человек, то его душа попадает на Небеса — в рай, в присутствие Господа. Если же человек был плохой, то его душа попадёт в Ад, — *би-ип,* — где подвергается пыткам, — *би-ип,* — мучениям бесконечно долго.

В этот раз Понтер долго молчал; Мэри пыталась прочитать выражение его лица. Наконец, он сказал:

— Мы — мой народ — не верим в жизнь после смерти.

— И что же, по-вашему, происходит после смерти? — спросила Мэри.

— Для того, кто умирает, ничего не происходит. Он прекращает быть, полностью и безвозвратно. Всё, чем он был, утрачивается навсегда.

— Это так печально, — сказала Мэри.

— Разве? — удивился Понтер. — Почему?

— Потому что приходится жить дальше без них.

— А вы можете общаться с теми, кто обитает в этой вашей жизни после смерти?

— Нет. Я не могу. Есть люди, которые утверждают, что могут, но их утверждения ничем не подкреплены.

— И почему я не удивлён? — сказал Понтер; интересно, где Хак умудрилась подхватить это выражение? — Но если у вас нет способов контактировать с жизнью после смерти, с этой обителью мёртвых, то почему вы в неё верите?

— Я никогда не видела параллельный мир, из которого вы явились, — сказала Мэри, — но я верю в его реальность. Да и вы сами больше не можете его видеть — но всё ещё продолжаете в него верить.

Хак снова заработала высший балл.

— Туше́, — сказала она, подытожив полдюжины сказанных Понтером слов.

Но откровения Понтера заинтриговали Мэри.

— Мы считаем, что мораль возникает из религии: из веры в существование абсолютного добра и из, гмм, так сказать, страха перед проклятием — попаданием в Ад.

— Другими словами, — сказал Понтер, — люди вашего вида ведут себя хорошо только потому, что иначе им угрожает наказание?

Мэри согласно качнула головой.

— Это Пари Паскаля, — сказала она. — Если вы верите в Бога, но он не существует, то вы почти ничего не теряете. Но если вы не верите, а он существует, то вы рискуете подвергнуться веч-

ным мукам. Учитывая вышесказанное, разумнее верить, чем не верить.

— Ах, — сказал Понтер; это междометие звучало на его языке так же, как и по-английски, так что Хак не трудилась его воспроизводить.

— Но послушайте, — сказала Мэри, — вы так и не ответили на мой вопрос о морали. Без Бога — без веры в то, что вы будете вознаграждены или наказаны после смерти — что лежит в основе морали вашего народа? Понтер, я провела с вами довольно много времени; я знаю, что вы хороший человек. Но что делает вас таким?

— Я веду себя так, а не иначе, потому что так правильно.

— По чьим стандартам?

— По стандартам моего народа.

— Но откуда взялись эти стандарты?

— Из… — И тут глаза Понтера расширились, став почти круглыми под изгибом лобной кости, словно узрел явление Христа народу — его светский аналог. — Из нашего убеждения в том, что жизнь после смерти не существует, — победоносно заявил он. — Вот что встревожило меня в ваших верованиях; теперь я это увидел. Наши убеждения недвусмысленны и согласуется со всеми наблюдаемыми фактами: жизнь человека

после смерти полностью завершена; после того, как он ушёл, с ними уже не помиришься и не отблагодаришь, равно как не существует ни малейшей возможности того, что, благодаря своей добродетельной жизни они теперь пребывают в раю, забыв о земных тревогах. — Он замолк и внимательно оглядел лицо Мэри, по-видимому, в поисках следов понимания.

— Вы ещё не поняли? — продолжал Понтер. — Если я обижу кого-нибудь — если я скажу ему что-то гадкое или, я не знаю, скажем, возьму принадлежащую ему вещь — в соответствии с вашим мировоззрением я смогу успокоить себя знанием о том, что после того, как человек умирает, с ним всё равно можно установить контакт; примирение по-прежнему возможно. Но согласно моему мировоззрению, как только человек умер — а это может случиться с каждым из нас в любой момент, из-за несчастного случая, или от разрыва сердца и так далее — то я, совершивший зло, буду вынужден жить с этим, зная, что существование обиженного мною человека завершилось, а я так и не попытался примириться с ним.

Мэри задумалась. Да, большинство рабовладельцев игнорировали эту проблему, но наверняка и в обществе, основанном на купле-продаже

людей, находились совестливые люди, испытывавшие угрызения… и неужели они успокаивали себя мыслью о том, что люди, с которыми они жестоко обращались, будут вознаграждены за свои страдания после смерти? Да, нацистские лидеры были воплощением зла, но как многим из их рядов, выполнявших приказ об истреблении евреев, удавалось спокойно спать по ночам благодаря вере в то, что убитые ими сегодня уже в раю?

Впрочем, это верно и в не таком драматическом контексте. Господь — великий компенсатор: если с тобой несправедливо обошлись при жизни, то после смерти тебе воздастся — фундаментальный принцип, позволявший родителям посылать своих детей умирать в бесчисленных войнах. И правда, ведь ничего страшного, что вы разрушили чью-то жизнь, потому что пострадавший может попасть прямиком на Небеса. О, вас самих могут упечь в Ад, но другим никакие ваши действия в конечном итоге не могут повредить. Земное бытие — лишь пролог; впереди — жизнь вечная.

И конечно же в этом бесконечном будущем существовании Господь воздаст за все обиды, которые причинили… *ей* в том числе.

И этот ублюдок, ублюдок, напавший на неё, будет гореть в Аду.

И ничего, что она так и не сообщила о преступлении; нет никакого способа избежать последнего суда.

Но… но…

— А как поступают в вашем мире? Что у вас делают с преступниками?

Би-ип.

— С людьми, которые нарушили закон, — пояснила Мэри. — С теми, кто намеренно нанёс другому вред.

— Ах, — сказал Понтер. — У нас с этим почти нет проблем, поскольку почти все плохие гены давно вычищены из нашего генофонда.

— *Что?* — воскликнула Мэри.

— Тяжкие преступления караются стерилизацией не только самого преступника, но и всех, у кого хотя бы половина генетического материала общая с ним: братья и сёстры, родители, дети. От этого двойной эффект. Во-первых, их дефектные гены исключаются из оборота, и…

— Как в обществе без сельского хозяйство вообще появилась генетика? К примеру, у нас она выросла из селекции растений и животных.

— Мы не разводим животных и растения для

еды, но мы одомашнили волков, чтобы они нам помогали на охоте. У меня самого есть собака Пабо, которую я очень люблю. Волки очень восприимчивы к селективному разведению; результат очевиден.

Мэри кивнула; звучало вполне правдоподобно.

— Вы сказали, что у стерилизации преступников двойной эффект.

— Ах, да. Кроме прямого исключения дефектных генов эта мера заставляет семью заботиться о том, чтобы никто из её членов не вступал в серьёзный конфликт с обществом.

— Да уж, надо полагать, — сказала Мэри.

— Конечно, — сказал Понтер. — Вы как генетик, разумеется, знаете, что единственным реально существующим видом бессмертия есть бессмертие генетическое. Жизнью движут гены, которые хотят обеспечить собственное воспроизводство. Поэтому наше правосудие касается генов, а не людей. Наше общество практически не знает преступлений, потому что система правосудия нацелена на то, что на самом деле движет жизнью: не на отдельных людей, не на обстоятельства, но на *гены*. Мы сделали так, что наилучшей стратегией выживания генов стало соблюдение закона.

— Ричард Докинз[29] одобрил бы, я полагаю, — сказала Мэри. — Но вы упомянули об этой… практике стерилизации в прошедшем времени. Её прекратили?

— Нет, но в наши дня в ней почти нет нужды.

— Она была настолько успешна? У вас больше нет серьёзных преступлений?

— Практически никто не совершает их из генетической предрасположенности. Существуют, конечно же, биохимические расстройства, ведущие к антисоциальному поведению, но их лечат медикаментозно. До стерилизации доходит крайне редко.

— Общество без преступности, — сказала Мэри, изумлённо качая головой. — Это, должно быть… — Она замолкла, задумавшись над тем, стоит ли так явно выражать своё восхищение. — Это просто *сказка*. — Потом нахмурилась. — Но наверняка многие преступления остаются нераскрытыми. Ну, то есть, если неизвестно, кто совершил преступление, то преступник останется ненаказанным, или, в случае биохимического расстройства, невылеченным.

---

[29] Примечания: 29

Ричард Докинз — английский этолог и эволюционный биолог, автор книги научно-популярной «Эгоистичный ген», которая освещала эволюцию с точки зрения генетики. *(Прим. перев.)*

Понтер моргнул.

— Нераскрытые преступления?

— Ну да. Когда полиция, — *би-ип*, — или кто у вас занимается поддержанием законности, не смогла установить, кто преступник.

— Таких преступлений не бывает.

Мэри почувствовала, как у неё напряглась спина. Как и большинство канадцев, она была против смертной казни из-за возможности казнить не того. Все канадцы несли бремя стыда за несправедливое заключение Гая Пола Морина, который десять лет гнил в тюрьме за убийство, которого не совершал; Дональда Маршалла-младшего, который провёл в заключении одиннадцать лет за убийство, которого тоже не совершал; Дэвида Милгаарда, просидевшего двадцать три года за изнасилование и убийство, в которых не был виновен. Кастрация была самым мягким из наказаний, которым она хотела бы подвергнуть того, кто её изнасиловал, но если бы из-за неё такое сотворили с непричастным человеком, как она смогла бы с этим жить? А дело Маршалла? Нет, бремя стыда за этот случай несли не все канадцы, а лишь *белые* канадцы. Маршалл принадлежал к племени микмак, и его заявления о невиновности были проигнорированы белыми судьями

просто потому, что исходили от *индейца*.

Впрочем, возможно, сейчас она думает скорее как атеист, а не как добрая католичка. Верующий обязан считать, что Милгаард, Морин и Маршалл получат воздаяние на Небесах, которое искупит всё, что им пришлось пережить на земле. В конце концов, собственный сын Господа был казнён несправедливо, даже по стандартам Римской Империи; Понтий Пилат не считал Христа виновным в преступлениях, в которых его обвиняли.

Но из рассказанного Понтером вырисовывалось что-то похуже Пилатова суда: жестокость стерилизации вкупе с абсолютной уверенностью в том, что виновный установлен со стопроцентной точностью. Мэри с трудом сдержала дрожь.

— Откуда вы знаете, что приговорённый действительно виновен? Вернее, откуда вы знаете, что *не* приговорили невиновного?

— По архивам алиби, — объяснил Понтер, как нечто совершенно очевидное.

— По *чему*?

Понтер, по-прежнему сидя на другом краю дивана в кабинете Рубена, поднял левую руку и повернул её так, чтобы внутренняя сторона запястья была повёрнута к ней. Мэри увидела компаньон со сменяющимися на нём чужими

цифрами.

— По архивам алиби, — повторил он. — Хак постоянно передаёт информацию о моём местоположении и трёхмерное изображение того, что меня окружает, и меня самого, того, что я делаю. Конечно, с тех пор, как я попал сюда, её сигналы до архива не доходят.

В этот раз Мэри не смогла подавить дрожь.

— Вы хотите сказать, что живёте в тоталитарном обществе? Что за вами постоянно наблюдают?

— Наблюдают? — бровь Понтера заползла на надбровный валик. — Нет-нет-нет. Никто не просматривает передаваемые данные.

Мэри озадаченно нахмурилась.

— Тогда что с ними происходит?

— Они записываются в мой архив алиби.

— А что это, собственно, такое?

— Компьютеризированное хранилище информации; куб из особого материала. Информация необратимо кодируется в его кристаллической структуре.

— Но если никто её не просматривает, тогда зачем?

— Я неправильно интерпретировала ваше слово «алиби»? — спросила Хак своим собствен-

ным, женским голосом. — Я понимаю алиби как доказательство того, что во время совершения преступления обвиняемый находился в другом месте.

— Э-э… да, — сказала Мэри. — Всё верно, это алиби.

— Ну так вот, — продолжала Хак, — архив Понтера является неопровержимым источником алиби для любого преступления, в котором его могут обвинить.

Мери почувствовала, как что-то переворачивается в её желудке.

— Боже мой… Понтер, то есть бремя доказательства невиновности лежит на вас самих?

Понтер мигнул, и Хак перевела его слова мужским голосом:

— А на ком же ещё?

— Здесь, в смысле, на нашей Земле, человек невиновен, пока его вина не доказана. — Уже произнося эти слова, Мэри сообразила, что есть много мест, где это не так, но решила не усложнять.

— И, как я понял, у вас нет ничего аналогичного нашим архивам алиби.

— Да. О, кое-где есть камеры наблюдения. Но они далеко не везде, и дома их точно практически никто не держит.

— И как же вы тогда устанавливаете виновность? Если у вас нет записи того, что происходило на самом деле, как вы можете быть уверены, что перед вами — тот самый, кто совершил преступление?

— Это я и имела в виду, говоря про нераскрытые преступления, — сказала Мэри. — Если мы не уверены… а часто мы не знаем даже, кого подозревать — то преступнику всё сходит с рук.

— Не могу сказать, что ваша система лучше, — дипломатично высказался Понтер.

— Но наша частная жизнь под защитой. Никто не заглядывает нам через плечо.

— Как и в нашем мире — по крайней мере, если вы не… не знаю слова. Тот, кто даёт другим видеть себя всего.

— Эксгибиционист? — предположила Мэри, удивлённо вскинув брови.

— Да. Их общественный вклад состоит в позволении другим просматривать трансляцию их компаньонов. У них специальные импланты с лучшим разрешением и большей дальностью, и они посещают всякие интересные места, так что другие люди могут видеть, что там происходит

— Но ведь, чисто теоретически, кто-нибудь может нарушить неприкосновенность чьей угодно

трансляции, даже не эксгибициониста.

— Зачем бы он стал это делать? — спросил Понтер.

— Ну, не знаю. Потому что может?

— Теоретически я могу пить мочу, — сказал Понтер, — но на деле никогда не испытывал такого желания.

— У нас есть люди, которые считают взлом систем защиты интересной задачей — особенно те, что разбираются в компьютерах.

— Это вряд ли можно назвать общественным вкладом.

— Вероятно, — сказал Мэри. — Но послушайте, что если обвиняемый в преступлении не захочет вскрывать свой этот… как вы его назвали?… свой архив алиби?

— Почему?

— Ну, я не знаю. Просто из принципа.

Понтер выглядел озадаченно.

— Или, — сказала Мэри, — потому что во время совершения преступления он занимался чем-то неприличным? — *Би-ип.* — Неприличным. Ну, тем, чего обычно стыдятся. — *Би-ип.*

— Возможно, это будет понятнее на примере? — сказал Понтер.

Мэри оттопырила губу, раздумывая.

— Ну… ладно, скажем, я… ну, вы понимаете, занималась, э-э… сексом с… скажем, с чужим мужем. Тот факт, что я это делала, даст мне алиби, но я не хотела бы, чтобы другие люди узнали об этом.

— Почему?

— Ну, потому что адюльтер, — *би-ип*, — это плохо.

— Плохо? — переспросил Понтер; Хак, видимо, всё же подставила какой-то перевод для незнакомого слова. — Почему это может быть плохо, кроме как в случае ложного признания отцовства? Кому причинён вред?

— Ну, э-э… я не знаю. В смысле, у нас адюльтер считается грехом. — *Би-ип.*

Мэри предвидела этот гудок. Если у вас нет религии, нет списка вещей, которые, не нанося никому вреда, тем не менее считаются предосудительными — употребление лёгких наркотиков, мастурбация, адюльтер, порнография — то вы, скорее всего, и не будете так ревностно относиться к сохранению тайны частной жизни. Люди настаивают на её соблюдении частично из-за существования в их жизни вещей, огласки которых они до смерти страшатся. Но в терпимом обществе, где преступлением являются лишь

те, что направлены против конкретной жертвы, огласка, возможно, не такое уж большое дело. И, конечно же, как недавно Понтер наглядно продемонстрировал, в таком обществе отсутствует табу на наготу — ещё одно явление сугубо религиозной природы — а также потребность запираться в туалете.

Мэри покачала головой. Все те жизненные ситуации, в которых ей было стыдно или неловко, когда она была рада, что никто не видит, чем она занимается: неужели ей было не по себе только из-за нарушения каких-то церковных эдиктов? Стыд от того, что она ушла от Кольма; стыд, который не давал ей потребовать развода; стыд от того, что в её жизни не было мужчины, а потребности никуда не делись; стыд греха… Понтер, как казалось, был свободен от этого; никогда не стыдится того, что доставляет ему удовольствие, если только это не вредит никому другому.

— Полагаю, ваша система может работать, — с сомнением в голосе сказала Мэри.

— Она работает, — ответил Понтер. — И учтите, что в случае серьёзных преступлений доступны два архива алиби: подозреваемого и жертвы. Жертва обычно приобщает свой архив к делу в качестве доказательства, и в большинстве случа-

ев преступник устанавливается тут же.

Мэри чувствовала одновременно восхищение и отвращение. И всё же…

Тот вечер в Йоркском…

Если бы всё записывалось, смогла бы она заставить себя показать запись кому-то другому?

Да, твёрдо ответила она себе. Да. Она не сделала ничего дурного, ничего такого, чего стоило бы стыдиться. Она — невинная жертва. Так говорилось во всех брошюрах, которые дала ей Кейша в центре помощи жертвам изнасилования, и она приложила все, абсолютно все свои силы, чтобы в это поверить.

Но… даже если бы записывалось все, что она видела, помогло бы это поймать чудовище? На нём была балаклава; она не видела его лица, хотя тысячи разных лиц с тех пор преследовали её в кошмарах. Кого бы она обвинила? Чей архив алиби суд постановил бы вскрыть? Мэри не имела ни малейшей зацепки, ни единого подозреваемого.

Что-то сжалось у неё внутри. Может быть, в этом и состоит проблема, которой народ Понтера сумел избежать — в том, что у нас слишком много потенциальных подозреваемых, слишком много тесноты, слишком много анонимности, слишком много злобных агрессивных… мужчин. Да,

мужчин. Каждого преподавателя её поколения особо ориентировали на использование гендерно-нейтрального языка. Но насильственные преступления совершаются преимущественно мужчинами.

И всё же она прожила свою жизнь в окружении добрых, приличных мужчин. Её отец, двое братьев, множество доброжелательных коллег, отец Калдикотт, а до него — отец Бельфонтэн, друзья, горстка любовников.

Какая часть мужского населения создаёт проблемы? Сколько процентов буйных, злобных, неспособных контролировать эмоции, неспособных противиться импульсам? Действительно ли их настолько много, чтобы их нельзя было… «вычистить», кажется, так выразился Понтер — какое доброе и оптимистичное слово — из генофонда человечества поколения назад?

Неважно, велик или мал процент буйных мужчин, подумала Мэри, всё равно их слишком много. Даже один такой ублюдок — это слишком много, и…

Вот и она уже думает, как народ Понтера. Генофонду и правда пошла бы на пользу небольшая терапевтическая чистка.

Да, не повредила бы.

Глава 34

Адекор Халд лежал на утопленном в пол ложе и смотрел на вделанный в потолок хрономер. Солнце уже несколько деци как взошло, но он так и нашёл причин для того, чтобы встать.

Что случилось в тот день в лаборатории квантовых вычислений? Что пошло не так?

Понтер не испарился, его не пожрало пламя, он не взорвался. Все эти процессы оставили бы немало следов.

Нет, если он прав и Понтера *перенесло* в иную вселенную… но…

Но это звучало дико даже для него самого; он вполне понимал, как возмутительно прозвучало подобное предположение для арбитра Сард. Но как ещё это объяснить?

Понтер исчез.

И на его месте появилось большое количество тяжёлой воды.

Предположим, думал Адекор, это был равный обмен: переместилась идентичная *масса*, но весьма различные *объёмы*. В конце концов, пропал не только Понтер; Адекор слышал шум врыва-

ющегося в вычислительную камеру воздуха, словно там образовалось разрежение. Но даже весь воздух в камере весил очень мало, тогда как жидкая вода — притом жидкая *тяжёлая* вода — пребывает в своём наиболее плотном из возможных состояний, более плотном, чем если бы она полностью замёрзла.

Значит, так: большой объём воздуха и один человек пропали из этой вселенной, а идентичная, но занимающая значительно меньший объём масса тяжёлой воды, появилась вместо них из… с *другой стороны*; именно это определение постоянно лезло Адекору в голову.

Но…

Но это значит, в этом же месте другой вселенной находится тяжёлая вода. А чистая тяжёлая вода в природе не встречается.

Что означает, что… *портал*, снова слово всплыло в голове непрошеным… так вот, портал должен открываться внутрь большого бака с тяжёлой водой. И если тяжёлая вода переместилась оттуда сюда, то Понтер переместился отсюда туда, из чего следовало…

Из чего следовало, что он, вполне вероятно, утонул.

На дне глубоких глазниц Адекора выступили

слёзы, словно собирающаяся в колодцах дождевая вода.

* * *

Понтер поёрзал на диване и снова посмотрел на Мэри.

— Архивы алиби не только раскрывают преступления, — сказал он. — У них есть и другие применения. К примеру, вчера по телевизору говорили, что двое туристов потерялись в Алгонкинском парке[30].

Мэри кивнула.

— В моём мире невозможно потеряться. Компаньон триангулирует сигналы с нескольких установленных на вершинах гор передатчиков и определяет ваше местоположение, а если вы ранены или, скажем, застряли под обвалом, то спасатели быстро найдут вас по сигналу компаньона. — Он поднял руку, очевидно, копируя виденный ранее жест Мэри, чтобы предупредить возражения. — Конечно, только арбитр может приказать, чтобы вас нашли таким способом, и только в том случае, если вы сами этого потре-

[30] Примечания: 30

Алгонкинский провинциальный парк — канадский национальный парк в провинции Онтарио между озером Гурон и рекой Оттава. *(Прим. перев.)*

буете путём посылки сигнала бедствия, либо по просьбе членов вашей семьи.

Заголовки, которые ей приходилось читать слишком часто, промелькнули у Мэри перед глазами:

«Полиция прекратила поиски»

«Пропавшая девочка не найдена; поисковые партии отозваны»

«Жертвы лавины считаются погибшими»

— Да, я думаю, такая система была бы очень полезна, — признала Мэри.

— Ещё бы, — уверенно ответил Понтер. — Компаньон также может послать сигнал бедствия сам, если вы окажетесь не в состоянии этого сделать. Он отслеживает ваши жизненные показатели, и если с вами случится инфаркт — или даже если вы окажетесь на грани инфаркта — он вызовет помощь.

У Мэри царапнуло на душе. Её отец умер от сердечного приступа, когда ей было восемнадцать. Она нашла его мёртвым, вернувшись из школы.

Понтер, очевидно, интерпретировал печаль на лице Мэри как сомнение.

— А всего за месяц до того, как я сюда попал, я куда-то засунул дождевик, который очень любил — это был подарок Жасмель. — Я был бы очень…

— *би-ип*; огорчён? — если бы он потерялся. Но я просто пришёл в павильон архива, где хранятся мои записи, и просмотрел события последних пары дней. Увидел, где я оставил дождевик, пошёл туда и забрал его.

Мэри, конечно, ненавидела бесчисленные часы, потраченные на поиски непонятно куда девающихся книг, студенческих работ, визитных карточек, ключей от квартиры и купонов, срок действия которых вот-вот истечёт. Возможно, вы ненавидите это ещё больше, если знаете, что ваше существование конечно; возможно, это знание способно заставить вас найти способ избегать этих бессмысленных потерь времени.

— Персональный чёрный ящик, — сказала Мэри, обращаясь скорее к себе, но Понтер всё равно ответил:

— На самом деле носитель информации скорее розовый. Мы используем специально обработанный гранит.

Мэри улыбнулась.

— Нет-нет. Чёрным ящиком у нас называют полётный регистратор — устройство, которое устанавливается на борту самолёта и записывает все показания приборов и разговоры в кабине, на случай, если самолёт разобьётся. Но идея о

персональном чёрном ящике для меня самой никогда меня не посещала. — Она помолчала. — А как он ведёт съёмку? — Мэри взглянула на запястье Понтера. — У него где-то там объектив?

— Да, но он используется только для того, чтобы рассматривать объекты за пределами радиуса восприятия компаньона. Компаньон использует сенсорные поля для записи окружения и своего носителя. — Понтер издал низкий звук — его аналог смешка. — Если бы записывалось лишь то, что компаньон видит в объектив, от этого было бы мало проку — в основном это были бы изображения моего левого бедра или внутренний вид левого кармана. А так, проигрывая свой архив, я вижу себя как бы с небольшого расстояния.

— Поразительно, — сказала Мэри. — У нас нет ничего подобного.

— Но ведь я видел продукты вашей науки, промышленности, — сказал Понтер. — Если бы вы сделали разработку подобной технологии приоритетным направлением…

Мэри насупилась.

— Да, возможно. Ну, то есть, мы ведь смогли одолеть путь от запуска первой ракеты в космос до полёта человека на Луну всего за двенадцать лет, и…

— *Повторите ещё раз.*

— Я говорю, когда нам по-настоящему приспичило послать человека на Луну…

— Луну, — повторил Понтер. — Вы говорите про луну *Земли*?

Мэри моргнула.

— Ага.

— Но… но… это же фантастика, — сказал Понтер. — Мы никогда не делали ничего подобного.

— Вы никогда не были на Луне? Не вы конкретно, а ваш народ? Ни один неандерталец не был на Луне?

Глаза Понтера стали круглыми.

— Нет.

— А на Марсе или других планетах?

— Нет.

— А спутники у вас есть?

— Только один, как и здесь.

— Нет, я имею в виду *искусственные* спутники. Необитаемые механизмы, которые летают над Землёй по орбитам, чтобы предсказывать погоду, обеспечивать связь и всякое такое.

— Нет, — сказал Понтер. — У нас ничего такого нет.

Мери на секунду задумалась. Без наследия Фау-2, без ракетных разработок второй мировой

войны, сумело бы человечество запустить в космос хоть что-нибудь?

— Мы запустили в космос… не знаю, сколько точно, но по меньшей мере несколько сотен аппаратов.

Понтер поднял взгляд к потолку, словно представляя себе недовольное лицо луны над крышей дома Рубена.

— Сколько людей живёт на Луне сейчас?

— Нисколько, — ответила захваченная врасплох Мэри.

— У вас нет там постоянного поселения?

— Нет.

— То есть, люди просто прилетают посмотреть на Луну, а потом возвращаются на Землю? И сколько бывает там за месяц? Это популярное занятие?

— Гмм, нисколько. Никто не был на Луне уже… да, похоже, уже тридцать лет. На Луне побывало всего двенадцать человек. Шесть групп по два человека.

— Почему вы прекратили туда летать?

— Это сложный вопрос. Не в последнюю очередь из-за денег.

— Могу себе представить, — сказал Понтер.

— И ещё из-за политической ситуации. Видите

ли, мы… — Она на мгновение замолчала. — Это трудно объяснить. Мы называем это «Холодная война». Настоящих военных действий не было, но Соединённые Штаты и другая большая страна, Советский Союз, находились в состоянии серьёзного идеологического конфликта.

— Из-за чего?

— Гмм, из-за устройства экономики, я полагаю.

— Вряд ли стоит драться из-за такого, — сказал Понтер.

— В те времена это казалось очень важным. Так вот, президент Соединённых Штатов в, если не путаю, 1961 году поставил цель высадить человека на Луне к концу десятилетия. Видите ли, русские — народ, населяющий Советский Союз — они первыми запустили в космос искусственный спутник, а потом первыми запустили в космос человека, а США отставали, и вот таким образом решили отыграться.

— И получилось?

— О да. Русские так и не смогли полететь на Луну. Однако после того, как мы опередили русских, то почти сразу потеряли к Луне интерес.

— Это смешно… — начал Понтер, но оборвал себя. — Нет, прошу меня простить. Полёт на Луну — это великое достижение независимо от

того, сделали вы это единожды или тысячу раз — это всё равно достойно восхищения. — Он помолчал. — Думаю, это просто вопрос выбора приоритетов.

Глава 35

Мэри и Понтер спустились вниз, собираясь чего-нибудь поесть. Только они вошли в кухню, из подвала появились Рубен с Луизой. Рубен улыбнулся Понтеру.

— Ещё барбекью?

Понтер улыбнулся в ответ.

— Неплохо бы. Но вы должны позволить мне помогать.

— Я вам покажу, что делать, — сказала Луиза. Она похлопала Понтера по руке. — Идёмте со мной, мой великан.

Мэри неожиданно для себя самой возразила:

— Вы же сказали, что вегетарианка.

— Так и есть, — ответила Луиза. — Пять лет уже. Но я знаю, как готовить барбекью.

Мэри очень захотелось пойти с ними, когда Понтер и Луиза вышли через стеклянную дверь на террасу. Но… нет, это будет совсем глупо.

Луиза задвинула за собой стеклянную дверь, чтобы кондиционированный воздух не выходил наружу.

Рубен тем временем освобождал кухонный

стол. Имитируя голос старой еврейки-сплетницы, он спросил:

— Ну что, о чём вы детки болтали?

Мэри всё ещё смотрела через стеклянную дверь на улицу, на Луизу, которая, смеясь и откидывая со лба волосы, объясняла устройство мангала, и на Понтера, внимающего каждому её слову.

— Гмм, по большей части о религии, — ответила Мэри.

— Правда? — удивился Рубен уже своим собственным голосом.

— Ага, — сказала Мэри. Она, наконец, оторвала взгляд от сцены на террасе и посмотрела на Рубена. — Или, точнее, об отсутствии религии у неандертальцев.

— Но я думал, что у неандертальцев была религия, — сказал Рубен, доставая из шкафа несколько белых кореллевских тарелок[31]. — Культ пещерного медведя и всё такое.

Мэри покачала головой.

— Вы читали старые книжки. Сейчас это никто не воспринимает всерьёз.

— Правда?

— Точно. О, черепа пещерных медведей дей-

---

[31] Примечания: 31

Corelle — американская марка небьющейся посуды из специальной керамики. *(Прим. перев.)*

ствительно находили в одной пещере, в которой жили неандертальцы. Но сейчас считается, что медведи попросту умерли в этой пещере, вероятно, во время спячки, а неандертальцы потом поселились в ней.

— Но разве черепа не были расставлены регулярным образом?

— Ну, — сказала Мэри, достав из ящика вилки и ножи и раскладывая их на столе, — тот, кто их нашёл, утверждал, что они лежали в каменных яслях или гробу. Но он не сделал ни одной фотографии, рабочие якобы уничтожили гроб, а две зарисовки, выполненные археологом, неким Белчером, полностью противоречат друг другу. Нет, скорее всего Белчер увидел то, что хотел увидеть.

— О, — сказал Рубен, роясь в холодильнике в поисках ингредиентов для салата. — А что насчёт захоронений неандертальцев вместе с вещами, которые усопшему могут понадобиться в следующей жизни? Разве это не зачатки религии?

— Это были бы зачатки, — сказала Мэри, — если бы неандертальцы действительно так делали. Но в местах, где живут на протяжении поколений, всегда накапливается мусор — кости, старые каменные инструменты и прочее. Те немногие

вещи, которые были найдены захороненными вместе с неандертальцами, оказались таким мусором, который мог попасть в могилу случайно.

Рубен обрывал листья с огромного кочана латука.

— Но разве сам по себе обычай хоронить мёртвых не подразумевает веру в загробную жизнь?

Мэри оглядела кухню в поисках ещё чего-нибудь, с чем она могла бы помочь, но ничего не нашла.

— Возможно, — сказала она, — но так же возможно, что таким образом они просто избавлялись от трупов. Множество неандертальских трупов было найдено в скрюченной эмбриональной позе. Это может быть частью погребальной церемонии, но может также быть следствием желания того, кто копал могилы, сделать их поменьше размером. Трупы привлекают падальщиков, и кроме того, воняют, если их бросить валяться просто так.

Рубен нарезал зелень.

— Но… я читал, что неандертальцы будто бы были первыми детьми цветов.

Мэри засмеялась.

— Ах, да. Пещера Шанидар в Ираке, где трупы неандертальцев были засыпаны цветочной

пыльцой.

— Точно, — сказал Рубен. — Словно их похоронили с цветочными гирляндами или вроде того.

— Простите, но этот миф тоже развеяли. Пыльца в могилах оказалась случайной интрузией, её туда занесли норные грызуны или вода, просачивавшаяся сквозь отложения.

— Но… минуточку! А как же неандертальская флейта! Это ж было на первых полосах всех газет.

— Да, — сказала Мэри. — Обнаружена Иваном Турком в Словении: трубчатая кость медведя с четырьмя отверстиями.

— Точно-точно. Флейта!

— Боюсь, что нет, — сказала Мэри, облокачиваясь на огромный двустворчатый холодильник. — Оказалось, что кость прокушена глодавшим её хищником — вероятно, волком. И, как это типично для газет, *это* открытие не попало на первые полосы.

— Это уж точно. Я об этом впервые слышу.

— Я была на том съезде Палеоантропологического общества в Сиэтле в девяносто восьмом, где Новелл и Чейз представили свою работу, дискредитирующую флейту. — Мэри помолчала. — Нет, всё действительно выглядит так, как будто до

самого конца неандертальцы — по крайней мере, в нашей версии истории — не имели ничего, что мы могли бы назвать религией, да и просто культурой, если уж на то пошло. В позднейшие времена перед самым исчезновением наблюдается небольшое разнообразие изготовляемых или орудий, но большинство палеоантропологов считает, что неандертальцы пытались имитировать технику кроманьонцев, которые в то время уже жили по соседству. Кроманьонцы — это наши несомненные предки.

— Кстати, о кроманьонцах, — сказал Рубен, — что там слышно о скрещивании между неандертальцами и кроманьонцами? Я вроде читал о находке гибрида, кажется в 1998.

— Да, в Португалии; Эрик Тринкаус помешан на этой находке. Но видите ли, он физический антрополог, а я — генетик. Его теория всецело основывается на детском скелете, который, по его мнению, демонстрирует гибридные характеристики. Но у него нет черепа, а череп — это единственная часть скелета, по которой можно достоверно опознать неандертальца. По-моему, тот скелет мог принадлежать просто коренастому ребёнку.

— Хмм, — сказал Рубен. — Но знаете, я ведь

встречал людей, которые выглядят довольно похоже на Понтера. Я имею в виду, обличьем, а не цветом. У восточноевропейцев, к примеру, часто большие носы и надбровные дуги заметнее. У них не может быть примеси неандертальских генов?

Мэри пожала плечами.

— Я знаю палеоантропологов, доказывающих, что так оно и есть. Но в целом пока неизвестно, могли ли люди нашего вида скрещиваться с неандертальцами.

— Ну, — сказал Рубен, — если вы и дальше будете проводить столько времени с Понтером, то, возможно, сумеете это выяснить.

Рубен стоял достаточно близко, и она хлопнула его ладонью по руке.

— Прекратите! — сказала она. Но поскольку она тут же отвернулась в сторону гостиной, Рубен не видел, что она улыбается от уха до уха.

* * *

Жасмель Кет появилась у дома Адекора около полудня. Адекор был удивлён и обрадован её приходом.

— Здравый день, — сказал он.

— И тебе того же, — ответила Жасмель, наклоняясь, чтобы почесать Побо за ухом.

— Хочешь есть? — спросил Адекор. — Мясо? Сок?

— Нет, не надо, — сказала Жасмель. — Я сегодня много читала на судебные темы. Ты не думал ещё о встречном иске?

— Встречном иске? — повторил Адекор. — Против кого?

— Против Даклар Болбай.

Адекор отвёл Жасмель в дом. Он уселся на стул, она взяла второй.

— В чём я её обвиню? — сказал Адекор. — Она мне ничего не сделала.

— Она помешала тебе скорбеть по утраченному партнёру…

— Да, — согласился Адекор. — Но это наверняка не преступление.

— Точно ли? — сказала Жасмель. — Что Кодекс Цивилизации говорит о вмешательстве в чужую жизнь?

— Много чего, — сказал Адекор.

— Я думаю о той части, в которой говорится, что «не должно потакать необоснованным нападкам; цивилизация функционирует благодаря тому, что мы используем всю её мощь против отдельного человека лишь в наиболее вопиющих случаях».

— Она обвинила меня в убийстве. Трудно придумать более «вопиющий» случай.

— Но у неё не было против тебя ни единой прямой улики, — сказала Жасмель. — Это делает её действия недостаточно необоснованными — вернее, таковыми их может посчитать арбитр.

Адекор покачал головой.

— Не думаю, что на Сард этот аргумент произведёт впечатление.

— Да, но Сард не может слушать встречный иск; таков закон. Ты будешь выступать перед другим арбитром.

— Правда? Тогда, возможно, стоило бы попробовать. Но… но моя цель не затянуть этот процесс, а поскорее его закончить, чтобы освободиться от судебного надзора и вернуться в лабораторию.

— О, я согласна, что выдвигать встречный иск тебе не стоит. Но предположение о том, что ты мог бы это сделать, возможно, помогло бы тебе добиться правды.

— Правды? Какой правды?

— Правды о том, почему Даклар так настойчиво тебя преследует.

— Так ты знаешь, почему? — спросил Адекор.

Жасмель опустила глаза.

— Я не знала до сегодняшнего дня, но…

— Но что?

— Я не могу тебе сказать. Если ты это узнаешь, то только от самой Даклар.

Глава 36

Рубен, Луиза, понтер и Мэри сидели вокруг стола у Рубена на кухне. Все, кроме Луизы, ели гамбургеры; перед Луизой стояла тарелка салата.

По-видимому, в мире Понтера было принято есть руками в перчатках. Понтер не любил пользоваться столовыми приборами, и гамбургер оказался приемлемым компромиссом. Он не ел булочку, но пользовался ею, как ухваткой: выдвигал мясо между её половинками и откусывал высунувшуюся часть.

— Стало быть, Понтер, — сказала Луиза, заводя разговор, — вы живёте один? Я имею в виду, в вашем мире.

Понтер покачал головой.

— Нет. Я жил с Адекором.

— Адекор, — повторила Мэри. — Так звали того, с кем вы вместе работали.

— Да, — сказал Понтер. — Но он также мой партнёр.

— В смысле, ваш бизнес-партнёр? — сказала Мэри.

— Ну, это тоже, я полагаю. Но он также мой

«партнёр»; мы это так называем. Мы живём в одном доме.

— А, — сказала Мэри. — Вы соседи.

— Да.

— Вы делите расходы и обязанности.

— Да. И еду, и постель, и…

Мэри обозлилась на себя за то, как подпрыгнуло при этих словах её сердце. Она была знакома со многими геями; просто ей было привычнее, когда они выходили из шкафов[32], а не выпрыгивали из межпространственных порталов.

— Так вы гей! — воскликнула Луиза. — Круто!

— На самом деле дома я был счастливее[33], — ответил Понтер.

— Нет-нет-нет, — сказала Луиза. — Не счастливый. *Гей.* Гомосексуалист. — *Би-ип.* — Тот, кто вступает в сексуальные отношения с лицами того же пола: мужчина, который занимается сексом с другими мужчинами, или женщина, которая занимается сексом с другими женщинами.

Понтер выглядел более озадаченно, чем когда

---

[32] Примечания: 32

«Выйти из шкафа» (come out of the closet) означает открыто признаться в своей гомосексуальной ориентации, перестать её скрывать. *(Прим. перев.)*

[33] Примечания: 33

Английское слово gay дословно означает «весёлый, радостный». *(Прим. перев.)*

бы то ни было раньше.

— Невозможно заниматься сексом с представителем того же пола. Секс — это потенциально репродуктивный акт, который требует участия самца и самки.

— Ну, ладно, секс не в смысле полового акта, — сказала Луиза, — а в смысле интимного контакта, ну вы знаете — скажем так, нежное соприкасание… гениталий.

— О, — сказал Понтер. — Да. Мы с Адекором это делали.

— Вот это у нас и значит быть гомосексуалистом, — сказал Рубен. — Когда имеют подобные контакты только с представителями своего пола.

— Только? — удивлённо переспросил Понтер. — В смысле, исключительно? Нет-нет-нет. Адекор и я живём вместе, пока Двое Порознь, но когда Двое становятся Одним, мы, конечно же имели… Лу, как вы это назвали? — нежное соприкосновение гениталий каждый со своей женщиной… ну, в моём случае так было до того, как Кластт, моя женщина, умерла.

— Ах, — сказала Мэри. — Вы бисексуал. — *Би-ип*. — Вы совершаете генитальные контакты как с мужчинами, так и с женщинами.

— Да.

— В вашем мире все такие? — спросила Луиза, вонзая вилку в горку салата. — Бисексуальные?

— Практически. — Понтер моргнул; до него, наконец, дошло. — Вы хотите сказать, что тут по-другому?

— О, да, — сказал Рубен. — По крайней мере, для большинства людей. То есть, конечно, среди нас есть какое количество бисексуалов и довольно много геев — гомосексуальных людей. Но подавляющее большинство гетеросексуальны. Это значит, что они вступают в интимную связь лишь с представителями противоположного пола.

— Как скучно, — сказал Понтер.

Луиза захихикала. Потом, успокоившись, сказала:

— И что же, у вас есть дети?

— Две дочери, — сказал Понтер, кивнув. — Жасмель и Мегамег.

— Красивые имена, — сказала Луиза.

Понтер погрустнел, очевидно, вспомнив, что, скорее всего, никогда больше их не увидит.

Рубен, очевидно, догадался об этом и попытался перевести разговор на менее личную тему.

— Так что это за Двое, которые становятся Одним, которых вы упомянули? О чем это вообще?

— В моём мире мужчины и женщины большую

часть времени живут отдельно…

— Бинфорд! — воскликнула Мэри.

— Нет, это не так, — запротестовал Понтер.

— Нет-нет, это не ругательство, — объяснила Мэри. — Это имя человека. Льюис Бинфорд — антрополог, у которого была как раз такая теория: что неандертальские мужчины и женщины на нашей версии Земли жили отдельно друг от друга. Он сделал такой вывод по результатам раскопок в Комб-Греналь во Франции.

— Он был прав, — сказала Понтер. — Женщины живут в Центрах наших территорий, мужчины — на Окраинах. Но раз в месяц мы, мужчины, приходим в Центр и проводим четыре дня с женщинами; в это время, как мы говорим, «Двое становятся Одним».

— *Фи-еста!* — воскликнула Луиза, широко улыбаясь.

— Поразительно, — сказала Мэри.

— Это необходимо. Мы не производим еду так, как это делаете вы, поэтому должны держать численность населения под контролем.

Рубен посерьёзнел.

— Так эти «Двое становятся Одним» имеют какое-то отношение к контролю рождаемости?

Понтер кивнул.

— И к этому тоже. Дни встреч утверждаются Верховным Серым советом — собранием старейшин, нашим руководящим органом — так что обычно Двое становятся Одним, когда женщины неспособны зачать. Но когда приходит время произвести на свет новое поколение, даты сдвигаются, и мы встречаемся с женщинами тогда, когда шансы забеременеть максимальны.

— Господи, — сказала Мэри. — Целая планета на календарном методе. Ватикан будет от вас без ума. Но… но как это может работать? То есть, это что же, у всех женщин период — в смысле, менструация — наступает в одно и то же время?

Понтер моргнул.

— Конечно.

— Но как это воз… а, поняла. — Мэри улыбнулась. — Этот ваш нос — он ведь очень чувствительный, правда?

— Всегда считал его совершенно обычным.

— Но он наверняка гораздо чувствительнее наших. Носов, я имею в виду.

— Ну да, у вас носы действительно *очень* маленькие, — согласился Понтер. — Мне от них даже становится немного не по себе — всё время кажется, что вы сейчас задохнётесь. Хотя я заметил, что многие из вас дышат ртом, возможно,

как раз поэтому.

— Мы всегда полагали, что неандертальцы эволюционировали, приспосабливаясь к условиям оледенения, — сказала Мэри. — Мы считали, что ваши большие носы позволяли вам увлажнять холодный воздух перед тем, как он попадёт в лёгкие.

— Наши учёные, которые изучают древних людей, считали точно так же, — сказал Понтер.

— С тех пор, как эволюция создала ваши носы, климат существенно потеплел, — сказала Мэри. — Но вы сохранили эту особенность, вероятно, по причине благоприятного побочного эффекта: большой нос — это ещё и более острый нюх.

— Более острый? — усомнился Понтер. — Ну, я, конечно, различаю запахи каждого из вас, и запах разных продуктов на кухне, и цветов во дворе, и той вонючей штуки, которую Рубен и Лу жгли в подвале, но…

— Понтер, — прервал его Рубен, — для нас вы вообще не пахнете.

— Правда?

— Правда. Нет, если я засуну нос к вам под мышку, то наверняка что-то учую, но в обычных обстоятельствах люди не различают запахов других людей.

— Как же вы находите друг друга в темноте?

— По голосу, — ответила Мэри.

— Очень необычно, — сказал Понтер.

— Но вы можете не только обнаружить чьё-то присутствие, правда ведь? — сказала Мэри. — В тот раз, когда вы странно на меня посмотрели. Вы ведь… — Мэри запнулась. Но Луиза — женщина, а Рубен — доктор, так что чего уж там. — Вы заметили, что у меня период, ведь так?

— Да.

Мэри кивнула.

— Даже женщины нашего вида, к примеру Луиза и я, если они живут вместе достаточно долго, могут синхронизировать свои менструальные циклы — а у нас обоняние, считай, отсутствует. Я думаю, что вполне возможно, чтобы все женщины жили по одному циклу.

— Никогда даже и не думал, что может быть по-другому, — сказал Понтер. — Меня очень удивило, когда я заметил, что у вас наступила менструация, а у Лу — нет.

Луиза нахмурилась, но ничего не сказала.

— Так, — сказал Рубен, — кто-нибудь хочет чего-нибудь ещё? Понтер, ещё кока-колы?

— Да, — сказал Понтер. — Спасибо.

Рубен поднялся.

— Вы знаете, что в этом напитке кофеин? — спросила Мэри. — Может вызвать привыкание.

— Не беспокойтесь, — ответил Понтер. — Я выпиваю всего семь или восемь баночек в день.

Луиза рассмеялась и снова принялась за салат.

Мэри откусила ещё кусочек гамбургера; кружок лука хрустнул на зубах.

— Но погодите, — торопливо сказала она сразу, как только проглотила. — Ведь это значит, что ваши женщины не скрывают овуляцию.

— Ну, она скрыта от *глаз*… — сказал Понтер.

— Да, но… знаете, я вела совместный курс с кафедрой женских исследований: «Биология доминирования в сексуальных отношениях». Мы предполагали, что скрытая овуляция — это ключевое свойство, благодаря которому самка получает постоянную заботу и защиту от самца. Ну, вы знаете: если вы не способны понять, когда самка фертильна, то лучше быть внимательным всё время, иначе станете рогоносцем.

Хак загудела.

— Рогоносцем, — повторила Мэри. — Это такая метафора. Означает мужчину, который тратит энергию и силы на выращивание детей, зачатых другим. Но в условиях скрытой овуляции…

Понтер оглушительно захохотал; Массивная

грудная клетка и глубокая ротовая полость создавали басовитые громоподобные раскаты.

Мэри и Луиза недоумённо посмотрели на него.

— Что такого смешного? — спросил Рубен, ставя перед Понтером новую банку кока-колы.

Понтер поднял руку; он пытался перестать смеяться, но у него ничего не получалось. В уголках его глубоко сидящих глаз выступили слёзы, а обычно бледное лицо отчётливо покраснело.

Мэри, по-прежнему сидя за столом, положила руки на бёдра — и тут же смутилась своей реакции; в языке тела руки на бёдрах означали увеличение видимого размера с целью запугивания. Но Понтер был настолько кряжистей и мускулистее любой женщины, да и почти любого мужчины, что такая попытка выглядела смехотворной.

— Так что смешного? — спросила она.

— Простите, — сказал Понтер, приходя в себя. Своим невероятно длинным большим пальцем он вытер с глаз слёзы. — Просто у вашего народа иногда такое смешные идеи. — Он улыбнулся. — Говоря о скрытой овуляции, вы имеете в виду, что у человеческих женщин не она не сопровождается вздутием гениталий?

Мэри кивнула.

— Как у шимпанзе и бонобо, а также горилл и большинства других приматов.

— Но у людей вздутие гениталий пропало не для того, чтобы скрыть факт овуляции, — сказал Понтер. — Оно пропало тогда, когда перестало быть эффективно в качестве сигнала. Когда климат стал холоднее, и люди начали носить одежду. Такой тип визуальной сигнализации, базирующийся на напитывании тканей жидкостью, требует значительных энергозатрат; он потерял своё значение, когда мы начали укрывать свои тела шкурами животных. Но — по крайней мере, у моего народа — факт овуляции по-прежнему легко устанавливается с помощью обоняния.

— Вы можете учуять овуляцию так же, как и менструацию? — спросил Рубен.

— Связанные с нею… химические вещества.

— Феромоны, — подсказал Рубен.

Мэри медленно кивнула.

— Получается, — сказала она, скорее для себя, чем для Понтера, — что самцы могут удалиться на неделю и больше, не беспокоясь о том, что их самки забеременеют от кого-то другого.

— Точно так, — сказал Понтер. — Но не только это.

— Да? — сказала Мэри.

— Мы считаем, что причиной того, что наши предки-мужчины «уходили в лес» — думаю, у вас тоже должна быть похожая метафора — было то, что женщины становились весьма неприятны во время Последних Пяти.

— Последних Пяти? — переспросила Луиза.

— Последние пять дней месяца перед самым началом нового цикла.

— О, — догадался Рубен. — ПМС. Предменструальный синдром.

— Да, — сказал Понтер. — Но, конечно, это не настоящая причина. — Он слегка повёл плечами. — Моя дочь Жасмель изучает историю до начала отсчёта поколений, она мне объяснила. На самом деле было вот что. Мужчины постоянно дрались за доступ к женщинам. Но, как заметила Мэре, доступ к женщинам эволюционно значим только в течение той части каждого месяца, когда женщина может забеременеть. Поскольку циклы всех женщин синхронизированы, мужчины гораздо лучше ладили друг с другом, живя отдельно на протяжении большей части месяца, и появляясь всей толпой в критический для производства потомства период. Не женская раздражительность породила такое поведение, а мужская склонность к насилию.

Мэри кивнула. С тех пор, когда она вела тот курс, минули годы, но всё выглядело донельзя типично: мужчины создают проблемы и обвиняют в них женщин. Мэри не знала, встретится ли когда-нибудь хоть с одной женщиной из мира Понтера, но уже сейчас ощущала несомненное сродство со своими неандертальскими сёстрами.

Глава 37

— Здравый день, Даклар, — сказала Жасмель, входя в дом. Хотя Жасмель Кет и Даклар Болбай жили в одном доме, они почти не разговаривали со дня *доосларм басадларм*.

— Здравый день, — холодно ответила Болбай. — Если ты… — её ноздри расширились. — Ты не одна.

За спиной Жасмель в дом вошёл Адекор.

— Здравый день, — сказал он.

Болбай посмотрела на Жасмель.

— Опять какое-то коварство, дитя?

— Не коварство, — сказала Жасмель. — Беспокойство. За тебя и за моего отца.

— Чего вы хотите от меня? — спросила Болбай, пристально вглядываясь в Адекора.

— Правды, — ответил он. — Только правды.

— О чём?

— О тебе. О том, почему ты преследуешь меня.

— Не я нахожусь под следствием, — сказала Болбай.

— Нет, — согласился Адекор. — Пока нет. Но это легко изменить.

— О чём ты говоришь?

— Я готов передать тебе собственный пакет документов, — сказал Адекор.

— На каком основании?

— На основании того, что ты незаконно вмешиваешься в мою жизнь.

— Это смехотворно.

— Да? — Адекор пожал плечами. — Это решать арбитру.

— Это очевидная попытка затянуть процесс, который приведёт к твоей стерилизации, — сказала Болбай. — Очевидная каждому.

— Если всё это настолько нелепо и очевидно — арбитр отклонит мой иск. Но не раньше, чем даст мне возможность допросить тебя.

— Допросить меня? О чём?

— О твоих мотивах. О том, за что ты так на меня взъелась.

Болбай посмотрела на Жасмель.

— Это твоя идея, не так ли?

— Так же, как и идея до подачи иска прийти сюда, — сказала Жасмель. — Это семейное дело: ты, Даклар — партнёрша моей матери, а Адекор — партнёр моего отца. Смерть моей мамы далась тебе очень нелегко — как и всем нам.

— Смерть Класт тут совершенно ни при чём!

— вскинулась Даклар. — *Ни при чём!* — Она посмотрела на Адекора. — Всё дело только в нём одном.

— Почему? — спросил Адекор. — Какое дело?

Болбай тряхнула головой.

— Нам не о чем говорить.

— Нет, есть, — сказал Адекор. — Или ты ответишь на мои вопросы здесь, или я их тебе задам в присутствии арбитра. И тогда тебе *придётся* ответить.

— Ты блефуешь, — сказала Болбай.

Адекор поднял левую руку и повернул её внутренней стороной запястья к Болбай.

— Ваше имя Даклар Болбай, и вы проживаете в Центре Салдака?

— Я не приму документы от тебя.

— Ты лишь оттягиваешь неизбежное, — сказал Адекор. — Я обращусь к судебному исполнителю, и он загрузит их на твой компаньон независимо от того, потянешь ты за контрольный штырёк или нет. — Пауза. — Я спрашиваю снова: Ваше имя Даклар Болбай, и вы проживаете в Центре Салдака?

— Ты правда хочешь это сделать? — сказала Болбай. — Потащить меня к арбитру?

— Как ты потащила меня, — ответил Адекор.

— Прошу, — сказала Жасмель. — Просто скажи ему. Лучше так. Для тебя же лучше.

Адекор скрестил руки на груди.

— Итак?

— Мне нечего сказать, — ответила Болбай.

Жасмель испустила шумный вздох.

— Спроси её, — тихо произнесла она, — о *её* партнёре.

— Ты ничего об этом не знаешь, — рявкнула Болбай.

— Не знаю? — сказала Жасмель. — Как ты узнала, что это Адекор ударил моего отца?

Болбай молчала.

— Очевидно, тебе рассказала Класт, — сказала Жасмель.

— Класт была моей партнёршей, — сказала Болбай. — У неё не было от меня секретов.

— И она была моей матерью, — сказала Жасмель. — И от меня тоже ничего не скрывала.

— Но… она… я… — голос Болбай затих.

— Расскажи нам о своём партнёре, — сказал Адекор. — Я… по-моему, я с ним никогда не встречался, не так ли?

Болбай медленно покачала головой.

— Нет. Его здесь давно не было; мы расстались много лет назад.

— И поэтому у тебя нет собственных детей? — мягко спросил Адекор.

— Думаешь, ты такой *догадливый*? — ответила Болбай. — Думаешь, всё так просто? Не смогла удержать партнёра, так что и забеременеть теперь не от кого? Ты *так* думаешь?

— Я пока ничего не думаю, — ответил Адекор.

— Я бы стала хорошей матерью, — сказала Болбай, вероятно, больше для себя, чем для Адекора. — Спроси Жасмель. Спроси Мегамег. С тех пор, как Класт умерла, я растила их одна и справлялась *прекрасно*. Разве не так, Жасмель? Разве не так?

Жасмель кивнула.

— Но ты из 145-го, как Понтер и Класт. Как Адекор. Ты всё ещё можешь родить собственного ребёнка. Даты, когда Двое становятся Одним, будут сдвинуты в следующем году; ты могла бы…

Адекор вскинул бровь.

— Это был бы твой последний шанс, ведь так? Тебе 520 месяцев — сорок лет, как и мне. У тебя может быть ребёнок в 149-м поколении, но точно не через десять лет, когда родится 150-е.

— Ты смог это подсчитать без своего хвалёного квантового компьютера? — язвительно сказала Болбай.

— А Понтер, — продолжил Адекор, слегка кив-

нув, — Понтер остался без партнёрши. Вы с ним любили одну и ту же женщину, ты была *табантом* его детей, поэтому ты решила, что…

— Ты и мой отец? — спросила Жасмель. В её голосе не было шока; лишь удивление.

— А почему нет? — ощетинилась Болбай. — Я знаю его так же долго, как и ты, Адекор, и мы всегда хорошо ладили.

— Но теперь он тоже исчез, — сказал Адекор. — Ты знаешь, я так и думал с самого начала: что от новой потери у тебя переклинило в голове, и ты вцепилась в меня. Но Даклар, неужели ты не видишь, что это совершенно неправильно? Я любил Понтера и уж точно не стал бы вмешиваться в его выбор новой партнёрши…

— Это здесь *совершенно* ни при чём, — сказала Болбай, качая головой. — Совершенно.

— Так за что же ты меня так ненавидишь?

— Не из-за того, что случилось с Понтером, — сказала она.

— Но ты ненавидишь меня.

Болбай молчала. Жасмель смотрела в пол.

— Почему? — спросил Адекор. — Я ничего тебе не сделал.

— Ты ударил Понтера, — огрызнулась Болбай.

— Много лет назад. И он простил меня.

— И ты остался цел, — сказала она. — У тебя есть ребёнок. Тебе всё *сошло с рук*.

— Что именно?

— Твоё преступление. Попытка убить Понтера.

— Я не пытался его убить.

— Ты был необузданным чудовищем. Тебя *должны были* стерилизовать. Но мой Пелбон…

— Кто такой Пелбон? — спросил Адекор. Болбай молчала.

— Её партнёр, — тихо пояснила Жасмель.

— Что случилось с Пелбоном? — спросил Адекор.

— Ты не знаешь, каково это, — сказала Болбай, глядя в сторону. — Не можешь даже представить. Одним прекрасным утром ты просыпаешься и видишь в своём доме двух принудителей, которые уводят твоего партнёра, а потом…

— А потом? — повторил Адекор.

— А потом они его кастрируют, — сказала Болбай.

— Почему? — спросил Адекор. — Что он сделал?

— Они *ничего* не сделал, — сказала Болбай. — Совершенно ничего.

— Тогда почему… — начал Адекор, и догадался сам. — Ох. Не он. Один из его родственников.

Болбай кивнула, всё так же глядя в сторону.

— Его брат напал на кого-то, и его приговорили к стерилизации вместе с…

— Вместе со всеми, у кого хотя бы половина его генов, — договорил Адекор за неё.

— Он *ничего* не сделал, мой Пелбон, — сказала Болбай. — Он не тронул никого и пальцем, но был наказан. *Я* была наказана. Но ты! Ты мало не убил человека, и тебе это сошло с рук! Нужно было кастрировать тебя, а не моего бедного Пелбона!

— Даклар, — сказал Адекор. — Прости. Мне так жаль…

— Уходи, — твёрдо сказала Болбай. — Оставь меня в покое.

— Я…

— *Убирайся!*

Глава 38

Понтер доел свой гамбургер и по очереди посмотрел на Луизу, Рубена и Мэри.

— Не подумайте, что я жалуюсь, — сказала он, — но мне начинает надоедать это животное — *корова*, так вы его называете? Мы не могли бы попросить, чтобы вечером нам принесли какого-нибудь другого мяса?

— Например? — сказал Рубен.

— Да что угодно, — сказал Понтер. — Хотя бы мамонта.

— *Что?* — воскликнул Рубен.

— *Мамонта?* — потрясённо повторила Мэри.

— Хак что-то неправильно перевела? — забеспокоился Понтер. — Мамонт. Такой северный волосатый слон.

— Да-да-да, — сказала Мэри. — Мы знаем, кто такие мамонты, но…

— Но что? — спросил Понтер, удивлённо приподняв бровь.

— Но, видите ли, они, так сказать… в общем, они вымерли, — сказала Мэри.

— Вымерли? — удивился Понтер. — Да, я дей-

ствительно ни одного здесь не видел, но посчитал, что они не любят подходить к таким большим городам.

— Нет-нет, они вымерли, — сказала Луиза. — Во всём мире. Вымерли тысячи лет назад.

— Почему? — спросил Понтер. — Какая-то эпидемия?

Повисла неловкая тишина. Мэри медленно выдохнула, пытаясь решить, как объяснить это потактичнее.

— Нет, не эпидемия, — сказала она, наконец. — На самом деле, это мы… — наши предки, люди нашего вида — истребили их.

Понтер округлил глаза.

— Что сделали?

Мэри стало тошно; она не думала, что некоторые «достижения» её цивилизации выплывут на поверхность так быстро.

— Мы убивали их для еды, и… в общем, убивали до тех пор, пока их не осталось совсем.

— О, — тихо вздохнул Понтер. Он посмотрел в окно, на просторный задний двор Рубенова дома. — Мне нравились мамонты, — сказал он. — Не только их мясо, хоть оно и очень вкусно, но как животные, как часть ландшафта. Неподалёку от моего дома живёт небольшое стадо. Мне всегда

было радостно их видеть.

— У нас есть их скелеты, — сказала Мэри, — и бивни, а в Сибири иногда находят целые замёрзшие туши, но…

— Всех, — сказал Понтер, печально качая головой. — Вы убили их всех…

Мэри хотела было возразить «Не я лично», но это было бы неискренне; кровь мамонтов действительно пятнала честь её расы. Но хоть как-то возразить всё же хотелось и поэтому она сказала:

— Это было очень давно.

Понтер выглядел кисло.

— Я даже боюсь спрашивать, — сказал он, — но в моём мире в окрестностях того места, где я живу, водятся и другие крупные животные. Опять же, я считал, что они просто избегают больших городов, но…

Рубен качнул своей бритой головой.

— Нет, Понтер, не поэтому.

Мэри на секунду зажмурилась.

— Мне очень жаль, Понтер. Мы уничтожили почти всю мегафауну — и здесь, и в Европе, и в Австралии, — она ощутила, как желудок завязывается узлом, — и в Новой Зеландии, и в Южной Америке. Единственный континент, где всё ещё

много по-настоящему крупных животных — это Африка, но и там большинство из них в зоне риска.

Би-ип.

— На грани вымирания, — пояснила Луиза.

— Вы же сказали, что это было очень давно, — сказал Понтер с упрёком в голосе.

Мэри опустила взгляд на свою пустую тарелку.

— Мы перестали убивать мамонтов очень давно, потому что мамонтов не стало. И мы перестали убивать большерогих оленей, и больших кошек Северной Америки, и шерстистых носорогов, и многих других, потому истребили их всех.

— Истребить весь вид до последней особи, — сказал Понтер, качая головой.

— Мы многому научились с тех пор, — сказала Мэри. — У нас есть программы защиты исчезающих видов, и мы добились некоторых успехов. Американские журавли почти вымерли, и белоголовые орланы, и бизоны. Теперь они вернулись.

— Потому что вы перестали истреблять их, — холодно сказал Понтер.

Мэри хотела было возразить, что причина не всегда была в охоте; чаще это было уничтожение человеком естественной среды обитания этих видов. Но какая, в сущности, разница.

— Какие… какие ещё виды вымирают? — спросил Понтер.

Мэри пожала плечами.

— Многие виды птиц. Гигантские черепахи. Панды. Кашалоты. Шим…

— Шим? — переспросил Понтер. — Что это? — Он наклонил голову: видимо, Хак высказывала свои догадки о том, какое слово хотела произнести Мэри. — О, нет. Нет! *Шимпанзе?* Но… но это же наши *родичи*. Вы охотитесь и на них?

Мэри внезапно почувствовала себя крошечной и слабой. Как она могла ему сказать, что шимпанзе убивали ради еды, а горилл — чтобы делать из их рук экзотические пепельницы?

— Они *бесценны*, — продолжал Понтер. — Вы, как генетик, наверняка это понимаете. Они — ближайшие наши ныне живущие родственники; мы можем многое узнать о нас самих, изучая их ДНК и поведение в естественных условиях.

— Я знаю, — тихо сказала Мэри. — Я знаю.

Понтер посмотрел на Рубена, потому на Луизу, потом на Мэри, оценивающе, словно увидев их — *по-настоящему* увидев — в первый раз.

— Вы убиваете без меры, — сказал он. — Уничтожаете целые виды. Вы даже убиваете других приматов. — Он замолк и снова по очереди огля-

дел их, будто давая шанс предупредить то, что он собирался высказать, предложить логичное объяснение, смягчающее обстоятельство. Но Мэри молчала, и все молчали, так что Понтер продолжил: — И мой вид тоже исчез из этого мира.

— Да, — сказала Мэри очень тихо. Она знала, как это произошло. Хотя не все палеоантропологи поддерживали эту теорию, многие считали, что где-то между 40000 и 27000 лет назад Homo sapiens — анатомически современные люди — совершили геноцид, первый в ряду многих, намеренных или случайных, которые им предстояло совершить в будущем. Люди очистили планету от единственного, кроме них, представителя рода Homo, другого, менее воинственного вида, который, возможно, гораздо лучше соответствовал бы двойному значению слова «человечный».

— Вы убили нас? — спросил Понтер.

— Это очень спорная проблема, — ответила Мэри. — Среди учёных по этому поводу нет согласия.

— Но как *вы* думаете, что произошло? — спросил Понтер, уперев в Мэри взгляд своих золотистых глаз.

Мэри сделала глубокий вдох.

— Я… да, я думаю, что именно это и произо-

шло.

— Вы истребили нас, — сказал Понтер; и его голос, и тональность воспроизведённого Хак перевода свидетельствовали о глубоком душевном потрясении.

Мэри кивнула.

— Мне жаль, — сказала она. — Правда. Это случилось невероятно давно. Мы тогда были дикарями. Мы…

И в этот момент зазвонил телефон. Рубен, явно обрадованный, выскочил из-за стола и схватил трубку.

— Алло? — сказал он.

Мэри подняла голову, услышав, как голос Рубена повеселел.

— Но это же здорово! — сказал он. — Великолепно! Да… нет… да-да, это годится. Спасибо! Точно. Да свидания.

— Что? — спросила Луиза.

Рубен явно сдерживал улыбку.

— У Понтера чумка, — сказал он, возвращая телефон на место.

— Чумка? — повторила Мэри. — У людей не бывает чумки.

— Правильно, — сказал Рубен. — У нас естественный иммунитет. А у Понтера — нет, потому

что его вид не контактировал с нашими домашними животными в течение многих поколений. Если быть точным, у него лошадиная разновидность; ветеринары её называют «мыт». Она поражает жеребят и вызывается бактерией *Streptococcus equii*. К счастью, у лошадей её обычно лечат пенициллином, и я его как раз давал Понтеру. Он выздоровеет.

— То есть нам можно не бояться, что мы тоже заболеем?

— Не только это, — сказал Рубен и расплылся в улыбке. — Они снимают карантин! Если последняя серия бакпосевов, результатов которой ждут сегодня вечером, будет негативной, то завтра утром мы сможем выйти отсюда!

Луиза захлопала в ладоши. Мэри тоже обрадовалась новости. Она взглянула на Понтера, но тот сидел, понурив голову, и, должно быть, до сих пор размышлял о судьбе своего вида на этой Земле.

Мери потянулась к нему и тронула за руку.

— Эй, Понтер, — тихо сказала она. — Это ведь отличная новость. Завтра вы сможете выйти из дома и увидеть наш мир.

Понтер медленно поднял голову и посмотрел на Мэри. Она всё ещё училась распознавать детали его мимики, но его широко распахнутые глаза и

приоткрытый рот словно говорили: «Стоит ли?»

Но в конце концов он просто кивнул, словно уступая.

Глава 39

Большую часть вечера Понтер провёл в одиночестве, с печальным выражением на лице глядя через окно кухни на задний двор Рубенова дома.

Луиза и Мэри сидели в гостиной. Мэри жалела, что книга, которую она сейчас читала, осталась в Торонто. Она как раз была где-то на середине последнего романа Скотта Туроу и хотела бы читать его дальше, но пришлось довольствоваться листанием свежего номера «Тайм». На этой неделе на обложке красовался президент Буш; Мэри подумала, что на обложке следующего номера может оказаться Понтер. Сама она предпочитала «Экономист», но Рубен его не выписывал. Впрочем, Мэри всегда нравились кинорецензии Ричарда Корлисса, хоть ей и не с кем было теперь пойти в кино.

Луиза залезла с ногами в соседнее кресло и писала письмо — как заметила Мэри, по-французски — в большом жёлтом блокноте. На ней были шорты и футболка с эмблемой рок-группы «INXS».

В гостиную зашёл Рубен и умостился между

двумя женщинами.

— Меня беспокоит Понтер, — сообщил он вполголоса им обеим.

Луиза отложила блокнот. Мэри закрыла журнал.

— Меня тоже, — сказала Мэри. — Похоже, он воспринял новость о вымирании своего вида не слишком хорошо.

— Это точно, — подтвердил Рубен. — У него было много стрессов в последние дни, и завтра всё станет ещё хуже. На него насядут журналисты, не говоря уж про официальных лиц, двинутых на религии психов и прочих.

Луиза кивнула.

— Да, наверняка.

— Что же нам делать? — спросила Мэри.

Рубен секунду помолчал, будто подбирая слова. Потом заговорил:

— В Садбери не так уж много чёрных вроде меня. Мне говорили, что в Торонто дела обстоят получше, но даже там чернокожим частенько докучает полиция. «Что вы здесь делаете?» «Это ваша машина?» «Могу я увидеть ваше удостоверение личности?» — Рубен покачал головой. — Проходя через это, ты кое-чему учишься. Пониманию того, что у тебя есть права. Понтер не

преступник, и он никому ничем не угрожает. Он не на пограничном посту, так что никто не может потребовать от него доказательств, что он пребывает в Канаде легально. Правительство может *хотеть* его контролировать, полиция может *хотеть* поместить его под надзор — но их хотелки не имеют никакого значения. У Понтера есть права.

— Безусловно, соглашусь, — сказала Мэри.

— Вы когда-нибудь были в Японии? — спросил Рубен.

Мэри покачала головой. Луиза тоже.

— Это замечательная страна, но там практически нет неяпонцев, — сказал Рубен. — Вы можете за весь день не увидеть ни одного белого лица, не говоря уж о чёрном. Но я помню, как я однажды прогуливался по центру Токио; я прошёл, наверное, мимо десяти тысяч человек в тот день, и все они были японцами. А потом я увидел белого парня, который шёл мне навстречу. И он улыбался мне. Он видел меня впервые, но признал во мне почти соотечественника — мы оба были с Запада. Он улыбался, словно говоря: как я рад тебя видеть, брат! Брат! И я вдруг осознал, что тоже улыбаюсь ему и думаю то же самое. Я никогда не забуду этот момент. — Он посмотрел на Луизу,

потом на Мэри. — Так вот, старина Понтер может обыскать целый свет, но нигде не увидит в толпе лица, в котором он бы признал своего собрата. Тот белый парень и я, даже все те японцы и я, мы ближе друг к другу, чем Понтер и любой из шести миллиардов человек на этом земном шаре.

Мэри глянула через кухонную дверь на Понтера, который по-прежнему пялился в окно, подложив кулак под выступающую нижнюю челюсть.

— Что мы можем для него сделать? — спросила она.

— Практически с самого своего прибытия он был пленником, — сказал Рубен, — сначала в больнице, а потом здесь, на карантине. Я уверен, что ему нужно время, чтобы подумать, восстановить душевное равновесие. — Он помолчал. — Джиллиан Риччи намекнула мне по е-мэйлу. Похоже, мысль, которую я высказывал ранее, пришла в голову и верхушке «Инко». Они хотят подробно расспросить Понтера обо всех месторождениях в его мире, о которых ему хоть что-то известно. Я уверен, что он будет рад помочь, но ему всё же нужно больше времени на адаптацию.

— Я согласна, — сказала Мэри. — Но как мы

можем добиться, чтобы он это время получил?

— Они прекращают карантин завтра утром, правильно? — сказал Рубен. — Так вот, Джиллиан говорит, что я могу устроить пресс-конференцию прямо здесь в десять утра. Разумеется, пресса ожидает, что Понтер будет присутствовать. Я думаю, нам надо увезти его до этого времени.

— Как? — спросила Луиза. — Дом окружают федералы — чтобы не давать любопытным пробраться сюда, но, вероятно, и для того, чтобы держать под наблюдением Понтера.

Рубен кивнул.

— Один из нас должен увезти его куда-нибудь в глушь. Я его доктор, и это моё назначение. Покой и отдых. И именно это я скажу любому, кто спросит — Понтер находится на лечебном отдыхе по моему предписанию. Вероятно, у нас будет всего день или два, прежде чем пиджаки из Оттавы насядут на нас по-серьёзному, но я уверен, что Понтеру нужна эта пара дней.

— Я это сделаю, — сказала Мэри, удивив саму себя. — Я увезу его.

Рубен посмотрел на Луизу, ожидая, что она тоже вызовется, но та лишь кивнула.

— Если мы скажем, что пресс-конференция состоится в десять, газетчики начнут подтяги-

ваться к девяти, — сказал Рубен. — Но если вы с Понтером выберетесь через задний двор, скажем, в восемь, вы с ними разминётесь. С задней стороны есть забор, там, за деревьями, но вы через него легко перелезете. Только убедитесь, что никто вас не видит.

— И что потом? — спросила Мэри. — Просто пойдём бродить по лесу?

— Вам нужна машина, — сказала Луиза.

— Моя осталась на шахте, — сказала Мэри. — И я не могу взять одну из ваших — федералы не дадут нам уехать. Как сказал Рубен, нам нужно ускользнуть незаметно.

— Без проблем, — сказала Луиза. — Я устрою так, что мой друг встретит вас завтра утром на каком-нибудь просёлке позади дома. Он отвезёт вас на шахту, и вы пересядете в свою машину.

Мэри моргнула.

— Правда?

Луиза пожала плечами.

— Легко.

— Я… я совсем не знаю этих мест, — сказала Мэри. — Мне нужна карта.

— О! — сказала Луиза. — Тогда я точно знаю, кому позвонить — Гарту. У него новомодный «

Handspring Visor»[34] с GPS-модулем. Он проложит вам маршрут до любого места и будет подсказывать, где поворачивать.

— И он мне его отдаст? — усомнилась Мэри. — Ведь эти штуки жутко дорогие.

— Ну, на самом-то деле он будет оказывать услугу мне, — сказала Луиза. — Так, давайте я ему сейчас звякну и всё устрою. — Она поднялась с кресла и ушла наверх. Мэри смотрела ей вслед с изумлением и восторгом. Интересно, каково это — быть настолько красивой, что можешь просить мужчин о чём угодно и знать, что они никогда не откажут.

Понтер, осознала она, не единственный, кто чувствует себя чужим в этом мире.

* * *

Жасмель и Адекор вернулись транспортным кубом на Окраину, в дом Адекора и Понтера. По дороге они почти не разговаривали, частично из-за того, что Адекор был погружён в раздумья над откровениями Даклар Болбай, частично потому, что ни ему, ни Жасмель не нравилась мысль о

[34] Примечания: 34

Карманный компьютер, выпускавшийся в начале 2000-х годов. *(Прим. перев.)*

ком-то, сидящем в павильоне архива алиби и следящем за каждым их словом и шагом.

Тем не менее, у них на руках была насущная проблема. Адекору нужно было как-то попасть в подземную лабораторию; как бы мизерны ни были шансы на спасение Понтера — или, думал Адекор, хотя и не делился этой мыслью Жасмель, на возвращение его утонувшего тела, которое очистило бы Адекора от обвинений в убийстве — этими шансами можно было воспользоваться только там, внизу. Но как туда попасть? Он взглянул на компаньон, вживлённый во внутреннюю сторону левого запястья. Он мог бы его выковырять — приняв меры безопасности, чтобы не повредить лучевую артерию. Но компаньон не только получал питание от тела Адекора, он ещё и передавал его жизненные показатели — и перестанет это делать, если его от тела отсоединить. Быстро пересадить компаньон в тело Жасмель или кого-нибудь еще он тоже не мог: имплант был привязан к его биометрическим параметрам.

Транспортный куб высадил их возле дома, и Адекор с Жасмель зашли внутрь. Жасмель прошла на кухню поискать, чем можно покормить Пабо, а Адекор просто сидел, уперев взгляд в

противоположный конец комнаты, где стояло любимое кресло Понтера, в котором он больше всего любил читать.

Обход судебного надзора был проблемой — и проблемой научной, внезапно осознал Адекор. Должен быть способ избавиться от него, способ обмануть свой компаньон и того, кто отслеживал его передачи.

Адекор был знаком с историей Лонвеса Троба, изобретателя компаньонов: многие из его изобретений изучались в Академии. Но то было много лет назад, и детали изгладились из памяти. Конечно, он мог просто спросить компаньон об интересующих его фактах; он мог прочесть ответ на маленьком экранчике на запястье или любом телеэкране или портативном планшете на свой выбор. Но этот запрос вне всякого сомнения привлечёт внимание того, кто следит за ним.

Адекор чувствовал, как начинает злиться, как напрягаются мышцы, учащается сердцебиение, становится глубже дыхание. Он подумал было, что нужно бы как-то это замаскировать — но нет, пусть тот, кто за ним следит, видит, что это его расстраивает.

Как бы ни был умён Лонвес Троб, должен найтись способ добиться того, чего он хотел. Того,

в чём нуждался. А чего он, собственно, хочет? Чётко сформулируёте проблему — этому ему учили на протяжении всех месяцев, проведённых в Академии. Чего конкретно он хочет добиться?

Нет, его цель не в том, чтобы найти способ обманывать компаньоны. И это хорошо, поскольку у него пока нет ни малейшей идеи о том, как это сделать. Он не хочет отключить все компаньоны — это было бы безумием, ведь импланты обеспечивают безопасность каждого. Ему нужно отключить только его собственный компаньон, но…

Но нет, это тоже неправильно. Отключение ничем ему не поможет; Гаскдол Дат и другие принудители, может быть, и не смогут проследить за ним, когда его компаньон перестанет посылать сигнал, но отсутствие сигнала тут же насторожит их. И не нужно быть Лонвесом, чтобы догадаться, что Адекор попытается пробраться в шахту, поскольку ему уже однажды не дали этого сделать.

Нет, настоящей его проблемой было не то, что компаньон продолжает работать. Проблема была в том, что кто-то просматривает его передачи. Вот что нужно прекратить — и не на какое-то мгновение, а на несколько деци, и…

И внезапно он увидел его: идеальное решение.

Но он не мог устроить это в одиночку; план сработает лишь в том случае, если принудители не будут знать, что Адекор в этом замешан. Впрочем, подготовкой может заняться Жасмель. Адекор верил, что под надзором держат только его собственный компаньон; иное было бы слишком вопиющим произволом. Но как поделиться своими мыслями с Жасмель?

Он поднялся и прошёл в кухню.

— Пойдём, Жасмель, — сказа он. — Погуляем с Пабо.

По выражению лица Жасмель было видно, что выгул Пабо находился в самом конце её списка приоритетов, но она поднялась и прошла вместе с Адекором в задней двери. Пабо специального приглашения не требовалось; она тут же увязалась следом за Жасмель.

Они вышли на веранду, под летний зной и пронзительный стрёкот цикад. Было влажно. Адекор сошёл с веранды, Жасмель следовала за ним. Пабо убежала вперёд, громко лая. Через пару сотен шагов они достигли ручья, который протекал за домом. Журчание ручья почти заглушало стрёкот насекомых. Посреди ручья лежал здоровенный валун — один из бесчисленных ледниковых эрратиков, усеивавших окрестности.

Адекор ступил на ведущую к валуну цепочку торчащих из воды камней и знаком велел Жасмель следовать за собой. Пабо убежала вверх по течению вдоль берега ручья.

Когда Жасмель выбралась на валун, Адекор похлопал рукой по заросшей густым мхом поверхности, приглашая сесть рядом с ним. Она так и сделала. Он склонился к её уху и зашептал; шум разбивающейся о валун воды совершенно заглушал его слова. Он был уверен, что в таких условиях его речь будет для компаньона совершенно неразличима. Он изложил Жасмель свой план, и на её лице появилась озорная улыбка.

* * *

Понтер сидел на диване в кабинете Рубена. Все остальные отправились спать — хотя Рубен и Луиза в соседней комнате определённо не спали.

Понтеру было грустно. Производимые ими звуки и запахи напоминали ему о Класт, о том, как Двое становятся Одним, обо всём, утраченном до появления на этой Земле, и обо всём остальном, потерянном вследствие этого.

Телевизор работал; он был настроен на канал, посвящённый этому явлению под названием *религия*. Похоже, существовало много разно-

видностей, но все они включали в себя нелепое понятие Бога, вселенную конечного и часто смехотворно малого возраста и тот или иной вид посмертного существования чего-то, для чего у неандертальцев не было слова, но что Мэре называла «душа». Оказалось, что символ, который Мэре носила на шее, был знаком конкретной разновидности религии, к которой она принадлежала, а ткань, которой обёртывал голову доктор Сингх была знаком какой-то другой религии.

Понтер отключил на телевизоре звук — найти соответствующую кнопку оказалось довольно просто, хотя он и сомневался, что паре в соседней комнате хоть что-то способно помешать.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил голос Класт, и сердце Понтера подпрыгнуло.

Класт!

Милая Класт, она обращается к нему…

… с Небес?

Но нет.

Конечно, нет.

Это Хак говорит с ним. Похоже, Хак теперь всегда будет говорить голосом Класт, поскольку это единственная альтернатива монотонному мужскому голосу, входящему в основной комплект программного обеспечения; без специального

оборудования перепрограммировать имплант не получится.

Понтер испустил долгий вздох и ответил:

— Мне грустно.

— Но ты справляешься? Когда мы впервые попали сюда, ты ужасно нервничал.

Понтер пожал плечами.

— Я всё ещё сбит с толку и дезориентирован, но…

Понтер почти воочию увидел, как Хак сочувственно кивает головой.

— На это нужно время, — сказала она голосом Класт.

— Я знаю, — ответил Понтер. — Я знаю. Но мне придётся к этому привыкнуть, так ведь? Похоже на то, что мне… что *нам* придётся остаться в этом мире до конца наших дней.

— Похоже на то, — согласилась Хак.

Какое-то время Понтер сидел неподвижно, и Хак не мешала ему. Наконец, Понтер сказал:

— Думаю, лучше принять всё как есть. Мне надо думать о том, как я буду жить здесь.

Глава 40

День седьмой

Четверг, 8 августа

148/119/01

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: неандерталец

Депутат от оппозиции Марисса Кротерс заявила сегодня в Палате Общин, что афера с неандертальцем была неумелой попыткой правящей Либеральной партии оправдаться за ужасное фиаско 73-миллионного проекта Нейтринной обсерватории Садбери…

«Хватит прятать троглодита!» Плакат с такой надписью нёс сегодня один из протестующих во время большой демонстрации у здания канадского посольства в Вашингтоне. «Поделитесь Понтером с миром!» — было написано на другом плакате…

Понтер Боддет через газету «Садбери Стар» получил приглашения посетить за счёт принимающей стороны: Диснейленд; «Анкор Бар энд Грилл», родину оригинальных куриных крылышек в Буффало, штат Нью-Йорк; Букингемский дворец; Космический центр имени Кеннеди; Музей Севера в Садбери; музей НЛО в Розуэлле, Нью-Мексико; стрип-клуб «Занзибар Таверн» в Торонто; штаб-квартиру «Майкрософт»; Всемирный Конвент любителей фантастики следующего года; Музей неандертальцев в Меттмане, Германия; стадион «Янки» в Нью-Йорке. Также поступили предложения о встрече от президентов Франции и Мексики, японского премьер-министра и императорской семьи, папы римского, далай-ламы, Нельсона Манделлы, Стивена Хокинга и Анны Николь Смит.

Вопрос: Сколько неандертальцев нужно, чтобы вкрутить лампочку? Ответ: все, сколько есть.

… поэтому колумнист призывает засыпать шахту «Крейгтон» и тем самым

предотвратить вторжение неандертальских орд в наш мир через портал в её недрах. В прошлый раз победа была за нами, но сегодня результат может быть иным…

Приглашение на конференцию на тему: Меметические и эпистемиологические несовместимости между H. neanderthalensis и H. sapiens…

Пресс-секретарь Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте, штат Джорджия, высоко оценил оперативность реакции канадского правительства на появление потенциального разносчика инфекционных заболеваний. «Мы считаем, что канадские власти сработали отлично, — сказала доктор Рамона Кейтель. — Однако мы не обнаружили никаких патогенов в образцах, что они нам прислали на анализ…»

Всё прошло без сучка без задоринки. Понтер и Мэри ушли из дома Рубена в девятом часу утра; никто не заметил их, когда они пробирались через заросшую деревьями дальнюю часть участ-

ка и перелезали через забор; обоняние Понтера помогло им проскользнуть мимо пеших полицейских, патрулирующих эту часть периметра.

Луизин друг действительно дожидался их. Гарт оказался статным мускулистым индейцем двадцати двух лет от роду. Он был чрезвычайно вежлив, обращаясь к Мэри, всё время говорил «мэм», к её скрываемой досаде, а к Понтеру — «сэр». Он подвёз их к самым воротам «Крейгтона». Охранник узнал её и, разумеется, Понтера и впустил их. Там Мэри с Понтером пересели в её прокатный красный «неон», покрывшийся за дни, проведённые на стоянке, пылью и птичьим помётом.

Мэри знала, куда ехать. Вчера вечером она спросила у Понтера:

— У вас есть какие-нибудь пожелания по поводу того, куда бы вы хотели завтра отправиться?

Понтер кивнул.

— Домой, — сказал он. — Отвезите меня домой.

Мэри стало его очень жалко.

— Понтер, я бы рада, но это невозможно. Вы же знаете, что у нас нет таких технологий.

— Нет-нет, — сказал Понтер. — Не домой в мой мир. На то место в вашем мире, на котором в моём стоит мой дом.

Мэри недоумённо моргнула. Ей бы такое и в голову не пришло.

— Ну-у, да. Можно. Если хотите. Но как мы это место найдём? В смысле, какие ориентиры вы помните?

— Если вы дадите мне подробную карту окрестностей, я найду это место, и мы сможем туда отправиться.

Пароль Рубена открыл им доступ на корпоративный сервер «Инко» с геологическими картами всего горного бассейна Садбери. Понтер без труда узнал местность и отыскал нужную ему точку примерно в двадцати километрах от дома Рубена.

И теперь Мэри подвезла его к указанной точке так близко, как это было возможно. Большую часть окружающей город Садбери территории занимали скальные обнажения Канадского щита, леса и заросли кустарников. Они ломились через них к цели несколько часов, и хотя Мэри никогда не была особо спортивной — лишь иногда играла в теннис, причём очень посредственно — прогулка доставила ей удовольствие, особенно после нескольких дней безвылазного сидения в доме Рубена.

Наконец, они перевалили через гряду низких

холмов, и Понтер издал ликующий крик:

— Вот тут! Вот тут стоял мой дом. То есть, он и сейчас тут стоит.

Мэри оглядела окрестности. По одну сторону от неё высились огромные осины, растущие вперемежку с покрытыми белоснежной корой тонкими берёзами; по другую раскинулось озеро. В озере плавали кряквы; по деревьям носились чёрные белки. В озеро впадал говорливый ручей.

— Как здесь красиво, — сказала Мэри.

— Да, — радостно подтвердил Понтер. — Конечно, растительность совсем другая. То есть, растения примерно тех же пород, но растут в других местах. Но скальные обнажения очень похожие — и этот валун посреди ручья! О, я хорошо знаю этот валун. Я часто забирался наверх и там читал.

Понтер отбежал немного в сторону.

— Здесь — прямо здесь! — наша задняя дверь. А здесь — столовая. — Он перешёл в другое место. — Спальня вот тут, прямо у меня под ногами. — Он вытянул руки перед собой и в стороны. — А вот такой вид из окна спальни.

Мэри проследила за его взглядом.

— И из окна можно было увидеть мамонтов?

— О да. И оленей. И лося.

Мэри была одета в свободный топ и лёгкие слаксы.

— А мамонтам с их мехом летом не жарко?

— Летом они линяют, сбрасывают почти весь мех, — сказал Понтер, подходя к ней и становясь рядом. Он прикрыл глаза. — А звуки… — сказал он с тоской в голосе. — Шуршание листьев, жужжание насекомых, журчание ручья, и… О! Вы слышали? Гагара кричит. — Он восхищённо покачал головой. — На слух всё как дома. — Он открыл глаза, и Мэри увидела, что его золотистые зрачки окружены теперь розовой каймой. — Так близко, — сказал он, и его голос дрогнул. — Так невообразимо близко. Если б я только мог… — Он снова крепко зажмурил глаза, и его тело чуть-чуть дёрнулось, словно он пытался преодолеть границу между мирами усилием мысли.

У Мэри от этой сцены разрывалось сердце. Это, должно быть, ужасно, оказаться вырванным из твоего мира и выброшенным неизвестно куда — в мир такой похожий, и вместе с тем такой чужой. Она подняла руку, не вполне понимая, что собирается сделать. Он повернулся к ней, и она не могла сказать, не знала, не была уверена, кто из них первым двинулся навстречу другому, но внезапно её руки обхватили его широкий торс,

а его голова опустилась ей на плечо, и его тело затряслось, и он заплакал, а Мэри гладила его длинные светлые волосы.

Мэри попыталась вспомнить, когда последний раз видела плачущего мужчину. Вероятно, это был Кольм. Он плакал не из-за каких-то проблем с их браком — нет, их он нёс в каменном молчании. Это было, когда умерла его мама. И даже в тот момент он пытался натянуть на себя маску бравады, позволив лишь нескольким слезинкам скатиться по щеке. Но Понтер плакал, не стесняясь, оплакивая весь свой утраченный мир, утраченную любовь, утраченных детей, и Мэри дала ему выплакаться, пока он не успокоился сам и не затих.

Когда же это произошло, он посмотрел на неё. Он открыл рот, и Мэри ждала, что мужской голос Хак произнесёт «Простите» — разве не это настоящему мужчине положено говорить после того, как он позволил себе заплакать, позволил своей броне пасть, а эмоциям — вырваться на свободу? Но Понтер сказал лишь: «Спасибо». Мэри тепло улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ.

* * *

Жасмель Кет начала день с визита к Лурт, жен-

щине Адекора.

Она совершенно не удивилась, найдя её в лаборатории погружённой в работу.

— Здравый день, — сказала Жасмель, входя в квадратную дверь.

— Жасмель? Что ты здесь делаешь?

— Адекор просил меня сходить к вам.

— У него всё в порядке?

— О да. С ним всё хорошо. Но ему нужна от вас услуга.

— Для него — всё, что угодно, — сказал Лурт.

Жасмель улыбнулась.

— Я надеялась, что вы так и скажете.

* * *

На то, чтобы добраться от ближайшей дороги до места, где в мире Понтера стоял его дом, потребовалось больше времени, чем Мэри ожидала, и, разумеется, не меньшее время ушло на обратный путь. Когда они снова вернулись к машине, уже было семь вечера.

После дальней пешей прогулки они серьёзно проголодались, и Мэри предложила раздобыть чего-нибудь поесть. Так что когда они подъехали к маленькому деревенскому трактиру, рекламный плакат на котором гласил, что здесь подают

оленину, Мэри притормозила возле него.

— Как тебе это место? — спросила она Понтера.

— Я вряд ли могу быть арбитром в этих делах, — ответил тот. — Чем здесь кормят?

— Олениной. — *Би-ип*.

— Что это?

— Мясо оленя.

— Оленя! — воскликнул Понтер. — Олень — это было бы здорово.

— Я сама никогда не пробовала оленину, — сказала Мэри.

— Вам понравится, — заверил её Понтер.

В трактире было всего шесть столиков, но ни одного посетителя. Мэри и Понтер уселись друг напротив друга; между ними на столе горела белая свеча. Главного блюда пришлось ждать почти час; но она хотя бы могла перебить голод ржаным хлебом с маслом. Мэри хотела было заказать салат «цезарь», но она стеснялась чесночного запаха изо рта, даже обедая с обычными людьми; для Понтера этот запах мог стать настоящим мучением. Так что вместо «цезаря» она взяла салат от заведения — что-то вроде винегрета с сушёными помидорами. Понтер тоже взял этот салат, и хотя гренки он оставил, всё остальное съел с видимым удовольствием.

Мэри также заказала стакан домашнего красного вина, оказавшегося неожиданно вкусным.

— Можно попробовать? — попросил Понтер, когда его принесли.

Мэри удивилась. Когда они ужинали в доме Рубена, он неизменно отказывался, когда Луиза предлагала ему вина.

— Конечно, — ответила она.

Мэри протянула ему стакан; он сделал маленький глоток, и его немного передёрнуло.

— Очень резкий вкус, — сказал он.

Мэри кивнула.

— Но со временем может понравиться, — сказала она.

Понтер вернул её стакан.

— Может быть, — ответил он. Мэри допила вино, наслаждаясь очаровательным деревенским интерьером трактира и обществом своего спутника.

Лысеющий трактирщик, очевидно, сразу узнал Понтера; в конце концов, его внешность бросалась в глаза, как и то, что Понтер разговаривал на своём языке, а перевод Хак доносился из его запястья. В конце концов любопытство взяло верх.

— Я прошу прощения, — сказал он, подойдя к их столику, — мистер Понтер, не могли бы вы

дать мне свой автограф?

Мэри услышала гудок Хак, а Понтер вскинул бровь.

— Автограф, — повторила Мэри. — Это просто ваше имя, написанное от руки. Люди коллекционируют такие надписи, сделанные знаменитостями. — Снова гудок. — Знаменитости, — повторила Мэри. — Известные люди. Про которых все слышали. Вот как вы.

Понтер изумлённо смотрел на трактирщика.

— Я… я весьма польщён, — сказал он, наконец.

Трактирщик протянул Понтеру ручку, и перелистнул листки блокнота, в котором записывал заказы, открыв белую картонную обложку. Он положил блокнот на стол перед Понтером.

— Обычно в дополнение к своему имени пишут ещё пару слов, — сказала Мэри. — «Всех благ», например, или что-то такое.

Трактирщик кивнул.

— Да, пожалуйста.

Понтер пожал плечами, явно удивлённый странным обычаем, и изобразил на блокноте серию символов своего родного языка. Он протянул ручку и блокнот обратно трактирщику, который, удовлетворённый, тут же исчез.

— Он на седьмом небе от счастья, — сказала

Мэри, когда он ушёл.

— На седьмом небе? — переспросил Понтер, не знакомый с идиомой.

— Я имею в виду, что благодаря тебе он запомнит этот день навсегда.

— Ах, — сказал Понтер, улыбаясь ей поверх горящей свечи. — А я навсегда запомню этот день благодаря тебе.

Глава 41

Если у Лурт всё получится, Адекор сможет попасть в квантовую лабораторию уже завтра. Но прежде ему нужно было ещё кое-что подготовить.

Салдак — большой город, но Адекор знал большинство учёных и инженеров, живущих на его Окраине, и значительную часть тех, что жили в Центре. В частности, он был дружен с одним из инженеров, обслуживавших шахтных роботов. Дерн Корд был добродушным толстяком — некоторые поговаривали, что он позволяет роботам делать за него слишком много работы. Но роботы — это было сейчас как раз то, что нужно. Адекор отправился повидать Дерна; сейчас, поздно вечером, Дерн уже должен быть дома.

Дом Дерна был большим и беспорядочным; деревьям, определяющие его внешнюю форму, было уже не меньше тысячи месяцев, то есть они были высажены ещё на заре современной древокультуры.

— Здравый д… вернее, здравый вечер, — сказал Адекор, подходя к дому Дерна. Сам Дерн сидел на

террасе, читая что-то на планшете с подсветкой. Густая сеть, натянутая между полом и крышей террасы, не давала проникнуть в дом насекомым.

— Адекор! — воскликнул Дерн. — Заходи, заходи. Осторожно, тут приступочка. Не напусти комаров. Что будешь пить? Мяса хочешь?

Адекор покачал головой.

— Нет, спасибо.

— Ну так что тебя ко мне привело?

— Как твои глаза? — спросил Адекор. — Зрение дальше не падает?

Дерн раздул ноздри в ответ на странный вопрос.

— Неплохо. Я, конечно, ношу линзы, но для чтения они мне не нужны, по крайней мере, когда читаю с планшета — я просто делаю буквы покрупнее.

— Сходи за линзами, — сказал Адекор. — Хочу тебе кое-что показать.

Дерн был явно озадачен, но пошёл в дом. Скоро он появился снова с парой линз, прикреплённых к широкой кольцу из эластичной ткани. Он надел кольцо на голову и стянул его вниз до уровня впадины над надбровным валиком. Линзы держались на маленьких петлях; Дерн опустил их на

глаза и выжидательно посмотрел на Адекора.

Адекор запустил руку в левый набедренный карман и вытащил оттуда лист тонкого пластика, на котором писал сегодня весь день. Адекор старался писать так мелко, как только возможно — пришлось поискать стило с самой тонкой пишущей головкой. Разрешение сканеров улучшилось со времён, когда была сделала запись его нападения на Понтера, но предел детализации все равно существовал. От выписывания крошечных буковок у Адекора сводило правую кисть, но он наделся, что тому, кто сидит в здании архива и ведёт наблюдение, нипочём их не разобрать.

— Что это? — спросил Дерн, беря у него листок и всматриваясь в него. — О! — воскликнул он, начав читать. — В самом деле? Ты правда так думаешь? Посмотрим… новый я тебе, конечно, дать не смогу, раз, по-твоему, есть большая вероятность, что ты его потеряешь. Но у меня есть парочка старых, которых готовят к списанию. Можешь взять один из них.

Адекор кивнул.

— Спасибо.

— Так когда и где он тебе понадобится?

Адекор уже хотел было шикнуть на него, но, к его восторгу, Дерн оказался вовсе не глуп. Он

лишь кивнул, найдя эту информацию записанной на листке Адекора.

— Хорошо, годится. Встретимся там.

* * *

После ужина Понтер и Мэри сели в машину и поехали обратно в Садбери.

— Сегодня был чудесный день, — сказал Понтер. — Было так здорово выбраться из города. Но, я полагаю, теперь мне предстоит увидеть много новых мест.

Мэри улыбнулась.

— Весь мир ждёт встречи с тобой.

— Понимаю, — сказал Понтер. — И я должен смириться со своей новой ролью… любопытной диковинки.

Мэри уже было открыла рот, чтобы возразить, но в последний момент решила промолчать. Понтер и был диковинкой; в более жестокие времена его бы ждала судьба циркового урода. Наконец, чтобы оборвать неловкую паузу, она сказала:

— Наш мир очень разный. То есть, географические различия у нас не больше, чем у вас, но у нас существует множество культур, архитектурных стилей, много древних зданий и сооружений.

— Я понимаю, что должен путешествовать; это

будет мой вклад, — сказал Понтер. — Я думал о том, чтобы остаться здесь, поблизости от Садбери, на случай, если портал вдруг откроется снова, но прошло уже столько времени. Я уверен, что Адекор пытался; похоже, у него не получилось. Видимо, условия эксперимента оказались невоспроизводимы. — Мэри услышала в его словах покорность судьбе. — Да, я поеду туда, куда должен поехать; я не буду цепляться за это место.

К тому времени они уже отъехали далеко от огней трактира и деревушки, в которой он находился. Мэри выглянула в боковое окно и заметила ночное небо.

— Боже мой! — вырвалось у неё.

— Что такое? — спросил Понтер.

— Посмотри, сколько звёзд! Никогда не видела их так много! — Мэри вырулила на обочину дороги и отъехала подальше от неё, чтобы не мешать никому, кто мог ехать следом. — Я должна на это посмотреть. — Она вышла из машины, Понтер последовал за ней. — Это божественно, — сказала Мэри, запрокидывая голову и глядя в небеса.

— Мне всегда нравилось смотреть на звёзды, — сказал Понтер.

— Я никогда не видела их такими, — сказала Мэри. — В Торонто такого не увидишь. — Она

фыркнула. — Я живу в месте под названием Обсерваторный переулок, но даже в самую тёмную зимнюю ночь там не разглядишь и дюжины звёзд.

— У нас ночное освещение только внутри домов, — сказал Понтер.

Мэри лишь покачала головой, представив себе мир, которому не нужны фонарные столбы, мир, жители которого не нуждаются в защите от себе подобных. Но внезапно её сердце подпрыгнуло.

— Там что-то в кустах, — тихо сказала она.

Она почти не видела Понтера, лишь смутные очертания его тела, но услышала, как он сделал глубокий вдох.

— Это енот, — сказал он. — Не о чем беспокоиться.

Мэри расслабилась и снова запрокинула лицо к звёздам. В затылке что-то хрустнуло — поза была не слишком удобная. И тут на неё нахлынули воспоминания юности. Она обошла «неон» спереди, уселась на капот, и, елозя по нему задом, доползла до ветрового стекла, которое удобно легло под спину. Потом похлопала по капоту ладонью и позвала:

— Эй, Понтер! Залезай сюда.

Силуэт Понтера двинулся; он точно так же

уселся на капот и пополз по нему; металл под ним стонал и прогибался. Наконец, он опёрся на ветровое стекло рядом с Мэри.

— Мы так делали, когда были детьми, — объяснила Мэри. — Когда отец вывозил нас на природу.

— Так действительно гораздо удобнее смотреть на небо, — признал Понтер.

— Точно, — сказала Мэри. Она испустила долгий довольный вздох. — Посмотри на Млечный Путь? Никогда не видела его таким!

— Млечный Путь? — переспросил Понтер. — А, понимаю. Мы его зовём Ночная Река.

— Красиво, — сказала Мэри. Она повернула голову направо. Над верхушками деревьев раскинулся ковш Большой Медведицы.

Понтер тоже повернул туда голову.

— Вот эта фигура, — сказал он. — Как вы её называете?

— Большой Ковш, — ответила Мэри. — Ну, по крайней мере, именно эту часть — семь ярких звёзд. Так их называют в Северной Америке. Британцы зовут их Плугом.

Би-ип.

— Земледельческий инструмент.

Понтер засмеялся.

— Я мог бы и сам догадаться. Мы зовём их Головой Мамонта. Видишь? В профиль. Изогнутый хобот отходит от квадратной башки.

— О да, я вижу! А как вы зовёте вон то, зигзагообразное?

— Треснувший Лёд, — сказал Понтер.

— Точно. Очень похоже. Мы называем его Кассиопея — это имя древней царицы. Предполагается, что этот зигзаг очерчивает контур её трона.

— Гмм, а на этом выступе посередине не больно будет сидеть?

Мэри рассмеялась.

— Ну, теперь, когда ты про это сказал… — Она продолжила оглядывать созвездия. — А, скажем, вон то размытое пятно под ним, это что?

— Это… не знаю, как вы её называете, но это ближайшая к нам большая галактика.

— Туманность Андромеды! — вспомнила Мэри. — Я же всегда мечтала её увидеть! — Она снова вздохнула и продолжила обозрение. Звёзд было больше, чем она видела за всю свою жизнь. — Это так красиво, — сказала она, — и… о Боже! Боже мой! Что это?!

Лицо Понтера словно немного светилось.

— Ночное сияние, — сказал он.

— Ночное сияние? Ты хочешь сказать, *северное* сияние?

— Если оно связано с связано с северным полюсом, то да.

— Вау! — сказала Мэри. — Северное сияние. Его я тоже никогда в жизни не видела.

— Совсем-совсем? — в голосе Понтера послышалось удивление.

— Совсем. Ну, то есть, ведь я живу в Торонто. Это ведь даже южнее Портленда, штат Орегон. — Этот факт всегда приводил американцев в изумление, хотя для Понтера ничего не значил.

— Я видел это тысячи раз, — сказал Понтер. — Но это никогда не надоедает. — Они некоторое время сидели молча, любуясь извивающимися полотнищами света. — И что, это типично для вашего народа — ни разу в жизни этого не видеть?

— Думаю, да, — ответила Мэри. — Ведь не так много людей живёт на крайнем севере. Да и юге, если на то пошло.

— Да, возможно, этим и объясняется… — сказал Понтер.

— Что?

— Ваша неосведомлённость о пронизывающих вселенную электромагнитных волокнах; мы с Лу обсуждали это. Мы открыли эти волокна во

время наблюдения за ночным сиянием; это с их помощью мы объясняем наблюдаемую структуру вселенной, а не через большой взрыв, как вы.

— Ну, — сказала Мэри, — не думаю, что ты многих сможешь убедить в том, что большого взрыва не было.

— Это нормально. Ваша потребность в убеждении других в своей правоте, я полагаю, тоже уходит корнями в религию; я же доволен уже тем, что сам знаю, что прав, даже если другие об этом не знают.

Мэри улыбнулась во тьме. Мужчина, который не стесняется плакать, не стремится всё время доказывать свою правоту, мужчина, который уважает женщин и ведёт себя с ними, как с равными. *Просто находка*, как сказала бы её сестра Кристина.

И, думала Мэри, очевидно, что Понтеру она нравится, причём несомненно, что за её ум, поскольку она ему должна казаться такой же уродливой, какой он казался… ну, не ей, по крайней мере, не сейчас, но всем другим людям Земли. Только представьте: мужчина, которому она нравится за то, какая она есть, а не за то, какой кажется.

Просто находка, точно, но…

Сердце Мэри ёкнуло. Левая рука Понтера нашла во тьме её правую руку и нежно её погладила.

И внезапно она почувствовала, как напряглась каждая мышца в её теле. Да, она может остаться с мужчиной наедине; да, она может обнять и утешить мужчину. Но…

Но нет, ещё слишком рано. Слишком. Мэри мягко убрала руку, соскользнула с капота и открыла дверь машины. Хлынувший изнутри свет ослепил её. Она забралась на водительское место; мгновением спустя Понтер уселся на пассажирское. Его лицо было хмурым.

Остаток пути до Садбери они проделали в молчании.

Глава 42

День восьмой

Пятница, 9 августа

148/119/02

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Экстремистская экологическая группировка «Изумрудный рассвет» взяла на себя ответственность за взрыв Нейтринной обсерватории Садбери. Директор обсерватории Бонни Джин Ма заявила, что никакого взрыва не было, а разрушение произошло из-за того, что внутрь установки попал воздух…

Рентгеновские снимки черепа Понтера Боддета были выставлены на торги на сервере аукционов eBay сегодня утром. Цена успела достичь $355 прежде чем администрация сайта сняла заявку с торгов после того, как пресс-секретарь

Регионального госпиталя Садбери заявил в эфире радио «Си-Би-Си», что это наверняка подделка…

Канадский доллар подешевел на две трети цента на фоне продолжающегося роста напряжённости в отношениях США и Канады, вызванного разногласиями относительно того, кто должен определять дальнейшую судьбу загадочного пещерного человека…

Из источников в оцеплении вокруг усадьбы Монтего стало известно, что неандертальцы не разделяют некоторых наших научных теорий. Креационистов, несомненно, порадует, что неандертальцы отвергают теорию большого взрыва, которую наша наука считает наилучшим объяснением возникновения вселенной…

Сегодня распространились неподтверждённые слухи о том, что Россия нацелила на Северное Онтарио свои МБР с ядерными боеголовками. «Если в наш мир пришла чума, кто-то должен быть го-

тов стерилизовать заражённые области для блага всего человечества» — сообщил некто, назвавшийся Юрием А. Петровым, на интернет-форуме, посвящённом трансграничным проблемам здравоохранения…

Понтер Боддет согласился бросить первую подачу на стадионе «Скайдом»[35] в следующий четверг, когда «Блю Джейз» будут принимать «Нью-Йорк Янкиз»…

Согласно проведённому CNN опросу, три вопроса, которые хотят задать неандертальцу больше всего людей, таковы: «Какие в вашем мире женщины?», «Что в вашем мире стало с людьми нашего вида?» и «Верите ли вы в Иисуса Христа?»

Лурт, партнёрша Адекора, имела полное право просматривать свой архив алиби когда ей вздумается. Последний раз ей понадобилось это сделать всего несколько месяцев назад, когда её студент случайно стёр с доски формулу, которую

[35] Примечания: 35

SkyDome — комбинированный футбольно-бейсбольный стадион в Торонто, построенный в 1989 году, домашняя арена бейсбольной команды «Блю Джейз». С 2005 года называется «Роджерс-Центр». *(Прим. перев.)*

она там записала. Вместо того, чтобы пытаться воссоздать её, она просто пришла в здание архива, получила доступ к записям своего алиби, отыскала хорошее, чёткое изображение доски и списала с него формулу.

Благодаря недавнему посещению архива Лурт знала, что её куб подключён к разъёму номер 13997; она просто назвала этот номер Хранителю Алиби, чтобы та не искала его в компьютере. Хранитель отвёла её к нужной нише, и Лурт направила свой компаньон на синий глазок.

— Я, Лурт Фрадло, желаю получить доступ к моему собственному архиву алиби по причине личного характера. Дата, время.

Глазок стал жёлтым; куб согласился, что Лурт действительно та, кем себя называет.

Хранитель Алиби подняла свой компаньон.

— Я, Мабла Дабдалб, Хранитель Алиби, сим подтверждаю, что личность Лурт Фрадло была удостоверена в моём присутствии. Дата, время. — Глазок стал красным, а из динамика раздался гудок.

— Всё готово, — сказала хранительница. — Можете воспользоваться проектором в четвёртой комнате.

Дабдалб повернулась, чтобы уйти, и Лурт после-

довала за ней. Она вошла в четвёртую комнату, которая была крошечной каморкой с единственным стулом. Лурт знала, что где-то неподалёку в другой комнате сидит принудитель и просматривает передачу с компаньона Адекора в реальном времени, в момент её приёма и записи на куб.

Однако смотреть, как что-то записывается — это совсем не то же самое, что записывать и воспроизводить одновременно. Лурт вытянула контрольные стержни, выбрав наугад произвольный день своей жизни, и увидела, как голосфера перед ней заполняется обыденной сценой работы в лаборатории. Оставив запись проигрываться, Лурт вышла из комнаты, якобы направляясь в уборную. А дойдя до участка коридора, в котором никого не было, она натянула пару перчаток для еды, выудила крошечное устройство, которое принесла с собой, включила его и бросила в урну для мусора. Потом сняла перчатки.

Болбай ошибалась, подумала Лурт, возвращаясь в свою просмотровую комнату и тихо насвистывая. Идеальное место для неотслеживаемого преступления находится не глубоко под землёй. Оно находится здесь, в архиве алиби, где никто не наблюдает за вами в то время, как ваш куб переключен из режима записи в режим

воспроизведения…

Её первой мыслью было воспользоваться сульфидом водорода, который наверняка произвёл бы желаемый эффект. Но концентрация, превышающая 500 частей на миллион, может убить даже за короткое время. Потом она подумала о мускусе хорька, но, проверив формулу, убедилась, что она слишком сложна: транс-2-бутилен-1-тиол, 3-метил-1-бутанетиол, транс-2-бутенила триацетат и прочее. В конце концов она остановилась на сульфиде аммония, любимом средстве детских розыгрышей — пока дети ещё не осознали до конца, что все их действия записываются компаньоном.

Чутких нюх имеет свои достоинства, хотя Лурт слышала, что одной из причин, почему люди едят так мало растений, тогда как другие приматы только ими и питаются, является то, что существам с таким чувствительным носом трудно мириться с метеоризмом, который является следствием растительной диеты. Но сейчас это было как раз то, что доктор прописал, даже если доктором был физик, пытающийся не пойти под нож.

Лурт показалось, что она учуяла запах первой, хотя её комната не была ближайшей к тому месту, где она оставила устройство. Впрочем, она

ожидала его учуять, так что её нюх был обострён, а ноздри — рефлекторно расширены. Но она не должна быть первой, кто отреагирует. Поэтому она сидела у себя в комнате, пока снаружи не донеслись звуки беготни, потом вышла в коридор, пытаясь сдержать рвотные позывы, вызванные ужасающей вонью. Здоровенный кряжистый мужчина выскочил из одной из соседних просмотровых комнат, зажимая пальцами нос. Лурт подумала, что это, должно быть, и есть принудитель, ведущий наблюдение за Адекором. Догадка подтвердилась, когда она прошла мимо комнаты и через оставшуюся открытой дверь заметила внутри голосферу с выходящими из дома Адекором и Жасмель.

— Откуда эта вонь? — содрогаясь, спросила Дабдалб, Хранитель Алиби, когда Лурт проходила мимо неё.

— Какая гадость! — воскликнул другой посетитель, спеша через вестибюль к выходу.

— Откройте окна! Откройте окна! — крикнул третий.

Лурт присоединилась к небольшой группе посетителей, торопящихся выбраться из здания на открытый воздух. Лурт знала, что пройдёт не менее четверти дня, прежде чем запах рассеется

и в здание можно будет снова войти.

Она надеялась, что этого времени Адекору хватит, чтобы осуществить задуманное.

* * *

На следующее утро Мэри отправилась в Лаврентийский университет, потратив некоторое время, чтобы отвязаться от поджидавших её в холле «Рамады» журналистов. Они были явно разочарованы, узнав, что Понтер не поселится здесь же. По-видимому, на это намекнул Рубен, пытался сбить их со следа; вчера Мэри отвезла Понтера обратно к Рубену, и, насколько она знала, он всё ещё был там.

В 10:30 утра Мэри, к своему изумлению, заметила в коридоре рядом со своей лабораторией Луизу Бенуа. На ней были короткие джинсовые шорты и белая рубашка, завязанная узлом на плоском животе. Да, подумала Мэри, сегодня на улице и правда жарко, как в аду, но, в самом деле — она будто *напрашивается*…

Нет.

Мэри мысленно обругала себя; она не должна так думать. Как бы женщина ни одевалась, она имеет право на безопасность, имеет право ходить и не бояться, что её изнасилуют.

Мэри решила проявить дружелюбие и извлечь из себя пару французских слов.

— *Bonjour*, — сказала она, когда подошла ближе. — *Comment ça va?*

— Отлично, — ответила Луиза. — А вы как?

— Всё хорошо. Вас сюда каким ветром?

Луиза показала на дальний конец коридора.

— Заходила навестить знакомых ребят с физического. В обсерватории по-прежнему нечего делать. Там закончили откачивать воду, и монтажники с завода начали заново собирать акриловую сферу, но это займёт несколько недель. Так что я решила сходить пообщаться и обсудить одну свою идею — посмотреть, не наделают ли они в ней дыр.

Мери шла к ряду торговых автоматов, надеясь раздобыть пакетик своих любимых чипсов «Мисс Викки» с морской солью и солодовым уксусом — удовольствие, которое она сейчас могла себе позволить только в финансовом смысле, однако начинать каждую рабочую неделю с 43-граммового пакетика которого уже давно вошло в привычку.

— И как, наделали? — спросила Мэри. — Дыр в идее, я имею в виду.

Луиза покачала головой и пошла следом за

Мэри в сторону вестибюля.

— Ну, значит идея первый сорт, не так ли? — сказала Мэри.

— Да, похоже, — согласилась Луиза. Добравшись до вестибюля, Мэри порылась в кошельке в поисках мелочи. Выудив из него гагару[36] и четвертачок, она скормила их торговому автомату. Луиза тем временем купила в соседнем автомате кофе.

— Помните ту встречу в конференц-зале «Инко»? — спросила Луиза. — Я тогда сказала, что согласно многомировой интерпретации квантовой механики если квантовое событие может пойти по двум различным путям, оно *обязательно* пойдёт по двум путям.

— Расщепление мировой линии, — сказала Мэри, опираясь задом на обтянутый винилом подлокотник стоящего в вестибюле кресла.

— *Oui,* — подтвердила Луиза. — Так вот, мы с Понтером довольно долго это обсуждали.

— Понтер упоминал об этом, — сказала Мэри. — К сожалению, не помню того разговора.

— Это было поздно ночью, и…

— Так вы в ту ночь ходили к Понтеру снова, по-

---

[36] Примечания: 36

Loonie — разговорное название монеты в один канадский доллар, по названию изображённой на ней птицы. *(Прим. перев.)*

сле уроков языка? — Мэри сама не ожидала, что почувствует такую… о Боже, да ведь она *ревнует*.

— Ага. Я ж ночью почти не сплю, сами знаете. Хотела побольше узнать об их взглядах на физику.

— И? — сказала Мэри, пытаясь совладать с голосом.

— Ну, это было интересно, — сказала Луиза и отхлебнула кофе. — В нашем мире существует две интерпретации квантовой механики: копенгагенская интерпретация и многомировая интерпретация Эверетта. Первая постулирует особую роль наблюдателя — что сознание фактически формирует реальность. Но дело в том, что некоторых физиков эта идея не удовлетворяет, поскольку они видят в ней возврат к витализму. Многомировая интерпретация Эверетта стала попыткой обойти это противоречие. Она гласит, что квантовые явления приводят к постоянному расщеплению вселенной, так что каждый возможный результат квантового события реализуется, но в своей отдельной вселенной. Для формирования реальности не нужен наблюдатель; наоборот: каждый мыслимый вариант реальности возникает автоматически.

— О'кей, — сказала Мэри, не потому что и

впрямь всё поняла, а чтобы не затягивать лекцию.

— Так вот, у народа Понтера есть одна-единственная квантовомеханическая теория, которая является как бы синтезом двух наших. Они допускают существование многих миров — то есть, параллельных вселенных, но возникновение этих вселенных вызывается не случайными квантовыми процессами. Скорее, это происходит лишь в результате *действий осознающих себя наблюдателей*.

— А почему у нас нет такой объединенной теории? — спросила Мэри, пережёвывая один особенно крупный чипс.

— Частично из-за того, что математические модели двух интерпретаций противоречат друг другу, — сказала Луиза. — И, конечно, из-за старинной проблемы политики в науке: физики, отстаивающие копенгагенскую интерпретацию, потратили жизнь на доказательство её верности, так же, как и учёные из лагеря Эверетта. Просто заявить теперь, что «возможно, мы частично были правы, а частично ошибались» они уже не могут.

— Ах, — сказала Мэри, — это всё равно как мультирегиональная гипотеза против гипотезы

замещения в палеоантропологии.

Луиза кивнула.

— Вам виднее. Но предположим, что неандертальская синтетическая теория верна. Она подразумевает, что сознание — человеческая воля — обладает способностью создавать новые вселенные. Это поднимает важный вопрос. Предположим, что в самом начале, в момент большого взрыва, была лишь одна вселенная. В какой-то более поздний момент она начала расщепляться.

— А я думала, что Понтер не верит в большой взрыв, — сказала Мэри.

— Да, по-видимому, неандертальские учёные считают, что вселенная существует вечно. Они считают, что красное смещение — наше основное доказательство расширения вселенной — пропорционально не расстоянию, а возрасту; другими словами, что масса изменяется со временем. Они также думают, что макроструктуры галактик и галактических скоплений создаются монополями и сжимающими плазму магнитными вихревыми волокнами. Понтер говорит, что фоновое микроволновое излучение, которое мы считаем реликтовым излучением большого взрыва, это результат поглощения и переизлучения микроволновых волн электронами, захваченны-

ми этими магнитными полями. Многократное поглощение и переизлучение, происходящее во многих галактиках, по словам Понтера, сглаживает эффект и создаёт однородное фоновое излучение, которое мы регистрируем.

— И как, вам это кажется правдоподобным? — спросила Мэри.

Луиза пожала плечами.

— Будем разбираться. — Она отхлебнула ещё кофе. — Но знаете, рассказав мне это, Понтер сказал ещё одну поразительную вещь.

— Какую? — спросила Мэри.

— Я так понимаю, вы показали ему церковную службу, так?

— Да. По телевизору.

Луиза уселась в одно из обтянутых винилом кресел.

— Ну, — сказала она, — по-видимому, после этого он провёл какое-то время за просмотром «Вижн-TV», изучая это явление. Он сказал, что наша теория возникновения вселенной — такой же миф о сотворении мира, какой описан в Библии. «В начале Бог сотворил небо и землю» и всё такое. «Даже ваша наука, — сказал Понтер, — оказалась заражена ошибками религии».

Мэри сползла с подлокотника и тоже уселась

как следует.

— Вы знаете… в общем, физика — это ваша область, а не моя, но вполне возможно, что он прав. Я упомянула про борьбу мультирегиональной теории и теории замещения; её ещё называют африканской. Так вот, давно отмечено, что теория замещения, которую разделяю я и другие генетики, также в целом имеет вполне библейские черты: человечество вышло из Африки уже сформировавшимся, словно изгнанное из рая, и существует ясно различимая граница между нами и остальным животным царством, включая даже ещё существующих в ту эпоху других представителей рода Homo.

— Интересная точка зрения, — сказала Луиза.

— Но также можно сказать, что и другая сторона отстаивает библейскую интерпретацию: параллели между мультирегионализмом и десятью потерянными коленами израилевыми просто лезут в глаза. Кроме того, есть гипотеза «митохондриальной Евы» — что все ныне живущие люди ведут свой род от единственной женщины, жившей сотни тысяч лет назад. Само упоминание Евы в названии теории кричит о том, что её продвигают скорее из-за резонанса с библейской легендой, чем из-за её научной ценности. — Мэри

помолчала. — Простите, вы говорили о неандертальских взглядах на квантовую физику…

— Ах, да, — сказала Луиза. — Так вот, я подумала: а что, если они правы насчёт того, как расщепляется вселенная, но неправы относительно её бесконечного существования. Если бы у вселенной и правда было начало, то когда произошло бы первое расщепление?

Мери наморщила лоб.

— Ну, гмм, я не знаю. Думаю, тогда, когда кто-то в первый раз принял какое-то решение.

— Именно! Я считаю, что именно так и есть. А когда было принято самое первое решение? — Луиза помолчала. — Вы знаете, это в самом деле интересно — мнение Понтера о том, что наше научное мировоззрение всегда подспудно пытается пересказать всё тот же миф о сотворении, большой взрыв и ваши модели эволюции гоминид как современный пересказ Книги Бытия. Возможно, и я впадаю в то же самое заблуждение. В конце концов, в Библии первым решением, принятым кем-то, кроме самого Господа, было решение Евы взять яблоко — первородный грех, и, в общем, можно считать, что оно расщепило вселенную. В одной из них, в той, где мы предположительно живём, человечество изгнали из рая. В другой

— нет. Фактически, это очень напоминает случай самого Понтера — переход из одной версии реальности в другую.

Мэри совершенно запуталась.

— О чём вы говорите?

— Я говорю о Марии, матери Иисуса. Вы ведь католичка, не так ли?

Мэри кивнула.

— Я заметила, что вы носите распятие. — Мэри смущённо опустила взгляд. — Я тоже католичка, — продолжала Луиза. — Так вот, как католичка, вы, вероятно, не сделаете такой же ошибки, какую делают многие другие люди. Доктрина непорочного зачатия — многие считают, что это просто вычурный термин, означающий, что Христа родила девственница, но ведь это не так, не правда ли?

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, этот термин относится к зачатию самой Марии. Она смогла родить сына Божьего потому, что сама была зачата свободной от первородного греха — это *её* зачатие было непорочным.

— Именно. Так вот, откуда возьмётся некто, свободный от первородного греха, в мире, ведущем свой род от Адама и Евы?

— Без понятия, — сказала Мэри.

— Не догадываетесь? — сказала Луиза. — Это ведь словно Мария переместилась в нашу вселенную из другой временно́й линии, в которой Ева не взяла яблоко, в которой не было грехопадения, в которой люди живут, не зная первородного греха.

Мэри с сомнением кивнула.

— Ну, можно предположить и такое.

Луиза улыбнулась.

— Видите, вы увидели параллель между Понтером и Девой Марией почти сразу. Теперь вернёмся в предыдущему вопросу: если он прав, и вселенная расщепляется каждый раз, как кто-то принимает решение, то когда это произошло впервые? И вы сказали — тогда, когда было принято первое решение. Но когда это было? Не в Библии, а, скажем так, в реальности?

Мэри выудила из пакетика очередной чипс.

— Не знаю. Первый раз, как трилобит повернул налево, а не направо?

Луиза поставила картонный стаканчик с кофе на стоящий рядом столик.

— Нет, не думаю. У трилобитов нет воли; они, как и прочие ранние формы жизни — лишь

химические машины. Стивен Джей Гулд[37] постоянно говорит в своих книгах о перемотке ленты жизни и получении иных результатов, и когда он такое говорит, то думает, что намекает на теорию хаоса. Но он не прав. Сколько бы раз вы не помещали трилобита на одну и ту же развилку, он всегда выберет один и тот же маршрут. Трилобиты не мыслят; у них нет сознания. Они лишь обрабатывают сигналы органов чувств и делают то, что они диктуют. Они не принимают решений. Гулд прав — ну, почти прав — в том, что если изменить начальные условия, то можно получить радикально иной результат, но перемотка ленты жизни и повторное её воспроизведение не даст иного результата, точно так же, как многократным показом «Унесённых ветром» не удастся добиться того, чтобы Ретт и Скарлет не расставались в финале. Я думаю, что способность принимать решения, делать *осознанный* выбор, появилась много, много позже. Я думаю, что мы, Homo sapiens, стали первыми мыслящими существами на планете.

— И более ранние формы людей демонстрировали сложное поведение, — сказала Мэри.

---

[37] Примечания: 37

Американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки, автор научно-популярных книг. *(Прим. перев.)*

— Homo ergaster, Homo erectus, Homo habilis, даже австралопитеки и кениантропы.

— Ну, это, конечно, ваша область, профессор Воган, — она что, и правда за всё время карантина не догадалась предложить Луизе перейти на «ты» и называть друг друга по имени? — но я много читала по этой проблеме в интернете. Насколько я могу судить, поведение всех этих ранних форм людей было не сложнее, чем поведение семьи бобров, строящих плотину.

— Они изготовляли орудия, — сказала Мэри.

— *Oui,* — сказала Луиза. — Но не было ли это механическим повторением? Разве не оставались их орудия практически идентичными на протяжении сотен и тысяч лет? Сделанными словно по одному и тому же воображаемому образцу, по одному чертежу?

Мэри кивнула.

— Это правда.

— Разумеется, у орудий были какие-то естественные отличия, — сказала Луиза, — там ударили под чуть другим углом, сям отщепилось больше, чем обычно. Если бы за этой работой стояло сознание, то древние люди, даже не придумав ничего лучшего сами, замечали бы, что некоторые изделия выходят лучше других. Ну,

это как колесом: вам не обязательно сразу придумать круглое колесо, вы можете их делать, скажем, пятиугольными, а потом случайно сделать шестиугольное и заметить, что оно катится лучше. В конце концов, шаг за шагом вы дойдёте до идеально круглого колеса.

Мэри кивнула.

— Но если работа делается бессознательно, — сказала Луиза, — то вы просто выкидываете изделие, которое не соответствует вашему мысленному представлению о том, что вы собирались изготовить. Понимаете? Именно так всё и выглядит в археологической летописи: никакого постепенного усовершенствования со временем, орудия остаются теми же самыми. И единственное объяснение, которое я могу предложить — что не было осознанного отбора лучших вариантов; что изготовитель не умел, не мог увидеть, что *этот* конкретный способ бить галькой о гальку производит несколько лучший эффект, чем *тот* способ.

— Интересная версия, — сказала Мэри, искренне заинтересованная.

— А когда мы видим сложное повторяемое поведение у других животных — такое, как строительство бобровой плотины — мы называем его

инстинктивным, так что такое вот изготовление орудий — это именно инстинкт. Нет, до Homo sapiens сознания не было, и, что самое важное, его не было в первые шестьдесят тысяч лет существования Homo sapiens.

— О чём вы говорите? — спросила Мэри.

— Когда впервые появились анатомически современные люди? — спросила Луиза, снова беря свой кофе.

— Около ста тысяч лет назад.

— Да, именно это число я находила в интернете. Так вот, правильно ли я понимаю? Сто килолет назад впервые появились существа, которые выглядели в точности как мы и ходили так же, как мы, верно? Существа с мозгом такого же объёма и формы, насколько можно судить по виду внутренней поверхности черепа.

— Всё верно, — сказала Мэри. Он уже доела чипсы и искала в сумочке «клинекс», чтобы вытереть жирные пальцы.

— Но, — сказала Луиза, — согласно тому, что я читала, в течение шестидесяти тысяч лет они не думали никаких мыслей. В течение шестидесяти тысяч лет они не делали ничего, что не было бы инстинктивным. Но потом, примерно сорок тысяч лет назад, всё внезапно изменилось.

Глаза Мэри округлились.

— Большой Скачок!

— Именно!

Мэри почувствовала, как у неё возбуждённо забилось сердце. Большим Скачком некоторые антропологи называли культурное пробуждение, случившееся примерно 40000 лет назад; его также называли верхнепалеолитической революцией. Как и сказала Луиза, люди современного типа к этому времени уже существовали около шести-десяти тысяч лет, но они не создавали никаких предметов искусства, не носили украшений и ничего не клали в могилы умерших. Но внезапно, 40000 лет назад, люди повсеместно начали рисовать на стенах пещер, начали носить ожерелья и браслеты, начали хоронить умерших вместе с едой, инструментами и прочими ценными вещами, которые могли им пригодиться только в предполагаемой загробной жизни. Искусство, мода и религия возникли одновременно; это был поистине большой скачок вперёд.

— Вы хотите сказать, что 40000 лет назад кроманьонцы внезапно начали делать выбор, и вселенная начала расщепляться?

— Не совсем, — сказала Луиза. Она, очевидно, уже допила свой кофе, поэтому встала и купила

ещё. — Подумайте вот о чём: что было *причиной* Большого Скачка?

— Никто не знает, — ответила Мэри.

— Но вы согласны, что в археологической летописи это маркер пробуждения самосознания, наступления эпохи сознательной деятельности?

— Должно быть, так, — сказала Мэри.

— Но это пробуждение не сопровождалось никакими заметными физическими изменениями. Не появилось нового вида людей, способных к занятиям искусством. Мозги, *способные* к таким занятиям, существовали в течение шестидесяти тысяч лет, но они не осознавали себя. А потом что-то случилось.

— Случился Большой Скачок, да. Но, как я сказала, никто не знает, почему.

— Вы читали Роджера Пенроуза? «Новый ум короля»?

Мэри покачала головой.

— Пенроуз — математик из Оксфорда. Он доказывает, что человеческое сознание имеет квантовую природу.

— И что это означает?

— Это означает, что то, что мы называем мышлением, разумностью, базируется не на биохимической сети нейронов или чём-то настолько

же грубом. Мышление есть результат квантовых процессов. Он и анестезиолог Стюарт Хамерофф утверждают, что феномен сознания создаётся суперпозицией квантовых состояний электронов в микротрубочках клеток мозга.

— Гмм, — с сомнением в голосе промычала Мэри.

Луиза отхлебнула кофе из нового стакана.

— Вы ещё не видите? Это объясняет Большой Скачок. Конечно, наши мозги сейчас точно такие же, как и сто тысяч лет назад, но сознание не возникло, пока не произошло некое квантовомеханическое событие, предположительно случайное: первое и единственное отщепление новой вселенной, случившееся в соответствии с моделью Эверетта.

Мэри кивнула; гипотеза и правда весьма интересная.

— А квантовые события в силу самой своей природы всегда имеют несколько исходов, — сказала Луиза. — Вместо квантовой флуктуации или чего-то ещё, пробудившего сознание в Homo sapiens, то же самое могло произойти у другого вида людей, существовавших 40000 лет назад — у человека неандертальского. Первое расщепление вселенной было случайностью, квантовым

всплеском. В одной версии вселенной сознание возникло у наших предков; в другой — у предков Понтера. Я читала, что впервые неандертальцы появились где-то 200000 лет назад?

Мэри кивнула.

— И мозг у них был даже крупнее, чем у нас?

Мэри снова кивнула.

— Но в нашем мире, — сказала Луиза, — на этой временной линии, в их мозгу так и не зажглось сознание. Вместо этого оно зажглось в нашем, и преимущество, которое мы вследствие этого получили — хитрость и способность думать наперёд — позволили нам одержать верх над неандертальцами и стать властелинами мира.

— Ага, — сказала, Мэри. — А в мире Понтера…

Луиза кивнула.

— В мире Понтера случилось наоборот. Это неандертальцы осознали себя, развили культуру и искусство — и вместе с ними хитрость; это они совершили Большой Скачок, тогда как мы остались бессловесными дикарями, какими были предыдущие шестьдесят тысяч лет.

— Полагаю, это возможно, — сказала Мэри. — У вас из этого получилась бы хорошая статья.

— Больше того, — сказала Луиза. Она отпила ещё кофе. — Если я права, это означает, что Пон-

тер сможет вернуться домой.

Мэри встрепенулась.

— Что?

— Я исхожу частично из того, что рассказал Понтер, и частично из нашего понимания квантовой теории. Предположим, что каждый раз, как вселенная расщепляется, она делает это не подобно амёбе — когда на месте амёбы возникает двое её потомков, а первоначальная амёба исчезает. Вместо этого предположим, что это больше похоже на роды у позвоночных: вселенная-прародительница продолжает существовать, и рядом появляется её копия.

— Так? — сказала Мэри. — И что?

— Ну, тогда, видите ли, вселенные окажутся разного возраста. Они могут *выглядеть* абсолютно идентичными, за исключением того, что вы выбрали на завтрак сегодня утром, но одной из них двенадцать миллиардов лет, а другой, — она взглянула на наручные часы, — всего несколько часов. Разумеется, будет *казаться*, что ей тоже двенадцать миллиардов лет, но на самом деле это будет не так.

Мэри нахмурилась.

— Гмм, Луиза, а вы, часом, не креационистка?

— *Quoi?* — Но потом она рассмеялась. — Нет-

нет-нет, но я вижу параллель, на которую вы намекаете. Нет, сейчас я говорю исключительно с точки зрения физики.

— Как скажете. Но как это связано с возможностью для Понтера вернуться домой?

— Так вот, предположим, что эта вселенная, та, в которой мы с вами находимся — это оригинальная вселенная, в которой осознали себя Homo sapiens, та, что отделилась от вселенной, где это сделали неандертальцы. Все бесчисленные вселенные, в которых существуют мыслящие Homo sapiens, будут дочерними по отношению к ней. Или внучатными, или правнучатными и так далее.

— Это весьма произвольное предположение, — сказала Мэри.

— Оно было бы таковым, не будь у нас других доказательств. А одно у нас есть, и это как раз прибытие Понтера к нам, а не в любую другую вселенную из бесчисленного множества. Когда квантовый компьютер Понтера исчерпал множество вселенных, в которых существовал его аналог, что он тогда сделал? Понятное дело, попытался обратиться к тем, в которых его не существует. И в процессе он сперва попал в ту, что отделилась от всего дерева вселенных с суще-

ствующими в них квантовыми компьютерами, в ту, которая сорок тысяч лет назад пошла по совсем другому пути, с другим доминирующим видом людей. Разумеется, как только компьютер наткнулся на вселенную, в которой его не существует, процесс факторизации аварийно завершился, и контакт между двумя мирами был прерван. Однако если в мире Понтера в точности воспроизведут процесс, завершившийся его переброской сюда, я думаю, есть немалая вероятность того, что портал откроется снова именно в нашу вселенную, первой отделившейся от их линии развития.

— Многовато «если», — сказала Мэри. — Кроме того, если они могут повторить эксперимент, почему они этого до сих пор не сделали?

— Я не знаю, — сказала Луиза. — Но если я права, то дверь в мир Понтера может открыться снова.

Мэри ощутила, как что-то переворачивается у неё внутри — помимо картофельных чипсов — когда она попыталась разобраться, какие именно чувства вызвало в ней это известие.

Глава 43

Адекор Халд осматривал шахтного робота, приготовленного для него Дерном. Устройство выглядело довольно жалко — набор шестерёнок, тяг и механических клешней, отдалённо напоминающий сосну с обсыпавшейся хвоей. В недавнем прошлом робот явно пережил пожар — Адекор вспомнил, что слышал о пожаре на шахте месяца четыре назад. Некоторые компоненты робота сплавились, металлические части были сильно изношены, а вся конструкция была черна, словно вымазана сажей. Дерн сказал, что робота должны были отправить на слом и переработку, так что никто не удивится, если он исчезнет.

Наладить управление роботом удалось не сразу. Хотя и существовали роботы с искусственным интеллектом, они были очень дороги. Конкретно этот не умел сам делать то, что от него требовалось; им нужно было управлять дистанционно. Радиосигналами пользоваться было нельзя, они могли повредить квантовые регистры и сделать невозможным воспроизведение условий эксперимента. Поэтому Дерн просто протянул

оптоволоконный кабель от робота до небольшого управляющего блока, который укрепил на консоли в пультовой квантового компьютера. С помощью двух рычажков, которые управляли руками робота, он заставил его нажать сверху на регистр 69 так же, как это делал Понтер.

Адекор взглянул на Дерна.

— Всё готово?

Дерн кивнул.

Он посмотрел на присутствующую тут же Жасмель.

— Готова?

— Да.

— Десять, — сказал Адекор, стоя у консоли компьютера; он выкрикивал числа так же громко, как в прошлый раз, хотя сейчас в вычислительной камере его некому было слушать.

— Девять. — Он отчаянно надеялся, что всё сработает — ради Понтера и ради себя самого.

— Восемь. Семь. Шесть.

Он посмотрел на Дерна.

— Пять. Четыре. Три.

Он ободряюще улыбнулся Жасмель.

— Два. Один. Ноль.

— Эй! — вскрикнул Дерн. Его блок управления рывком соскочил с консоли и запрыгал по по-

лу; выходящий из него оптический кабель туго натянулся.

Адекор ощутил порыв ветра, но хлопка в ушах не было; давление в комнате существенно не менялось. Как будто воздух просто *заменили* другим…

Губы Жасмель складывались в слова «Не может быть», но звук её голоса полностью заглушил ветер.

Дерн, метнувшись через помещение, задержал уползающий блок управления, наступив на него. Адекор бросился к окну в вычислительную камеру.

Робот *исчез*. Однако…

…однако кабель был туго натянут в полусажени от пола. Он тянулся от двери в пультовую примерно на две трети поперечника вычислительной камеры, а потом…

А потом пропадал, растворялся в воздухе, словно уходя в дыру в невидимой стене рядом с регистром 69.

Адекор посмотрел на Дерна. Дерн посмотрел на Жасмель. Жасмель посмотрела на Адекора. Все трое бросились к монитору, который показывал изображение с обзорной камеры робота. Но там всё было черным-черно.

— Робот уничтожен, — сказала Жасмель. — Как мой отец.

— Возможно, сказал Дерн. — Или, может быть, видеосигнал не проходит сквозь… это.

— Или, — добавил Адекор, — он попал в совершенно тёмное помещение.

— Что… что нам делать дальше? — спросила Жасмель.

Дерн слегка пожал своими округлыми плечами.

— Давайте вытянем его обратно, — предложил Адекор. — Посмотрим, может ли что-нибудь выдержать прохождение через эту штуку. — Он вошёл в вычислительную камеру и прикоснулся к кабелю, в нескольких шагах от него уходящему в никуда примерно на уровне пояса. Потом он схватился за него двумя руками и осторожно потянул.

Позади него в камеру вошла Жасмель и тоже стала тянуть.

Тянуть было довольно легко, но было ясно, что на другом его конце имеется груз, словно там, по другую сторону, робот висит на нём над бездной.

— Какое натяжение выдерживают кабельные коннекторы на самом роботе? — спросил Адекор Дерна, который, поскольку ему больше не надо

было удерживать блок управления, тоже вышел в вычислительную камеру.

— Это самое обычное *бедонк*-подключение.

— Кабель может оборваться?

— Если дёрнешь достаточно сильно. Там есть маленькие фиксаторы, которые защёлкиваются вокруг кабеля и удерживают его на месте.

Адекор и Жасмель продолжали очень плавно вытягивать кабель.

— А ты их защёлкнул?

— Я… я не помню, — сказал Дерн. — Может быть. Я подсоединял и отключал кабель несколько раз, когда налаживал управление…

Адекор и Жасмель уже вытянули около трёх саженей кабеля, и тут…

— Смотрите! — крикнула Жасмель.

Угловатый корпус робота показался из-за… пока нельзя было сказать, из-за чего. Стало видно основание машины, словно она проходила через подвешенное в воздухе невидимое отверстие, формой совпадающее с сечением робота.

Дерн поспешил через вычислительную камеру, громко шлёпая застёгнутыми штанинами о гладко отполированный пол. Он протянул руку и схватил один из суставчатых манипуляторов робота, наполовину высунувшийся прямо из

воздуха. И он сделал это как раз вовремя, потому что в этот момент коннектор не выдержал, и Адекор с Жасмель повалились на пол. Они быстро вскочили на ноги и увидели, как Дерн вытаскивает робота — Адекору снова пришло на ум это определение — с другой стороны.

Они подошли к Дерну, который теперь сидел на полу; перевёрнутый робот валялся рядом с ним. Он не казался повреждённым более, чем уже был до того. Однако Дерн с изумлением на лице осматривал свою левую руку.

— С тобой всё в порядке? — спросил Адекор.

— Моя рука… — сказал Дерн.

— Что с ней? Она сломана?

Дерн поднял голову.

— Нет, с ней всё в порядке. Но… когда я в первый раз схватил робота… когда кабель оборвался, и робота потянуло назад… руку утянуло *туда* вместе с ним. Она прошла через эту штуку и исчезла.

Жасмель взяла Дерна за руку и осмотрела её.

— Выглядит нормально. А какие были ощущения?

— Я ничего особого не почувствовал. Но выглядело это так, как будто её отрезали чуть выше пальцев, и срез был идеально ровный, но никакого кровотечения, и линия среза сдвигалась к

пальцам, когда я потянул руку на себя.

Жасмель содрогнулась.

— Ты уверен, что нормально себя чувствуешь? — спросил Адекор.

Дерн кивнул.

Адекор ступил вперёд на полшага туда, где находилось отверстие. Он медленно вытянул правую руку и осторожно поводил ею из стороны в сторону. Чем бы ни была загадочная дверь, сейчас она, по-видимому, закрылась.

— Что теперь? — спросила Жасмель.

— Ну, я не знаю, — сказал Адекор. — Мы можем поставить на робота лампу?

— Раз плюнуть, — сказал Дерн. — Можно снять с головного протектора. У вас тут есть запасные?

— На полке в комнате для еды.

Дерн кивнул, потом поднял руку и повращал кистью — ладонью вверх, ладонью вниз, словно видел её в первый раз.

— Я не поверил своим глазам, — тихо произнёс он. Потом тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение, и пошёл искать лампу.

— Ты, конечно, понимаешь, что произошло, — сказала Жасмель, пока они ждали возвращения Дерна. — Мой отец провалился сквозь эту штуку. Поэтому не нашли никаких следов тела.

— Но, похоже, другая сторона не на уровне пола, — сказал Адекор. — Он, должно быть, упал, и…

Жасмель подняла бровь.

— И мог сломать себе шею. Из чего… из чего следует, что на другой стороне мы можем увидеть…

Адекор кивнул.

— Его мёртвое тело. Эта мысли приходила мне в голову, прости… но на самом деле я ожидал увидеть его утонувшим в ёмкости с тяжёлой водой. — Он обдумал эту мысль, потом ощупал робота — он был совершенно сухой. — Когда пропал Понтер, на другой стороне был резервуар с тяжёлой водой, и… *хрящ!*

— Что?

— Мы, должно быть, попали в *другую* вселенную, не в ту, в которую провалился Понтер.

У Жасмель затряслись губы.

Адекор поставил робота на шасси. Проверил кабельное гнездо — оно выглядело пристойно. Жасмель тем временем сходила за кабелем и принесла его конец Адекору; вид у неё был очень печальный. Адекор подключил кабель к роботу, а потом опустил фиксаторы, которые вошли в специальные бороздки на коннекторе кабеля.

Дерн тем временем вернулся с двумя электрическими фонарями и круглой батареей питания.

Он также захватил моток клейкой ленты, которой прочно закрепил лампы на корпусе робота по бокам от его обзорной камеры.

Они установили робота в исходное положение у регистра 69 и вернулись в пультовую. Адекор взял коробку из-под оборудования и встал на неё, чтобы не отходя от консоли видеть происходящее в вычислительной камере через окно, просто оглянувшись через плечо.

Он снова произвёл обратный отсчёт:

— Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Ноль.

В этот раз Адекор увидел весь процесс. Портал открылся как расширяющийся обруч синего пламени. Он снова услышал шум ветра, и робот, оказавшийся словно на самом краю обрыва, кувыркнулся вперёд и пропал. Управляющий кабель натянулся, синий обруч сжался вокруг него и исчез.

Все трое одновременно обернулись к квадратному видеомонитору. Поначалу казалось, что видеосигнала снова нет, но потом лучи ламп, видимо, наткнулись на что-то — стекло или пластик — и они на короткое время увидели отражённый свет. Но это было и всё; должно быть, помещение, в котором висел на кабеле робот, было немалого

размера.

Лучи ламп опять заплясали на чём-то — пересекающиеся металлические трубки? Робот раскачивался на конце кабеля, словно маятник.

А потом вдруг всё осветилось, словно…

— Кто-то включил свет, — сказала Жасмель.

Теперь стало ясно, что робот и правда качается на свисающем кабеле. Они успели заметить участок скальной стены, и другую скальную стену, и…

— Что это? — воскликнула Жасмель.

Они видели это всего мгновение: что-то вроде лестницы, прислонённой к изгибающейся стене огромного помещения, и сбегающая вниз по ней фигура в синей одежде.

Комната продолжала вращаться, и они разглядели огромную решётчатую конструкцию, стоящую на полу, в узлах которой виднелись какие-то металлические цветы.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал Дерн.

— Как красиво, — сказала Жасмель.

Адекор затаил дыхание. Камера по-прежнему вращалась. Она снова показала лестницу, и ещё две фигурки, спускающиеся по ней, и потом робот снова повернулся в другую сторону.

Фигурки, одетые в свободные синие комбинезоны и с ярко-жёлтыми скорлупками на головах мелькнули на экране ещё дважды, каждый раз на мучительно короткое время. Для мужчин они были слишком узкоплечи; Адекор предположил, что это женщины, хотя и для женщин они были слишком худы. Однако их лица, хоть и мелькнули перед глазами на какие-то мгновения, были явно лишены растительности, и…

Изображение внезапно дёрнулось и застыло; робот больше не вращался. Сбоку появилась рука и на короткое время закрыла всё поле зрения — странная, хилая на вид рука с коротким большим пальцем и чем-то вроде металлической полоски, обёрнутой вокруг безымянного. Рука, по-видимому, вцепилась в робота, остановив его вращение. Дерн лихорадочно работал с контрольным блоком, направляя камеру вниз так быстро, как позволяла конструкция, и вот они уже смотрят в лицо того, кто, подняв руки вверх, удерживал робота в неподвижном положении.

Дерн ахнул. Адекор ощутил желудочный спазм. Существо было отвратительным и уродливым; его нижняя челюсть торчала вперёд, словно на челюстной кости образовался огромный нарост.

Отталкивающее существо по-прежнему дер-

жало робота, пытаясь стянуть его вниз, ближе к полу; шасси робота находилось примерно в половине человеческого роста над полом гигантского помещения.

Пока камера робота опускалась, Адекор успел заметить большое отверстие в нижней части решётчатой сферы, словно её частично разобрали. На полу помещения лежали гигантские изогнутые куски стекла или прозрачного пластика, сложенные один на другой; должно быть, это они отражали свет ламп в самый первый момент. Эти огромные куски стекла выглядели так, будто когда-то были сегментами поверхности гигантской сферы.

В поле зрения камеры время от времени появлялись ещё три существа, такие же деформированные, как и первое. У двух из них также отсутствовали волосы на лице. Один указывал рукой на робота; его рука была тонкая, словно ветка.

Жасмель опустила руки на бёдра и поражённо покачала головой.

— Кто это такие? — спросила она.

Адекор изумлённо молчал, лишь мотнул головой в ответ.

— Какая-то разновидность приматов? — пред-

положила Жасмель.

— Не шимпанзе и не бонобо, — сказала Дерн.

— Нет, — сказал Адекор, — хоть они и такие же тощие. Но они почти безволосы. Они больше похожи на нас, чем на обезьян.

— Жаль, что они носят эти штуковины на головах, — сказал Дерн. — Интересно, зачем они?

— Для защиты? — предположил Адекор.

— Не слишком эффективно, я бы сказал, — заметил Дерн. — Если что-то падает на голову, то удар принимает на себя шея, а не плечи.

— Папы нигде не видно, — сказала Жасмель.

Все трое на какое-то время затихли. Потом Жасмель заговорила снова:

— Знаете, на кого они похожи? На первобытных людей — как те окаменелости в залах *галдараб*.

Адекор сделал пару шагов назад; предположение Жасмель потрясло его в буквальном, физическом смысле. Он нашёл стул, повернул его сиденьем к себе и опустился на него.

— Глексенские люди, — вспомнил он научный термин; Глексен — название местности, в которой впервые нашли окаменелости единственных приматов без надбровных дуг и с этими смешными выростами на нижней челюсти.

Мог их эксперимент затронуть другие миро-

вые линии, дотянуться до вселенных, которые отделились задолго до создания квантового компьютера? Нет, нет. Адекор потряс головой. Это уже слишком, слишком безумно. В конце концов, глексенские люди вымерли — в памяти всплыло число полмиллиона месяцев, но он не был уверен, что оно правильное. Адекор в раздумье потёр пальцами ложбинку над надбровным валиком. Единственным звуком в комнате был шум системы кондиционирования; единственным запахом — запах его собственных феромонов.

— Это огромное открытие, — сказал Дерн. — Гигантское.

Адекор медленно кивнул.

— Другая версия Земли. Другая версия человечества.

— Оно разговаривает! — вскрикнула Жасмель, указывая на фигурки на экране. — Включайте звук!

Дерн дотянулся до блока управления.

— Речь, — сказал Адекор, тряся головой в изумлении. — Я читал, что глексены были неспособны к членораздельной речи из-за слишком короткого языка.

Они прислушались к чужой речи, хоть и не понимали ни слова.

— Звучит так странно, — сказала Жасмель. — Никогда не слышала ничего подобного.

Глексен на переднем плане перестал тянуть робота к себе, поняв, что, вероятно, кабель вытравлен на максимально возможную длину. Он отошёл в сторону, и перед камерой появился другой глексен. Адекору понадобилось некоторое время на осознание того, что в помещении присутствовали и мужчины, и женщины; и у тех, и у других были голые лица, хотя у некоторых мужчин борода всё же росла. Женщины выглядели мельче, но, по крайней мере у некоторых, под одеждой явно просматривалась грудь.

Жасмель выглянула в вычислительную камеру.

— Портал, похоже, так и остаётся открытым, — сказала она. — Интересно, как долго он продержится.

Адекору это тоже было интересно. Доказательство, которое спасёт и его самого, и его сына Даба, и его сестру Келон, лежало прямо перед ним: альтернативный мир! Но Даклар Болбай без сомнения заявит, что видеозапись, несомненно, подделана, сфальсифицирована — ведь Адекор, скажет она, имеет доступ к самым мощным компьютерам на планете.

Но робот может принести с собой что-нибудь — да что угодно! Лучше какое-нибудь изделие, или…

По мере того, как люди двигались в разных направлениях, за их спинами становились видны новые, прежде скрытые части помещения. Это была бочкообразной формы каверна, высотой, должно быть, раз пятьдесят больше человеческого роста, вырубленная в сплошной скале.

— А они довольно разнообразный народ, вы заметили? — сказала Жасмель. — У них кожа разного оттенка… о, гляньте на ту женщину, вон там! У неё *оранжевые* волосы, как у орангутана!

— Один из них убегает, — сказал Дерн, показывая пальцем.

— Точно, — сказал Адекор. — Хотел бы я знать, куда он направляется?

* * *

— Понтер! *Понтер!*

Понтер вскинул голову. Он сидел за столом в столовой Лаврентийского университета с двумя сотрудниками физического факультета, которые за обедом помогали ему разработать программу тура по мировым физическим лабораториям, включающего ЦЕРН, Ватиканскую обсерваторию,

Фермилаб и японский Супер-Камиоканде, другой крупнейший детектор нейтрино, тоже недавно повреждённый в результате аварии. Сотня или больше студентов летних курсов благоговейно взирали на обедающего неандертальца с почтительного расстояния.

— Понтер! — снова хрипло крикнула Мэри Воган. Подбегая, она чуть не врезалась в стол. — Идём быстрее!

Понтер начал подниматься; двое физиков последовали его примеру.

— Что случилось? — спросил один из них.

Мэри не обратила на них внимания.

— *Бегом!* — прохрипела она Понтеру. — Бегом!

Понтер побежал. Мэри схватила его за руку и побежала рядом. Она задыхалась; её пришлось бежать от самой своей лаборатории в 1-м Научном корпусе, где застал её звонок из Нейтринной обсерватории.

— Что случилось? — спросил на бегу Понтер.

— Портал! — крикнула она. — Механизм — робот или что-то вроде — вылез оттуда. И портал до сих пор открыт!

— Где? — спросил Понтер.

— Внизу, в обсерватории. — Она прижала руку к груди, которая часто вздымалась и опускалась.

Мэри знала, что Понтер запросто обгонит её. Не прекращая бежать, она открыла замок сумочки, выудила оттуда ключи от машины и протянула ему

Понтер слегка качнул головой. На секунду Мэри подумала, что этот жест значит «Только с тобой». Но, конечно, всё было более прозаично: Понтер никогда в жизни не водил машину. Они продолжали бежать; Мэри пыталась поспевать за ним, но его шаги были длиннее, и он, по сути, только начал разгоняться…

Он посмотрел на неё; в его голове наверняка возникла та же дилемма: нет никакого смысла прибегать на стоянку раньше неё, потому что потом всё равно придётся её ждать.

Он остановился. Она тоже затормозила и озабоченно посмотрела на него.

— Можно…? — сказал Понтер.

Мэри не успела догадаться, о чём он спрашивает. Он протянул к ней свои массивные руки, сгрёб в охапку и легко оторвал от земли. Мэри обхватила его руками за шею, и Понтер сорвался с места; его ноги ударяли в бетонный пол, словно поршни. Мэри ощущала, как на бегу перекатываются его мускулы. Студенты и преподаватели останавливались, чтобы поглазеть на невидан-

ное зрелище.

Они вылетели в боулинговую аллею, и тут Понтер рванул вперёд по-серьёзному; звук его тяжёлых шагов заметался меж стеклянных стен. Дальше, дальше, мимо киосков, мимо «Тим Хортонс», дальше…

Через стеклянную дверь с улицы входил студент. У него отвисла челюсть, но он всё же догадался придержать дверь для Понтера и Мэри. Они выскочили на дневной свет.

Мэри была обращена лицом назад; она видела, как у Понтера из-под ног взлетают кусочки дёрна. Она ухватилась покрепче. Понтер хорошо знал её машину; красный «неон» было трудно не заметить на крошечной парковке — одно из достоинств маленького университета. Он продолжил бежать, и Мэри услышала и почувствовала, что газон под его ногами сменился асфальтом парковочной площадки.

Пробежав ещё десяток метров, он рывком поставил Мэри на ноги. Она была несколько оглушена безумной гонкой, но сумела быстро покрыть оставшиеся до машины несколько метров. Электронный ключ уже был в руке; щелкнул замок.

Мэри запрыгнула на водительское место; Пон-

тер влез на пассажирское. Она вставила ключ в зажигание, вдавила акселератор в пол, и они рванули по дороге, оставляя Лаврентийский за спиной. Скоро они уже выезжали из Садбери по направлению к «Крейгтону». Обычно Мэри особо не гоняла, да и не разгонишься особо в торонтских пробках, но сейчас выжимала по грунтовой дороге 120 км/час.

Вот, наконец, и шахта; мимо пролетел указатель с логотипом «Инко», ворота с охранником, извилистая гравийная дорожка привела к большому знанию, в котором располагался вход под землю. Мэри остановила машину с визгом тормозов и фонтанами гравия из-под колёс, и они с Понтером выскочили наружу.

Теперь Понтеру не было смысла дожидаться Мэри, а время по-прежнему оставалось неизвестным фактором. Кто знает, сколько ещё продержится портал, не закрылся ли он *уже*? Понтер взглянул на неё, потом бросился к ней и крепко обнял.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо за всё.

Мэри обняла его изо всех сил — так сильно, как смогла, хотя это наверняка не шло ни в какое сравнение с объятиями неандертальских женщин.

А потом она отпустила его.

И он побежал к входу в шахтный подъёмник.

Глава 44

Адекор, Жасмель и Дерн продолжали пялиться в монитор на сцену, которая разворачивалась в нескольких саженях — и в то же время бесконечно далеко от них.

— Они такие хрупкие на вид, — хмурясь, сказала Жасмель. — У них руки как палочки.

— Но не у той, — показал Дерн. — Она, должно быть, беременна.

Адекор, прищурившись, вгляделся в экран.

— Это не женщина, — сказал он. — Это мужчина.

— С таким животом? — удивился Дерн. — А я-то думал, что это я толстый. Сколько же эти глексены едят?

Адекор пожал плечами. Он не хотел тратить время на разговоры; он хотел лишь смотреть, впитывать в себя это зрелище. Другое человечество! И притом технологически развитое. Это было невероятно. Как было бы здорово обменяться знаниями с их физиками, биологами…

Биологами.

Да, вот, что ему нужно! Робота касались уже

несколько глексенов. Наверняка какие-то клетки их кожи отслоились и остались на корпусе робота; наверняка из них можно выделить ДНК. Это будет доказательство, которое арбитр Сард не сможет не принять! Глексенская ДНК: она докажет, что всё, происходящее на экране — реальность. Но…

Не было никаких гарантий, что портал останется открытым надолго или откроется в следующий раз. Но по крайней мере его оправдают, а Даб и Келон избегнут увечья.

— Вытягивай робота назад, — сказал Адекор.

Дерн посмотрел на него.

— Что? Почему?

— На нем, вероятно, осталась глексенская ДНК. Мы не должны её потерять, если портал вдруг закроется.

Дерн кивнул. Адекор смотрел, как он идёт через комнату, подбирает с пола оптический кабель и осторожно тянет за него. Адекор повернулся к квадратному монитору. Ближайший к роботу глексен — с коричневым цветом кожи, вероятно, мужчина — изменился в лице от неожиданности, когда робот дёрнулся вверх.

Дерн потянул ещё. Коричневый глексен теперь оглядывался через плечо, видимо, на кого-то у

себя за спиной. Он что-то крикнул, потом кивнул, услышав ответный крик. После этого он ухватился за нижнюю часть шасси робота, болтающегося теперь над полом на высоте человеческого роста.

Ещё один мужчина-глексен вбежал в поле зрения камеры. Этот был ниже ростом и с более светлой кожей — почти такой же светлой, как у Адекора, хотя глаза были… странные — тёмные и полускрытые под веками необычной формы.

Коричневый глексен посмотрел на новоприбывшего. Тот энергично мотал головой — но не коричневому. Нет, он смотрел прямо в объектив камеры робота и делал быстрые движения обеими руками, вытянув их вперёд ладонями вниз и размахивая ими перед собой вверх-вниз. И всё время кричал, повторяя снова и снова один и тот же слог — *«Стой! Стой! Стой!»*

Конечно, подумал Адекор, им тоже нужно материальное доказательство того, что они видели; разумеется, они не хотели терять робота. Он повернул голову и крикнул Дерну:

— Тяни сильнее!

* * *

Мэри всё-таки нагнала Понтера на дальнем

краю здания, за помещениями, где шахтёры переодевались в рабочую одежду. Понтер стоял на краю пандуса, ведущего к входу в подъёмник. Клеть могла находиться где угодно, даже на самом глубоком уровне в 7400 футах под землёй. Понтер, похоже, уговорил оператора вызвать клеть прямо сейчас, но ей потребуется несколько минут, чтобы добраться до поверхности.

Ни у Понтера, ни у Мэри не было здесь никаких полномочий, а плакаты с правилами безопасности были развешаны повсюду: уровень производственного травматизма на «Инко» был рекордно низким. На Понтере уже были надеты бахилы и каска. Мэри отошла в сторону и тоже облачилась в бахилы и каску, взяв их с обширного стеллажа у стены. Потом она вернулась к пандусу и встала рядом с Понтером, который уже притоптывал ногой от нетерпения.

Наконец клеть прибыла, дверь открылась. Внутри никого не было. Понтер и Мэри вошли, оператор пять раз прожужжал зуммером — знак того, что клеть пойдёт без остановок, и она рывком пришла в движение.

На пути вниз не было никакого способа связаться с пультовой Нейтринной обсерватории, да и вообще с кем угодно, кроме оператора подъём-

ника, которому можно было сигналить, нажимая кнопку зуммера. Во время их безумной поездки от университета Мэри едва сказала Понтеру пару слов — частично из-за того, что нужно было сосредоточиться на управлении машиной, частично из-за того, что сердце у неё колотилось едва ли не чаще, чем поршни двигателя.

Но сейчас…

Сейчас, пока подъёмник опускается на милю с четвертью под землю, им ничего не нужно было делать. Понтер, вероятно, кинется бежать, как только клеть остановится на отметке 6800 футов, и она не могла его в этом винить. Если он будет дожидаться её, но на пути в три четверти мили до каверны нейтринного детектора он потеряет несколько драгоценных минут.

Мэри смотрела, как мимо пролетает уровень за уровнем. В принципе, это было завораживающее зрелище, которого она никогда раньше не видела, но…

Но это был её последний шанс поговорить с Понтером. С одной стороны, спуск под землю, казалось, отнимал непозволительно много времени. С другой — часов, дней, может быть, даже лет могло не хватить ей, чтобы высказать то, что она хотела сказать.

Она не знала, как начать, но знала, что никогда не простит себе, если не скажет ему сейчас, не даст ему понять. Он не собирался исчезнуть в доисторических временах; он отправится *вбок*, а не назад. Завтра будет завтра и для него, а десятая годовщина их первой встречи наступит одновременно на обеих Землях — хотя он, скорее, отметил бы сотый месяц или что-то вроде того. И Мэри была уверена, что он будет вспоминать и беспокоиться и чувствовать грусть, пытаясь собрать свои эмоции и её, пытаясь понять, что произошло и, не менее важно, что не смогло произойти между ними.

— Понтер, — сказал она. Она сказала это тихо, а подъёмник лязгал громко. Возможно, он не услышал. Он смотрел на дверь клети, бездумно следя за убегающей вверх скальной стеной.

— Понтер, — сказала Мэри погромче.

Он повернулся к ней; его бровь взлетела вверх. Мэри улыбнулась. Когда она увидела это впервые, то опешила от неожиданности… теперь уже привыкла. Различий между ними оказалось настолько меньше, чем сходства…

И всё же всё это время меж ними зияла пропасть — не из-за того, что они принадлежали к разным видам, и скорее просто из-за того, что

он — мужчина. И даже более того. Не просто мужчина, а квинтессенция мужественности: мускулистый, как Арнольд Шварценеггер, волосатый, бородатый, невероятно сильный, грубый и неуклюжий одновременно.

— Понтер, — сказала она в третий раз. — Я… я хочу тебе кое-что сказать. — Она замолкла. Часть её кричала, что лучше не облекать это в слова, бросить, оставить, как множество других вещей, так и не сказанных, не озвученных. И, конечно, оставался шанс, что когда они доберутся до детекторной камеры — а до неё всё ещё далеко, ещё несколько минут спускаться, а потом идти пешком — портал, магическим образом открывшийся между мирами, уже снова будет закрыт, и она снова будет видеть Понтера каждый день, но уже открыв перед ним свою душу, ту эфемерную сущность, которая, как она верила, есть у них обоих и в отсутствии которой у кого бы то ни было был уверен он.

— Да? — сказал Понтер.

— Я считала, — сказала Мэри, — я считала, что то, что забросило тебя сюда, невоспроизводимо… что ты застрял здесь навсегда.

Он слегка кивнул — его широкое лицо двинулось в полумраке вниз и снова вверх.

— Мы думали, что ты никогда не сможешь вернуться к Жасмель и Мегамег, — сказала Мэри. — И к Адекору. И хотя я знала, что твоё сердце принадлежит и всегда будет принадлежать им, я также знала, что тебе предстоит прожить жизнь здесь, на этой Земле.

Понтер снова кивнул, но его взгляд скользнул в сторону. Возможно, он понял, к чему она ведёт; возможно, не хотел, чтобы она продолжала.

Но это должно быть сказано. Она должна дать ему понять — понять, что дело не в нём. Дело в ней.

Нет-нет-нет. Так неправильно. Она тут тоже ни при чём. Это всё тот безликий злой человек, тот монстр, тот демон. Это *он* встал между ними.

— Непосредственно перед тем, как мы встретились, — сказала Мэри, — в день, когда ты оказался в Садбери, меня…

Она замолчала. Её сердце напряжённо колотилось, она чувствовала его удары, хотя слышала только скрежет и скрипы работающего подъёмника.

Клеть проехала уровень 1200 футов. Она заметила шахтёра снаружи в штольне, ждущего подъёма; луч его головного фонаря хлестнул по клети и, наверное, на мгновение высветил её

лицо и лицо Понтера, загадочного пришельца извне.

Понтер ничего не говорил; он просто терпеливо ждал, что она заговорит сама. И она заговорила:

— В тот вечер, — сказала Мэри, — меня…

Она собиралась произнести это слово твёрдо, бесстрастно, но не смогла совладать с собой.

— Мне… сделали… плохо…, — сказала она.

Понтер озадаченно склонил голову.

— Тебя ранили? Тяжело?

— Нет. Я имею в виду… мне… сделал плохо… мужчина. — Она сделала глубокий вдох. — На меня напали в университетском городке, когда стемнело, — бессмысленные детали, лишь оттягивающие слово, которое она должна произнести. Она опустила взгляд к грязному металлическому полу. — Меня изнасиловали.

Хак пискнула — у компаньона достало соображения сделать сигнал громче, иначе его бы не было слышно за шумом подъёмника. Мэри попробовала снова. — Надо мной надругались. Сексуально.

Она услышала, как Понтер с шумом втягивает воздух — даже сквозь шум механизмов. Мэри подняла голову и нашла в полутьме его золотистые глаза. Её взгляд метался по его лицу — вверх-

вниз, вправо-влево, от одного глаза к другому, в поисках реакции, силясь угадать, что он думает.

— Мне очень жаль, — сказал Понтер.

Мэри предположила, что Понтер — или, скорее, Хак — сказал это в знак сочувствия, а не раскаяния, но она всё равно сказала, за неимением лучшего:

— Это не твоя вина.

— Нет, — сказал Понтер. Теперь была его очередь искать, что сказать. Наконец: — Ты не пострадала? В смысле — физически?

— Пара синяков. Ничего серьёзного. Но…

— Да, — сказал Понтер. — «Но». — Он помолчал. — Ты знаешь, кто это сделал?

Мери покачала головой.

— Несомненно, власти отсмотрят твой архив алиби и… — Он отвел взгляд, снова уставился на бегущий вверх камень. — Прости. — Снова молчание. — Так это… это сойдёт ему с рук? — Понтер говорил громко, несмотря на деликатность темы, чтобы Хак могла различить его голос на фоне скрежета. Мэри слышалась в его голосе ярость и негодование.

Она выдохнула, медленно и печально.

— Вполне вероятно. — Помолчала. — Я… мы не говорили об этом… с тобой. Может быть, я

слишком много от тебя требую. В нашем мире изнасилование считается ужасным, отвратительным преступлением. Я не знаю…

— В моём мире точно так же, — сказал Понтер. — Некоторые животные это делают, орангутаны, к примеру, но мы — люди, не животные. Конечно, у нас есть архивы алиби, и мало кто глуп настолько, чтобы пойти на подобный шаг, но если это случилось, то наказывается очень строго.

Несколько секунд оба они молчали. Понтер приподнял правую руку, словно хотел коснуться её, как-то утешить, но потом посмотрел на неё и с выражением удивления на лице, как если бы увидел руку какого-то незнакомца, опустил её.

Но тут же Мэри обнаружила, что сама тянется и касается его широкого предплечья, мягко и нежно. А потом её ладонь скользит вниз по руке и нащупывает его пальцы, и его рука снова поднимается, и её тонкие пальцы переплетаются с его.

— Я хотела, чтобы ты понял, — сказала Мэри. — Мы стали очень близки за то время, что ты был здесь. Мы говорили о чём угодно и обо всём сразу. И, как я сказала, мы думали, что ты никогда не вернёшься; что тебе нужно будет строить здесь новую жизнь. — Она помолчала. — Ты не настаивал, не пользовался ситуацией. Но в конечном

итоге ты оказался единственным мужчиной на всей планете, с которым мне было хорошо…

Понтер мягко сомкнул свои похожие на сосиски пальцы.

— Это было слишком рано, — сказала Мэри. — Понимаешь? Я… я знаю, что нравлюсь тебе… — Она замолчала. Почувствовала, как защипало в уголках глаз. — Прости, — сказала она. — Это нечасто случается в моей жизни, но бывали моменты, когда мужчины интересовались мной, ну…

— Но когда этот мужчина, — сказал Понтер, — не такой, как остальные…

Мэри тряхнула головой и посмотрела на него.

— Нет-нет. Вовсе не поэтому; не из-за того, что ты так выглядишь…

Она увидела, как окаменело его лицо в мерцающем искусственном свете. Он не казался ей уродливым — уже нет. Она находила его лицо добрым и умным и сочувственным и интеллигентным и… да, чёрт возьми, привлекательным. Но всё, что она говорила, почему-то оказывалось неверным, и сейчас, пытаясь ему всё объяснить так, чтобы не задеть его чувств, чтобы он не ушёл, так и не зная, почему она не ответила на его нежное прикосновения в тот вечер, когда они любовались звёздами, она в конце концов всё же

умудрилась его обидеть.

— Я имею в виду, — сказала Мэри, — что с внешностью у тебя всё в порядке. На самом деле, я нахожу тебя очень… — она помедлила, но не из-за недостатка убеждённости, а потому что не так часто в своей жизни была столь откровенна с мужчинами, — красивым.

Понтер слегка улыбнулся.

— Это, знаешь ли, не так. В смысле, про «красивый». Не по нашим стандартам красоты.

— Мне без разницы, — быстро ответила Мэри. — Меня это совершенно не волнует. То есть, я даже подумать не могла, что ты меня найдёшь физически привлекательной… — она понизила голос. — Про таких, как я, у нас говорят «обычная». На улице мне вслед никто голову не поворачивает.

— Я считаю, что ты особенная, — сказал Понтер.

— Если бы у нас было больше времени, — сказала Мэри. — Если бы у *меня* было больше времени, чтобы справиться… — хотя вряд ли на это хватит и всей жизни, подумала Мэри, — то всё… всё могло бы быть между нами по-другому. — Она беспомощно пожала плечами. — Вот и всё. Я хотела, чтобы ты это знал. Хотела, чтобы ты понял, что я… что ты мне правда нравился. Нравишься.

В голове возникла безумная мысль. А если бы всё и правда было по-другому — если бы она приехала в Садбери цельной личностью, а не разбитой на куски развалиной, может быть, Понтер не спешил бы сейчас так вернуться к своей старой жизни, в свой собственный мир. Может быть…

Нет. Нет, это уж было бы слишком. У него есть Адекор. Дети.

Но если всё и правда было бы по-другому, может быть, *она* была бы готова отправиться вместе с ним, через портал в иной мир. В *его* мир. В конце концов, здесь у неё никого нет, и…

Но всё не было по-другому. Всё было так, как было.

Клеть резко остановилась, и громко заверещал зуммер, предупреждая, что сейчас откроется дверь.

Глава 45

Внезапно все глексены пришли в движение. Сначала Адекор не мог понять, что происходит, но потом сообразил, что кто-то спускается в бочкообразную каверну по той же самой длинной лестнице, которую они видели ранее. Камера показывала лишь его широкую спину. Предположительно, это был глексенский лидер, лично явившийся оценить обстановку, когда ему доложили о странном устройстве, болтающемся на конце кабеля, который, если смотреть с той стороны, как будто возникает из пустого места.

Глексены на переднем плане жестами приглашали новоприбывшего приблизиться, что тот и сделал на весьма высокой скорости. Робот раскачивался на своей привязи — Дерн продолжал тащить его вверх, но тут Адекор на мгновение рассмотрел лицо только что появившегося в пещере человека.

Да! Невероятно, чудесно, невообразимо!

Сердце Адекора выпрыгивало из груди. Это Понтер! Одетый в странную одежду глексенского вида, и с этим странным черепашьим панцирем

из пластмассы на голове, но это, несомненно, он. Понтер Боддет жив и здоров!

— Дерн! — крикнул Адекор. — Стой! Опускай робота назад!

Камера снова начала приближаться к полу каверны. Жасмель ахнула и радостно захлопала в ладоши. У Адекора из глаз хлынули слёзы.

Понтер подбежал к роботу. Он странно нагнул голову, и Адекор не сразу догадался, что он делает — смотрит на клеймо производителя на днище корпуса, дабы убедиться, что это действительно машина из его родного мира. После этого Понтер посмотрел прямо в камеру и широко улыбнулся.

— Привет! — сказал Понтер; первое понятное слово во всей этой какофонии. — Привет, друзья! Я думал, что потерял вас навсегда! Интересно, кто на меня смотрит? Адекор, не сомневаюсь. Как я по тебе скучал!

Он замолчал, и с ним заговорили двое глексенов — один светлокожий, и тот, с коричневой кожей, который первым схватил робота.

Понтер снова повернулся к камере.

— Я не уверен, каких действий от меня сейчас ожидают. Я вижу кабель, выходящий прямо из воздуха, но безопасно ли лезть по нему? Могу я… — у него дрогнул голос, — могу я вернуться

домой?

Адекор оторвался от монитора и посмотрел на Дерна, который вернулся в пультовую. Дерн пожал плечами.

— Робот в прошлый раз вроде бы вернулся без повреждений.

— Вы не знаете, как долго вам удастся держать проход открытым, — сказала Жасмель, — или получится ли открыть его снова, если он закроется. Он должен вернуться прямо сейчас.

Адекор кивнул.

— Но как ему об этом сказать?

— Я знаю, как, — решительно ответила Жасмель. Она сбежала по ступеням в вычислительный зал и подошла к кабелю в том месте, где он растворялся в воздухе. Она положила на него ладонь, а потом скользнула ею по кабелю к самому краю, пока сначала кончики пальцев, потом пальцы целиком, потом вся ладонь вместе с предплечьем не исчезли. Когда в пустоту ушла вся рука по самое плечо, она просунула на ту сторону голову и просто крикнула — Адекор и Дерн услышали её через микрофоны робота, из вычислительной камеры не донеслось ни звука:

— Папа! Возвращайся!

— Жасмель, родная моя! — крикнул в ответ

Понтер, подняв голову к потолку. — Я…

— Лезь прямо сейчас! — крикнула Жасмель. — Мы не знаем, как долго продержится проход. Просто иди вдоль кабеля — поставь рядом с ним лестницу. Пол вычислительной камеры примерно в полусажени ниже того места, где сейчас моя голова, ты легко его найдёшь.

Жасмель втянула голову обратно на свою сторону и вернулась в пультовую.

Монитор показал всплеск лихорадочной активности; очевидно, никто к такому повороту дел не готовился. Двое мужчин побежали за лестницей, как сказала Жасмель. Один из мужчин крепко обнялся с Понтером — похоже, глексены его здесь не обижали.

А вот рядом с Понтером объявилась женщина с жёлтыми волосами — до сих пор её здесь не было, и вид у неё был весьма запыхавшийся. Она встала на цыпочки и прижалась губами к щеке Понтера; он в ответ широко улыбнулся.

Робот по команде Дерна повернул камеру, и Адекор увидел, что проблема сложнее, чем думала Жасмель. Да, кабель как будто свешивался из дыры — но дыра эта была далеко от стен пещеры. Она находилась почти в центре огромного пустого пространства, в нескольких человече-

ских ростах от пола и примерно на таком же расстоянии от ближайшей стены. Лестницу было попросту не на что опереть.

— Он может влезть по кабелю? — спросил Адекор.

Дерн пожал плечами.

— Он весит побольше робота, это уж как пить дать. *Может быть*, я его и удержу, но…

Но если кабель лопнет, Понтер упадёт на каменный пол и может сломать себе шею.

— Мы можем спустить ему кабель попрочнее? — спросила Жасмель.

— Если бы он у нас был, — сказал Дерн, кивая. — Но я без понятия, где его сейчас достать; я бы сходил в мастерскую наверху, но это отнимет много времени.

Но глексены, какими бы хилыми они не выглядели, оказались изобретательны. Четверо из них удерживали нижнюю часть лестницы, стараясь держать её как можно прямее. Она всё равно клонилась, но они кричали на Понтера, видимо, убеждая его лезть, несмотря на это.

Понтер подскочил к лестнице и уже поставил было ногу на первую перекладину, хотя она и стояла не слишком ровно. Внезапно жёлтоволосая женщина кинулась к нему и коснулась его руки.

Он обернулся к ней, и его бровь взлетела вверх в выражении удивления. Она вложила что-то в его руку и снова потянулась губами к его щеке. Он опять улыбнулся и полез вверх по лестнице, которую держали глексены.

Лестница раскачивалась тем сильнее, чем выше взбирался Понтер, и сердце Адекора подпрыгивало каждый раз, когда казалось, что сейчас она неминуемо свалится, но новые глексены подбегали на подмогу, и её удавалось выпрямить. Понтер уже протянул руку, нашаривая кабель поблизости от того места, где он пропадал в воздухе. Лестницу мотало вперёд-назад и из стороны в сторону, и Понтер промахивался, тянулся снова и снова промахивался, а потом…

Блок управления у Дерна в руках немного дёрнулся. Понтер держался за кабель!

Адекор, Жасмель и Дерн бросились в вычислительную камеру. Дерн и Жасмель заняли позицию непосредственно перед зоной перехода, а Адекор, ища, чем он мог бы быть полезен, встал *позади* неё. А потом…

Адекор ахнул.

На мгновение словно бы ниоткуда появилась голова Понтера, и сзади это выглядело так, будто его шея была перерублена огромным лезвием.

Дерн и Жасмель помогали Понтеру влезть, но Адекор, остолбенев, лишь наблюдал, как всё большая и большая часть его возлюбленного проходит через отверстие, которое расширялось и принимало форму его тела — и плоскость сечения проходила через весь его организм, открывая поперечный срез сначала плеч, потом грудной клетки с бьющимся сердцем и раздувающимися лёгкими, потом желудка, кишечника, ног…

И вот он прошёл весь! Он был здесь весь, целиком!

Адекор бросился к Понтеру и прижал его к себе, и Жасмель тоже обнимала отца. Все трое смеялись и плакали одновременно, и, наконец, оторвавшись от него, Адекор произнёс:

— С возвращением! С возвращением!

— Спасибо, — сказал Понтер, улыбаясь до ушей.

Дерн тактично отошёл на некоторое расстояние; Адекор только сейчас обратил на это внимание.

— Прости нас, — сказал он. — Понтер Боддет, это Дерн Корд, инженер, который помогал нам.

— Здравый день, — сказал Понтер Дерну. Понтер шагнул к нему, и…

— *Нет!* — выкрикнул Дерн.

Но было слишком поздно. Понтер запнулся за натянутый кабель, и он лопнул; та часть, которая уходила в мир глексенов, втянулась в портал, и зона перехода исчезла в голубоватой электрической вспышке.

Два мира снова отгородились друг от друга.

Глава 46

Дерн, явно чувствуя себя, как транспортный куб без пассажиров, тактично исчез, отправившись обратно на поверхность и покинув сцену воссоединения семьи. Понтер, Адекор и Жасмель переместились в маленькую столовую, примыкавшую к лаборатории квантовых вычислений.

— Я уже и не надеялся увидеть тебя снова, — сказал Понтер, радостно оглядев сначала Адекора, потом Жасмель. — Никого из вас.

— Мы думали также, — сказал Адекор.

— У вас всё в порядке? — спросил понтер. — Все здоровы?

— Да, со мной всё хорошо, — сказал Адекор.

— А Мегамег? Как малышка Мегамег?

— С ней тоже всё хорошо, — сказала Жасмель. — На самом деле она даже не поняла пока, что случилось.

— Не терпится увидеть её, — сказал Понтер. — Плевать, что до того, как Двое станут Одним, ещё семнадцать дней, я собираюсь наведаться в Центр завтра же и крепко её обнять.

Жасмель улыбнулась.

— Она будет очень рада, папа.

— А как Пабо?

Адекор заулыбался.

— Она страшно по тебе скучала. Выскакивала из дома при каждом шорохе, надеялась, что ты вернулся.

— Ох, милая моя старушенция, — сказал Понтер.

— Папа, — сказала Жасмель, — что тебе дала та женщина?

— О, — сказал Понтер. — Я и сам-то ещё не смотрел. Давайте глянем…

Понтер запустил руку в карман своих странных штанов из чужого мира и вытащил из него свёрток из белой материи. Он осторожно его развернул. Внутри была золотая цепочка и прикреплённые к ней две простые перпендикулярные полоски неравной длины, пересекающиеся примерно на трети более длинной из них.

— Как красиво, — сказала Жасмель. — А что это?

Понтер приподнял бровь.

— Это символ системы верований, которую разделяют некоторые из них.

— Кто была та женщина? — спросил Адекор.

— Мой друг, — ответил Понтер. — Её зовут…

на самом деле, я произношу правильно только первый слог её имени — Мэре.

Адекор рассмеялся: «мэре» — это было слово их родного языка, означавшее «возлюбленная».

— Я говорил, что тебе следует найти новую женщину, — сказал он шутливым тоном, — но не ожидал, что её поиски так далеко тебя заведут.

Понтер улыбнулся, но не слишком весело.

— Она была очень добра, — сказал он.

Адекор знал своего партнёра достаточно хорошо, чтобы понять: какая бы история ни стояла за этими словами, она будет рассказана в своё время, и не раньше.

— Кстати, о женщинах, — сказал Адекор. — Я… э-э… пока тебя не было, у меня были кое-какие дела с партнёршей Класт.

— Даклар! — воскликнул Понтер. — Как у неё дела?

— Видишь ли, — сказал Адекор, глядя теперь на Жасмель, — она стала довольно знаменитой в твоё отсутствие.

— Правда? — сказал Понтер. — И чем же?

— Она выдвинула обвинение в убийстве.

— Убийстве! — воскликнул Понтер. — Кого убили?

— Тебя, — невозмутимо ответил Адекор.

У Понтера упала челюсть.

— Ты, видишь ли, исчез, — сказал Адекор, — и Болбай подумала…

— Она подумала, что ты меня *убил*? — в голосе Понтера звучало неподдельное изумление.

— Ну, — сказал Адекор, — ты и правда пропал, а шахта такая глубокая, что архив алиби не принимает сигнала компаньона. Болбай представила это как идеальное убийство.

— Не могу поверить, — Понтер покачал головой. — Кто говорил от твоего имени?

— Я, — сказала Жасмель.

— Молодчина! — сказал Понтер, снова её обнимая. — Адекор, мне так жаль, что тебе пришлось через это пройти, — сказал он из-за плеча дочери.

— А уж как мне жаль, но… — Адекор пожал плечами. — Впрочем, рано или поздно ты всё равно бы услышал. Болбай считает, что я тебя ненавидел, потому что чувствовал себя в нашем проекте на вторых ролях.

— Чепуха, — сказал Понтер, выпуская Жасмель. — Я ничего не добился бы без тебя.

Адекор склонил голову.

— Это очень великодушно с твоей стороны, но… — Он замолчал, потом развёл руками. — Но в её

слова была доля правды.

Понтер положил руки Адекору на плечи.

— Возможно, теории и правда были больше мои, чем твои — но это ты спроектировал и построил квантовый компьютер, и это твой компьютер открыл ворота в иной мир. Твой вклад теперь в сотни раз превышает мой.

Адекор улыбнулся.

— Спасибо.

— Так чем всё закончилось? — спросил Понтер, улыбаясь. — У тебя вроде голос писклявей не стал, так что, я полагаю, у неё ничего не вышло?

— На самом деле, — сказала Жасмель, — дело будет слушаться в трибунале завтра.

Понтер удивлённо покачал головой.

— Очевидно, мы должны добиться его отмены.

Адекор улыбнулся.

— Да уж будь так любезен, — сказал он.

* * *

На следующее утро к арбитру Сард присоединился иссохший морщинистый мужчина и ещё более морщинистая женщина; они сидели по сторонам от неё. Зал Серого Совета был набит зрителями, среди которых выделялись серебристыми одеяниями десятеро эксгибиционистов.

Даклар Болбай по-прежнему была одета в оранжевое, цвет обвинения. По залу пронеслась волна возбуждённого шёпота, когда вошедший в зал Адекор оказался одет не в синее, как подобает обвиняемому, а в легкомысленную широкую рубаху с цветочным узором и светло-зелёные штаны. Он прошёл прямо к вертящемуся табурету, с которым уже успел свести близкое знакомство.

— Учёный Халд, — сказала арбитр Сард, — у нас есть традиции, и я ожидаю от вас их соблюдения. Я думаю, вы уже хорошо осведомлены о том, как я не люблю попусту тратить время, иначе я бы послала вас домой переодеться, но завтра будьте добры явиться в синем.

— Конечно, арбитр, — сказал Адекор. — Прошу меня простить.

Сард кивнула.

— Итак, начинаем финальное разбирательство по делу об убийстве Адекором Халдом, проживающим на Окраине Салдака, Понтера Боддета, проживающего там же. Главный трибунал состоит из Фарбы Донда, — пожилой мужчина кивнул, — а также Каб Жодлер и меня, Комель Сард. Обвинитель — Даклар Болбай, в качестве опекуна Мегамег Бек, младшего ребёнка своей умершей партнёрши. — Сард обвела взглядом

забитое людьми помещение, и её лоб пересекла довольная борозда: она знала, что об этом деле будут говорить ещё много месяцев спустя. — Мы начнём с вступительного слова обвинителя. Даклар Болбай, можете начинать.

— Со всем уважением, арбитр, — сказал Адекор, поднимаясь на ноги, — не мог бы говорящий от моего имени сначала представить заявление защиты?

— Учёный Халд, — резко сказал Донд, — арбитр Садр уже вынесла вам предупреждение относительно следования традициям. Обвиняемый всегда говорит первым, и…

— О, я это прекрасно понимаю, — сказал Адекор. — Но, видите ли, я и правда осведомлён о стремлении арбитра Сард продвигать дело со всей возможной скоростью, и я уверен, что нарушение порядка выступления значительно его ускорит.

Болбай поднялась, по-видимому, почувствовав выгоду для себя. И правда, если она будет выступать после защиты, то сможет разнести её аргументы в клочки уже во вступительном слове.

— Как обвинитель, я не возражаю против того, чтобы защита выступила первой.

— Спасибо, — сказал Адекор, отвешивая по-

клон. — Теперь, если позволите…

— Учёный Халд! — рявкнула Сард. — Не обвиняемому определять порядок слушания дела. Мы будем слушать его согласно традиции, и первой говорить будет Даклар Болбай.

— Я лишь подумал… — начал Адекор.

— Тишина! — От возмущения Сард начала краснеть. — Вы вообще не должны говорить. — Она посмотрела на Жасмель. — Жасмель Кет, лишь вы одна можете говорить от имени учёного Халда; пожалуйста, запомните это хорошенько.

Жасмель встала.

— Со всем уважением, арбитр, но сегодня не я говорю от имени Адекора. Вы сами посоветовали ему найти более подходящего защитника.

Сард коротко кивнула.

— Отрадно слышать, что он хотя бы изредка прислушивается к тому, что ему говорят. — Она оглядела толпу. — Хорошо. Кто говорит от имени Адекора Халда?

Понтер Боддет, который стоял непосредственно за дверями зала Совета, вошёл в зал.

— Я, — объявил он.

Некоторые из зрителей ахнули.

— Очень хорошо, — сказала Сард, глядя в протокол и готовясь внести в него изменение. — И

ваше имя...?

— Боддет, — сказал Понтер. Сард резко вскинула голову. — Понтер Боддет.

Понтер оглядел зал. Жасмель до сих пор удерживала Мегамег, но сейчас отпустила сестру. Мегамег кинулась через весь зал Совета к Понтеру, и тот подхватил её с пола и крепко прижал к груди.

— К порядку! — взревела Сард. — Всем соблюдать порядок!

Понтер улыбался от уха до уха. Он немного опасался, что власти могут решить держать существование другой Земли в секрете. В конце концов, доктор Монтего и доктор Сингх лишь в последний момент смогли предотвратить захват Понтера глексенскими властями, в результате которого он мог исчезнуть навсегда. Но сейчас тысячи людей смотрели на своих домашних визорах на то, что видели эксгибиционисты, и целый зал обычных компаньонов транслировал происходящее на кубы алиби своих владельцев. Весь мир — *этот* мир — скоро узнает правду.

Болбай поднялась на ноги.

— Понтер!

— Твоё стремление отомстить за меня похвально, дорогая Даклар, — сказал он, — но, как

видишь, несколько преждевременно.

— Где ты был? — спросила Болбай. Адекору показалось, что она выглядит скорее рассерженной, чем обрадованной.

— Где я был? — повторил Понтер, глядя на серебристые костюмы в толпе. — Должен сказать, я польщён тем, что дело об убийстве не слишком известного учёного привлекло столько эксгибиционистов. В их присутствии, и в присутствии сотен обычных компаньонов, посылающих сигналы в павильон алиби, я с превеликим удовольствием всё подробно объясню. — Он оглядел обращённые к нему лица — широкие, плоские лица; лица с носами нормального размера, а не теми пимпочками, что считаются носами у глексенов; заросшие волосами лица мужчин и менее волосатые — женщин; лица с далеко выступающими надбровными дугами и сглаженными нижними челюстями; прекрасные, превосходные лица, лица его народа, его друзей, его вида. — Но сначала, — произнёс он, — я хотел бы сказать, что нет в мире места лучше, чем родной дом.

Глава 47

Шесть дней спустя

Пятница, 16 августа

148/119/09

Адекор и Понтер прибыли к дому Дерна, инженера-робототехника. Дерн ввёл их в дом и включил визор. Понтер заметил, что Дерн, как и он сам, поклонник Луласма.

— Друзья, — сказал Дерн, — рад вас видеть. — Он указал на чёрный квадрат визора. — Вы смотрели визит Луласма в Экономическую Академию сегодня утром?

Понтер покачал головой; Адекор тоже.

— Известная вам Сард оставила пост арбитра. По-видимому, её коллеги посчитали, что на вашем процессе она была недостаточно беспристрастна.

— *Недостаточно?* — поражённо воскликнул Адекор. — Очень мягко сказано.

— В любом случае, — продолжал Дерн, — Серые решили, что её вклад будет более осмысленным,

если она станет преподавать право 146-му поколению.

— Это вряд ли заинтересует кого-то из эксгибиционистов, — сказал Понтер, — но Даклар Болбай находится на лечении. Учится справляться с горем, гневом и подобными эмоциями.

Адекор улыбнулся.

— Я представил её скульптору личности, который помог мне, и тот свёл её с нужными специалистами.

— Очень хорошо, — сказал Дерн. — Вы собираетесь требовать от неё публичных извинений?

Адекор качнул головой.

— Понтер снова со мной, — сказал он. — Больше мне ничего не надо.

Дерн улыбнулся и велел одному из своих многочисленных домашних роботов принести напитки.

— Спасибо за то, что зашли, — сказал Дерн и улёгся на длинную кушетку, скрестив лодыжки и закинув руки за голову; его округлое брюшко поднималось и опускалось в такт дыханию.

Понтер и Адекор взобрались на седлокресла.

— Ты хотел поговорить о чём-то важном, — мягко напомнил Понтер.

— Ага, — сказал Дерн, перекатывая голову на

бок, чтобы взглянуть на них. — Я думаю, мы должны найти способ сделать проход между двумя версиями Земли постоянно открытым.

— Похоже, он открыт, пока сквозь него просовывается материальное тело, сказал Понтер.

— Э-э… да, на коротких отрезках времени, — сказал Адекор. — На самом деле мы не знаем, можно ли это состояние поддерживать неограниченно долго.

— Если бы получилось, — сказал Понтер, — то какие открылись бы перспективы. Туризм. Торговля. Научный и культурный обмен.

— Именно, — сказал Дерн. — Взгляните на это. — Он скинул ноги на пол и поставил на полированный деревянный стол какой-то объект. Это была сплетённая из проволоки труба, чуть длиннее самого длинного его пальца и не толще самого толстого. — Это деркерова труба, — сказал он. Он втиснул внутрь трубки кончики двух пальцев и стал разводить их в стороны. Отверстие расширялось и расширялось, решётка с натянутой на ней эластичной мембраной растягивалась и растягивалась, пока края трубки не разошлись на целую пядь.

Дерн отдал трубку Понтеру.

— Попробуй её теперь смять, — сказал он.

Понтер обхватил трубку рукой, насколько хватило длины пальцев, потом приложил вторую ладонь и двумя руками обхватил её по всей окружности. Потом нажал, сперва легко, потом изо всей силы. Трубка не сжималась и не сминалась.

— Эта совсем мелкая, — сказал Дерн, — но на шахте есть такие, что растягиваются в диаметре на три сажени. Мы ими пользуемся для укрепления тоннелей в местах, где есть опасность обрушений. Горные роботы стоят недёшево, не хочется их терять.

— Как это работает? — спросил Понтер.

— Сетка на самом деле состоит из набора шарнирных сочленений с храповиками на концах. После того, как её растянули, вернуть её в исходное состояние можно лишь войдя в неё со специальным инструментом и разблокировав фиксатор на каждом элементе.

— То есть ты предлагаешь, — сказал Понтер, — после того, как мы снова откроем портал в другую вселенную, просунуть в него такую штуку — как ты её назвал? Деркерова труба? Просунуть в портал деркерову трубу и растянуть её до максимального диаметра?

— Именно так, — сказал Дерн. — И люди смогут

просто ходить из одной вселенной в другую.

— Им придётся пристроить с той стороны платформу и ступени, чтобы подниматься до уровня перехода, — сказал Понтер.

— Я уверен, это им будет нетрудно сделать, — сказал Дерн.

— А что произойдёт, если портал всё-таки нельзя держать открытым вечно? — спросил Адекор.

— Ну, я бы порекомендовал не мешкать в тунеле, — сказал Дерн. — Полагаю, если портал самопроизвольно закроется, то просто разрубит трубу пополам. Или так, или трубу выдавит на одну из сторон.

— Возникнет много других проблем, — сказал Понтер. — Когда я был там, мне стало очень плохо; на той стороне существуют микробы, к которым у нас нет иммунитета.

Адекор кивнул.

— Придётся принять меры безопасности. Мы, разумеется, не хотим, чтобы патогены свободно переносились из их мира в наш, а наши путешественники перед переходом туда должны будут проходить иммунизацию.

— Это всё можно организовать, — сказал Дерн. — Хотя лично я не представляю себе, какова могла бы быть процедура.

На короткое время наступила тишина. Потом Понтер сказал:

— Кто будет принимать это решение? — спросило он. — Кто решит, что мы должны установить постоянный контакт с другой Землёй — или хотя бы снова установить временный контакт?

— Я уверен, что установленной процедуры решения таких вопросов не существует, — сказал Адекор. — Сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь всерьёз обдумывал возможность путешествия в параллельную вселенную.

— Если бы не опасность заражения тамошними микробами, — сказал Понтер, — я бы считал, что мы должны снова открыть портал как можно скорее, но…

Снова повисла тишина, потом заговорил Адекор:

— Они… они хорошие люди, Понтер? Стоит ли нам общаться с ними?

— Они очень разные, — сказал Понтер, — в очень многих отношениях. Но они сделали мне много добра, и обращались со мной очень хорошо. — Он помолчал, потом кивнул. — Да, я считаю, что нам стоит вступить с ними в контакт.

— Тогда ладно, — сказал Адекор. — Я думаю, нашим первым шагом должно быть обращение

в Серый Совет. Нам надо начинать над ним работать.

Понтер много думал о том, что Мэре сказала ему в клети подъёмника, везущего их в нейтринную обсерваторию. Да, она прочла его намерения верно; она действительна была ему интересна. Некоторые вещи остаются понятными даже сквозь границы биологических видов и вариантов истории.

Сердце Понтера забилось сильней. Кажется, им предстоит увидеться снова.

И кто знает, что из этого выйдет на этот раз?

Был только один способ узнать.

— Да, — радостно сказал Понтер Боддет. — За работу.

* * *

Обычно Торонто лишь в сентябре становится таким щемяще прекрасным, небо над ним — таким глубоким и безупречно чистым, ветерок — шёлково нежным, а температура — идеальной; город наполняется той разновидностью гармонии, которая всегда напоминала Мэри, почему она всё-таки верит в Бога.

Но до сентября было ещё две недели, и, ра-

зумеется, когда наступит День Труда[38], этот внезапный знак препинания в конце лета, для Мэри придёт время возвращаться на работу, к своей старой жизни: преподавать генетику, не сходиться ни с кем особо близко и многовато есть. Но сейчас, вот прямо сейчас, под этим восхитительным небом Торонто казался раем на земле.

За время, проведённое в Северном Онтарио, Мэри растеряла несколько из обычных своих фунтов, но она знала, что это ненадолго. Все диеты, на которых ей приходилось сидеть, напоминали ей растительное масло «Crisco», которое «всегда возвращается, кроме, может быть, одной столовой ложки»[39].

Конечно, в Садбери она не сидела на сбалансированной диете, а просто ела меньше, чем обычно. Одна причина была в возбуждении по поводу всех этих невероятных событий, сопровождавшем всё её пребывание в Садбери, с Понтером. Этой причины больше не было.

Другая же причина никуда не исчезла и вряд

---

[38] Примечания: 38

В США и Канаде отмечается в первый понедельник сентября. *(Прим. перев.)*

[39] Примечания: 39

Рекламный слоган популярной в США и Канаде марки растительного масла, подчёркивающий, как мало его нужно для готовки — почти всё оно возвращается обратно в кухонный шкаф. *(Прим. перев.)*

ли исчезнет — последствия изнасилования.

Сегодня, в понедельник, Мэри согласилась приехать в университет на собрание факультета, и сегодня впервые с того ужасного вечера — неужели это было всего семнадцать дней назад? — ей пришлось пройти мимо того места, где произошло нападение, мимо бетонной стены, к которой насильник с закрытым чёрной балаклавой лицом прижал её тело.

Но, конечно, не стена была виновата в том, что её изнасиловали. Виноват был он, тот монстр, и больное общество, породившее его. Проходя мимо, она провела кончиками пальцев по стене, следя за тем, чтобы не выщербить края накрашенных красным лаком ногтей, и в этот момент её посетила безумная мысль. Она вспомнила другую стену из далёкого прошлого, на которой Кольм нацарапал их инициалы.

Тридцативосьмилетней женщине об этом смешно даже задумываться, но, возможно, ей следовало бы нацарапать МВ+ПБ на этой стене. Хотя, подумала она, ПБ лучше изобразить символами родного языка Понтера Боддета.

В любом случае, проходя мимо этой стены, она бы каждый раз улыбалась, а не испытывала бы отвращение. Это была бы печальная улыбка,

поскольку она знала, что вряд ли когда увидит Понтера снова. И всё же это было бы воспоминание… да, воспоминание *любви*; вспоминать об утраченной любви куда как предпочтительнее, чем о том, что случилось здесь.

И Мэри Воган зашагала вдоль стены навстречу своему будущему.

Приложение

Неандертальская система измерения времени

На Земле существует три естественных единицы измерения времени: сутки (время, за которое Земля совершает полный оборот вокруг оси), месяц (время, за которое Луна обходит вокруг Земли) и год (время, за которое Земля обходит вокруг Солнца).

Из-за своего сельскохозяйственного экономического уклада, который базируется сезонных работах — посевных и уборочных, мы отдаём предпочтение году, и при этом искажаем истинное значение всех трёх естественных единиц так, чтобы они делились друг на друга нацело.

Продолжительность звёздного (сидерического) года (один оборот вокруг солнца относительно неподвижных звёзд) составляет 365 суток 9 минут 9,54 секунды, но мы считаем, что в обычном году ровно 365 суток, а в високосном — 366.

Продолжительность синодического месяца (полный цикл смены лунных фаз) составляет 29 суток 12 часов 44 минуты 3 секунды, но в наших «месяцах» от 28 до 31 дня.

Продолжительность сидерических суток (полный оборот Земли вокруг оси относительно неподвижных звёзд) — 23 часа 56 минут 4,09 секунды, но мы округляем его до 24 часов.

Более того, многие из наших религий специально напускали в календарь туману для усиления власти духовенства (алгоритм расчета дат Пасхи, к примеру, изначально держался в строжайшем секрете).

Однако в обществе без сельского хозяйства и религии у неандертальцев не было никаких причин усложнять исчисление времени. Синодический месяц (промежуток времени между двумя последовательными новолуниями) был очень важен для их репродуктивной биологии, поэтому они никогда не искажали его длительность. Разумеется, каждый способен отмерять время в этих единицах, просто следя за фазами луны на ночном небе, так что их календарь гораздо эгалитарнее нашего.

Наименьшая единица измерения времени у неандертальцев — такт, изначально определявшийся как промежуток между двумя ударами спокойного сердца, но потом формально приравненный к одной стотысячной сидерических суток.

Остальные единицы неандертальского календаря по большей части являются десятичными произведениями основных единиц. Вот их полный набор, в порядке увеличения продолжительности, с приблизительным значением в наших единицах:

Неандертальская единица	Эквивалент
такт	0,86 секунды
гектотакт	86 секунд
децидень	2,39 часа
день	1 звёздные сутки
месяц (продолжительности месяцев одинакова)	29 суток 12 часов 44 минуты
декамесяц	295.32 суток
год	1 звёздный год
гектомесяц	8,085 звёздных лет
поколение	10 лет (1 десятилетие)
киломесяц	80.853 лет

(Очень приблизительно можно считать, что такт — это примерно секунда, гектотакт — минута, декамесяц — год, гектомесяц — десятилетие, киломесяц — столетие.)

Луна

Неандертальцы разделяют месяц как на очевидные четверти (новолуние, первая четверть, полнолуние, последняя четверть), так и на особые периоды, основанные на менструальном цикле:

День	Событие
1	*новолуние*
1–5	менструация
8	*первая четверть*
10–17	фертильный период, зачатие возможно
15	*полнолуние*
15	овуляция
22	*последняя четверть*
25–29	«Последние Пять»

Отсчёт поколений

Новое поколение рождается каждые десять лет. Базой для отсчёта поколений служит год, а не месяц, потому что момент зачатия всегда выбирается так, чтобы рождения приходились на весну: у младенца выше шансы выжить, если первую зиму своей жизни он встретит лишь через восемь месяцев после рождения.

Календарная дата состоит из трёх чисел: номера поколения, номера месяца внутри поколения,

и номера дня внутри месяца. 148/118/28 — это 28-й день (когда луна выглядит тонким серпиком, готовым исчезнуть) 118-го месяца (середина девятого года) 148-го поколения с момента основания современного неандертальского календаря (что произошло в году, который мы называем 523 н. э.)

Поколение	Год начала (н. э.)	Текущий возраст (лет)	Представители
148	1993	9	Мегамег Бек, Даб
147	1983	19	Жасмель Кет
146	1973	29	
145	1963	39	Понтер, Адекор, Даклар Болбай
144	1953	49	
143	1943	59	Дабдалб (хранитель алиби)
142	1933	69	Сард (арбитр)
141	1923	79	

Эра компаньонов началась с изобретения импланта Лонвесом Тробом; это произошло в 140-м поколении, в 1922 году по нашему календарю.

Интервью с автором

(выдержка из интервью Стивена Силвера с Робертом Дж. Сойером, июль 2002; взято с http://www.sfsite.com/09a/rsa135.htm)

В «Неандертальском параллаксе» неандертальцы, как и мы, считают Европу и Азию двумя континентами — Эвсоем и Галасоем. Почему?

Из-за особенностей расселения неандертальцев по земному шару. Они появились в Европе и потом мигрировали в Азию. Европа и Азия весьма различны в плане геологии и разделены Уральскими горами, создающими природный барьер между двумя массивами суши. «Эвсой» и «Галасой» означают просто «Старая земля» и «Новая земля», но, конечно же, у неандертальцев имеется термин для всего евразийского массива, просто в тексте я этот термин не упоминаю. Кстати, заметьте, мы считаем Северную и Южную Америку отдельными континентами с незапамятных времён, хотя до появления Панамского канала они являлись единым массивом суши.

Почему вы решили вывести в «Гоминидах» реально существующую компанию «Инко», и не какую-нибудь вымышленную?

Значительная часть действия романа разворачивается в Нейтринной обсерватории Садбери, реально существующем научном учреждении в Северном Онтарио. И так случилось, что оно действительно располагается в двух километрах под землёй в шахте, принадлежащей «Инко» — реально существующей канадской горнодобывающей компании. Я люблю помещать своих персонажей в реальные научные учреждения — к примеру, действие «Вспомни, что будет» происходит в ЦЕРНе и Лоренсовской лаборатории в Беркли. В этот раз оказался задействован частный бизнес. Нет, у меня нет акций «Инко», и я не связан с этой компанией никаким иным способом, однако она известна своей поддержкой научных проектов. Они не получают никакой прибыли от нейтринной обсерватории, которая, несомненно, создаёт им проблемы — но они свернули горы (причём в буквальном смысле — выкопали детекторную камеру и ведущий к ней штрек) для того, чтобы она заработала. Это великолепный пример ответственности перед обществом, подлинного корпоративного граж-

данства, так что я был только рад сделать им в «Гоминидах» немного рекламы.

Компаньоны в «Гоминидах» поначалу появляются как полезные и удобные инструменты для работы с информацией, но вскоре выясняется, что компаньоны — это глаза «Большого брата», а в неандертальском общественном устройстве проглядывают явно фашистские черты, которые не вызывают никакого отторжения в обществе. Было ли это вашим изначальным замыслом, и собираетесь ли вы разрабатывать эту тему в следующих книгах?

Я просто поражён, как много людей спрашивает меня о том, увидим ли мы во вселенной неандертальцев что-то плохое. Да, негативные черты нашего общества всплывали на поверхность явно и недвусмысленно по мере того, как Понтер открывал их для себя, тогда как негатив о неандертальском общества подавался не столь явным образом — но он всё равно присутствует в книге, настолько же очевидный, как нос на лице неандертальца. Разумеется, фашистские и тоталитарные аспекты их общественного устройства не случайны — именно таким я его и задумал.

Я также хотел заставить людей задуматься о том, какую огромную цену мы платим за под-

держание приватности, принимая во внимание то, насколько тяжёлый ущерб способен сейчас нанести один человек. «Мы ценили личную свободу превыше всего» — такая гордая эпитафия могла бы красоваться на надгробном камне человеческой расы. «Гоминиды» — это не памфлет, но будет поучительно взглянуть на него как на книгу об отличиях не Homo sapiens от Homo neanderthalensis, а американской культуры от канадской (эта параллель будет затронута в явном виде в третьем томе, «Гибриды»). В конце концов, Канада — полусоциалистическая страна, которая верит — по заявлениям нашего правительства — в идеалы мира, порядка и хорошего управления. Основные же документы США обещают жизнь, свободу и стремление к счастью — совсем другой набор, который, особенно после 11 сентября, может идти в комплекте с чрезвычайно высокой ценой в терминах общественной безопасности. В мире неандертальцев мы видим альтернативу, которая даёт реальные выгоды, но требует за них весьма высокую цену.